

Учредитель:
ЗАО «ЭЖМЕДИА»
Издатель: АНО «Академия
менеджмента и бизнес-
администрирования»

Выходит с апреля 1958 г.
(до марта 1992 г.
издавался под названием
«Экономические науки»)
Выпускается шесть раз в год

ИД «Экономическая газета»

ISSN 0130-9757

РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

Эволюция новой экономической системы

Общий ход реформы

Винслав Ю.Б. Промышленно-инновационная политика в системе государственного управления экономикой: новейшие модернизационные проблемы и подходы к их решению 3

Реформа и регион

Заусаев В.К., Кручак Н.А., Бежина В.П. Российский Дальний Восток: парадоксы развития 28

Отраслевые проблемы

Петров А.П., Прядилина Н.К. Лесное планирование: концептуальный подход к формированию лесного дохода на базе рыночных цен на древесину 35

Аграрные преобразования

Иванова Л.Н., Кузнецова Т.Е. Трансформация институциональной структуры российского АПК 46

Мировая экономика

Постсоветский регион

Захарова Е.В. Налоговая политика в странах ЕАЭС 63

Опыт Китая

Ше С.Г. Предпринимательская деятельность в КНР: колоссальные достижения и противоречия 72

Современный капитализм

Козенкова Т.А., Тетерятников К.С. Зарубежный опыт стимулирования экономики посредством налогового регулирования 83

Международные отношения

Алиев Т.М. Развитие человеческого капитала как фактор инклюзивного роста в регионе АТЭС 93

Экономика, образование и наука

Лыкова Л.Н. Бюджетные и налоговые институты модернизации экономики 101

Критика и библиография

- Любинин А.Б.* Время Березовских
(о книге П.О. Авена «Время Березовского») 115
-

События

- Награждение победителей Всероссийского конкурса
научных работ молодежи «Экономический рост России» 122
Общее Собрание Международной Академии менеджмента 124
Съезд ВЭО России в Санкт-Петербурге 126
-

C O N T E N T S

Evolution of a new economic system***General trend of reform***

- Vinslav Yu.B.* Industrial and innovative policy in the system
of public administration: the latest modernization problems
and approaches to their solution 3

Reform and Region

- Zausaev V.K., Kruchak N.A., Bezhina V.P.* The Russian Far East:
paradoxes of development 28

Sectoral problems

- Petrov A.P., Pryadilina N.K.* Forest planning: a conceptual approach
to the creation of forest income based on market of stumpage prices 35

Agrarian Reorganization

- Ivanova L.N., Kuznetsova T.E.* Institutional structure transformation
of the Russian agro-industrial complex 46
-

World Economy***Post-Soviet region***

- Zakharova E.V.* Tax policy in the EEU States 63

China Experience

- She Son Gun.* Business activity in the people's republic of China:
enormous achievements and contradictions 72

Modern Capitalism

- Kozenkova T.A., Teteryatnikov K.S.* International practice
of boosting economy through taxation policy 83

International Relations

- Aliiev T.M.* Human capital development as a factor of inclusive growth
in the APEC region 93
-

Economics, Education and Science

- Lykova L.N.* Fiscal institutions of the economy modernization 101
-

Criticism and Bibliography

- Lyubinin A.B.* The Berezovskies times (on the book by P.O. Aven
“The Berezovsky's times”) 115
-

Events

- Ceremony of Awarding the Winners of the All-Russia Contest
of Youth's Scientific Works: Economic Growth of Russia 122
General Meeting of the International Academy of Management 124
The all-Russian Economic Meeting devoted to the Economist Day 126

Общий ход реформы

ПРОМЫШЛЕННО-ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ: НОВЕЙШИЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПОДХОДЫ К ИХ РЕШЕНИЮ

Винслав Ю.Б.,

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник МГРИ-РГГРУ

Аннотация. В статье проведен анализ показателей развития промышленной сферы в 2016–2017 гг. Охарактеризованы новые задачи обеспечения технологического обновления и роста производительности труда в промышленности. Рассмотрены актуальные направления институционального регулирования промышленной сферы, связанные с уточнением понятийного аппарата промышленной политики, а также принципов ее реализации. Особое внимание уделено рассмотрению критериев выбора приоритетных направлений технологической модернизации промышленности. Акцентировано внимание на важности отраслевых аспектов реализации промышленной политики. На примере минерально-сырьевого комплекса России даны рекомендации по обеспечению сбалансированности развития добывающих и перерабатывающих производств. Разработаны принципы управления инновационным развитием минерально-сырьевого комплекса.

Ключевые слова: промышленность, промышленная политика, институциональное регулирование, приоритетные направления развития промышленности, минерально-сырьевой комплекс, сбалансированность, инновации.

INDUSTRIAL AND INNOVATIVE POLICY IN THE SYSTEM OF PUBLIC ADMINISTRATION: THE LATEST MODERNIZATION PROBLEMS AND APPROACHES TO THEIR SOLUTION

Vinslav Yu.B.,

Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher of MGRI-RGGRU

Abstract. In article the analysis of indicators of development of the industrial sphere in 2016–2017 is carried out. New problems of ensuring technological updating and increase in productivity of work in the industry are characterized. The relevant directions of institutional regulation of the industrial sphere connected with specification of a conceptual framework of industrial policy and also the principles of her realization are considered. Special attention is paid to consideration of criteria of the choice of the priority directions of technological modernization of the industry. The attention is focused on importance of branch aspects of realization of industrial policy. On the example of a mineral and raw complex of Russia recommendations about ensuring balance of development extracting and processing industries are made. The principles of management of innovative development of a mineral and raw complex are developed.

Keywords: industry, industrial policy, institutional regulation, priority directions of development of the industry, mineral and raw complex, balance, innovations.

Насущные требования реиндустриализации экономики предполагают проведение системной и целенаправленной работы по совершенствованию институциональных, ресурсных и технических регуляторов промышленной сферы. Актуализация промышленной (другие термины-синонимы: промышленно-инновационной, промышленно-технологической) политики государства должна способствовать преодолению хронических дисба-

лансов, сложившихся в пореформенный период как внутри промышленной системы, так и между последней и смежными сферами науки, образования, труда, финансов. «Новая нормальность» в экономике, выражающаяся в воспроизводственном феномене «около нуля», не может быть признана адекватной при сохраняющейся структурной деградации промышленности и дефиците высокопроизводительных рабочих мест.

Вопросы развертывания в России системы активной государственной (федеральной и субфедеральной) промышленной политики, задействования ее инструментария для перевода экономики на траекторию быстрого, устойчивого и высококачественного роста рассматриваются в значительном количестве научных публикаций [3, 4, 6, 7, 8, 14]. Однако нерешенность этих вопросов, с одной стороны, и сформулированные на высшем политическом уровне новейшие (постинаугурационные) модернизационные задачи — с другой, требуют дополнительных изысканий, более конкретных обоснований практических действий.

1. Неудовлетворительные итоги функционирования промышленности и новые «прорывные» задачи обеспечения качественного индустриального роста

Следует констатировать, что принятые на федеральном уровне в последние годы институциональные нормы регулирования экономики¹ (в силу их рамочного характера, отсутствия должных механизмов ясной и ответственной реализации) практически не повлияли на ускорение темпов и улучшение качества промышленного роста, а также повышение экономической эффективности и инновационной активности производственной сферы. Индекс промышленного производства в 2017 г. в сравнении с 2016 г. составил лишь 101,0%, аналогичный показатель по обрабатывающим отраслям был равен 100,2% (сфера добычи полезных ископаемых в 2017 г. оставалась лидером — здесь индекс производства составил 102,0%; исключение — металлургия, где рассматриваемый показатель был равен 96,4%, а по производству железорудного концентрата — 93,7%).

На фоне стагнации обрабатывающей сферы заметно возрос импорт машино-технического оборудования и транспортных средств — 127,5% (за январь–ноябрь 2017 г. по сравнению с аналогичным периодом 2016 г.); в общей структуре импорта доля данной группы товаров составила более 50% и увеличилась по сравнению с 2016 г. [18].

На крайне низком уровне остается в России ключевой показатель эффективности экономики — уровень производительности труда. По данным Минэкономки России (2016 г., расчеты выполнены путем отношения объема валового внутреннего продукта к суммарному отработанному времени) значение показателя в стране было меньше среднеевропейского в 2,2 раза, уровня США — в 2,9 раза, Германии — в 2,5 раза, Японии — в 1,7 раза [19]. Фактическая динамика показателя за 2012–2016 гг. была стабильно неудовлетворительной (табл. 1), что свидетельствует об отсутствии системной согласованной работы властных структур и бизнеса по данному направлению.

¹ Прежде всего, к ним относятся федеральные законы «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (от 28 июня 2014 г., № 172-ФЗ); «О промышленной политике в Российской Федерации» (от 31 декабря 2014 г., № 488-ФЗ).

Таблица 1

Индексы производительности труда в целом по экономике России и основным промышленным сферам в 2012-2016 гг. (в процентах к предыдущему году)

Виды экономической деятельности	Величина показателя по годам				
	2012	2013	2014	2015	2016
В целом по экономике	103,3	102,2	100,7	98,1	99,7
Добыча полезных ископаемых	100,3	100,8	102,8	98,3	100,3
Обрабатывающие производства	104,8	102,2	102,5	97,1	99,3
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	100,2	99,1	100,2	99,8	100,5

Источник: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики www.gks.ru \ \ Официальная статистика \ Эффективность экономики России.

На неудовлетворительную ситуацию с рассмотренным показателем безусловно повлияло заметное снижение числа высокопроизводительных рабочих мест в экономике². Так, в целом по России за 2013–2016 гг. число таковых сократилось с 17492,8 до 159983,3 тыс. единиц, т. е. на 9,4%. Причем если в сфере добычи полезных ископаемых уменьшение показателя за данный период составило 3%, то в приоритетной обрабатывающей сфере — 14,2% (в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды — 2,0%). Стратегически значимый показатель доли инвестиций в основной капитал в ВВП за 2012–2017 гг. оставался практически на одном уровне (2012 г. — 20,9%, 2013 г. — 21,2%, 2017 г. — 21,2%). Аналогична ситуация с долей продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП: 2014 г. — 21,8%, 2017 г. — 21,7%. Как общее следствие экономической стагнации — снижение уровня фондоотдачи в промышленной сфере (табл. 2). Соответствующие данные Росстата за 2016–2017 гг. отсутствуют, однако сохранение негативных трендов вполне очевидно, что обусловлено низким (20–40%) уровнем загрузки производственных мощностей в машиностроении, недостаточными темпами выбытия устаревшего оборудования, его нерациональной возрастной структурой.

Таблица 2

Индексы изменения фондоотдачи в целом по экономике России и основным промышленным сферам в 2012-2015 гг. (%)

Виды экономической деятельности	Величина показателя по годам			
	2012	2013	2014	2015
В целом по экономике	99,9	96,7	97,0	93,3
Добыча полезных ископаемых	97,4	90,8	95,9	94,8
Обрабатывающие производства	100,2	98,2	94,7	89,4

² В соответствии с приказом Росстата от 14 ноября 2013 г. № 449, к высокопроизводительным относятся все замещенные рабочие места предприятия, на котором среднемесячная заработная плата работников равна или превышает установленное пороговое значение.

Виды экономической деятельности	Величина показателя по годам			
	2012	2013	2014	2015
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	97,2	92,2	94,1	94,0

Источник: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики www.gks.ru \ \ Официальная статистика \ Эффективность экономики России.

Не произошло позитивных изменений в расширении масштабов инновационной деятельности как по экономике в целом, так и по промышленным отраслям. Так, удельный вес организаций, осуществляющих технологические, организационные, маркетинговые инновации (в общем числе обследованных Росстатом организаций по стране), снизился с 10,3% в 2012 г. до 8,4% в 2016 г. За тот же период коэффициент изобретательской активности (число отечественных патентных заявок на изобретения в расчете на 10 тыс. человек населения) уменьшился с 2,00 до 1,83 единиц. Ситуация с важнейшим целевым показателем — долей организаций, внедряющих технологические новшества (табл. 3), также не дает оснований для оптимизма.

Таблица 3

Динамика удельного веса промышленных организаций, применивших технологические инновации в отчетном году (в общем числе обследованных Росстатом организаций), за 2012–2016 гг.

№ п/п	Виды экономической деятельности	Величина показателя по годам				
		2012	2013	2014	2015	2016
1.	В целом по экономике	9,1	8,9	8,8	8,3	7,3
2.	Добыча полезных ископаемых	7,0	6,4	6,5	5,8	5,5
3.	Обрабатывающие производства	12,0	11,9	12,2	12,1	11,8
4.	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	4,9	4,7	4,5	4,3	4,1

Примечание. Целевое значение показателя на 2016 г., по данным [19], должно было составить 15%.

Источник: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики www.gks.ru \ \ Официальная статистика \ Эффективность экономики России.

Низкая инновационная активность характерна не только для технологических, но также маркетинговых, организационных, экологических инноваций. При этом за 2010–2016 гг. в стране уменьшилась численность персонала, занятого в сфере НИОКР; в 2015–2016 гг. обозначилась негативная тенденция сокращения числа исследователей, имеющих ученые степени доктора и кандидата наук, причем по всем областям знаний [13].

В соответствии с Указом Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (от 7 мая 2018 н. № 204) перед исполнительной властью поставлены, помимо прочих, такие действительно прорывные целевые задачи, как: а) создание в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности, высокопроизводительного экспортно ориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий и обеспеченного

высококвалифицированными кадрами (при этом объем экспорта несырьевых неэнергетических товаров должен обеспечиваться в размере не менее 250 млрд долл. ежегодно); б) рост производительности труда на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики не ниже 5% в год; в) увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50% их общего числа (п. п. 1, 9 Указа). Как было отмечено в упомянутом документе (п. 14б), промышленная политика, включая механизмы государственной поддержки, должна быть сориентирована на достижение международной конкурентоспособности российских товаров (работ, услуг).

Таким образом, следует констатировать, что в ближайшие годы роль активной целенаправленной промышленно-инновационной политики государства как фактора обеспечения структурной сбалансированности и развития новых технологических укладов в экономике должна существенно возрасти. При этом данная политика, как и вся система государственного управления, должна быть, согласно посланию Президента РФ Федеральному собранию от 1 марта 2018 г., перестроена в логике получения конкретного результата.

2. Еще раз о принципах и приоритетах макроуровневой промышленно-инновационной политики

Низкая результативность государственного регулирования промышленной сферы со стороны министерств экономического блока вполне очевидна. Причин тому много (например, потеря управляемости со стороны государства значительной части стратегических предприятий вследствие тотальной приватизации 1990 годов), в то же время главная причина — в том, что на макроуровне государственного управления в целом сохраняется приверженность к монетарной парадигме взаимодействия федерального центра с промышленной сферой, которая гипертрофирует значимость капитала как фактора производства, однако преуменьшает роль прямых финансовых инструментов, а также технологий институционального и технического регулирования. Однако в условиях мировой финансовой турбулентности и постепенного перехода к постиндустриальной экономике монетаризм все чаще подвергается справедливой, на наш взгляд, критике. Так, Нобелевский лауреат по экономике П.Р. Кругман, констатируя увеличение числа исследований о влиянии государственных расходов на промышленный рост, делает однозначный вывод: «Изменение бюджетных расходов вызывает аналогичные изменения в производстве и занятости. Другими словами, при увеличении расходов ВВП и занятость растут, а при их сокращении реальный ВВП и занятость снижаются»; кроме того, «уверенность потребителей и бизнесменов обязательно укрепит, если политики начнут стимулировать реальную экономику» [12]. Цитируемый автор не видит ошибки в том, чтобы для развития национальной экономики в периоды спада использовать целевую эмиссию для компенсации временного снижения налогов или покупки нетрадиционных активов, установление более высоких целевых значений инфляции (последнее естественно для Федеральной резервной системы США, использующей минимальные уровни процентных ставок), более жестких институциональных правил по сокращению вредных выбросов в атмосферу, что, по идее, должно стимулировать бизнес, стимулировать инвестиции в соответствующее оборудование.

В русле следования монетаристской концепции, отечественными экономистами либерального направления выдвигается весьма спорный тезис о бесполезности принятия

стратегий (соответственно, стратегических планов) социально-экономического развития страны в силу того, что внешние технологическая и социальная среды динамично меняются, при этом выполнение каких-либо ранее принятых стратегических установок равнозначно консервации отставания [15]. Стратегии нужны, согласно [15], не как совокупность подлежащих достижению целевых ориентиров, для достижения которых властные структуры совместно с институтами гражданского общества и бизнесом мобилизуют адекватные средства и механизмы влияния, а как инструменты выявления сценариев развития и формирования общественного консенсуса. Очевидно, что данная позиция во многом обусловлена низкой результативностью разработок в рамках Стратегии-2020, что, в свою очередь, было связано как с отсутствием в обществе спроса на предлагаемые в документе решения, так и неясностью, кто возьмет на себя политическую ответственность за реализацию. На наш взгляд, из этого тезиса четко следует, что механизм проработки упомянутой Стратегии не был сориентирован на выявление реальных проблем, осознаваемых населением и бизнесом. Демократические способы (технологии, процедуры) формирования Стратегии предполагают проведение комплексного анализа сложившейся текущей ситуации, трендов, причин неконкурентоспособности отдельных сфер. К такому анализу должен привлекаться широкий круг квалифицированных экспертов, представляющих различные области знаний и практических сфер; в данном случае общественный спрос на последующие (соответствующие) изменения будет безусловно обеспечен. Таким образом должна быть создана база для эффективной реализации Стратегии, тематика которой становится общественно понятной. Сомнения же в спросе на решения, предлагаемые в стратегическом документе, могут иметь место в следующих случаях: а) рассматриваемые проблемы не актуальны; б) проблемы актуальны, но причины их возникновения сформулированы некорректно, неубедительно для большинства; в) способы решения актуальных проблем лежат в русле сохранения причин, их породивших. Действительно эффективные решения тех или иных назревших проблем зачастую предполагают полный и/или частичный отказ от принятых управленческой элитой монетаристских постулатов, а это трудно.

Можно согласиться с точкой зрения, что откладывание институциональных реформ обусловлено, в том числе, отсутствием четкого понимания, что же конкретно надо делать [15]. Оценки и рекомендации сторонников активной роли государства в экономике (в том числе — действенной реализации ответственных процедур стратегического планирования) не принимаются по идеологическим соображениям; упование же на рыночную самоорганизацию не дает приемлемых для общества результатов. Если властные структуры не знают, что делать, то утверждаемые макроуровневые и отраслевые стратегии изначально приобретают «бумажно-имитационный» характер. Низкое качество документов стратегирования обуславливает невозможность плодотворной увязки объявляемых перспективных задач с «дорожными картами» мероприятий и/или конкретными научно-производственными проектами.

Распространенным является мнение о том, что, в отличие от индустриальной эпохи, сейчас невозможно определить отрасли, в которые государство вкладывало бы ресурсы и получало мощный эффект. Вместо передовых отраслей имеет смысл обсуждать передовые технологии. А поскольку технологии меняются очень быстро, то практически невозможно устанавливать их в качестве приоритетов государственной промышленной политики [15]. Вывод либеральных экономистов: государство должно способствовать созданию внешних благоприятных для развития бизнеса институциональных и инфра-

структурных условий, а задача концентрации ресурсов на априори заданных предметно-технологических промышленных приоритетах не имеет рационального смысла. На наш взгляд, множественные попытки финансово-экономических структур создать данные условия (для развития малого и среднего предпринимательства, привлечения прямых иностранных инвестиций и т. п.) в целом не привели к желаемым результатам. Причина — отсутствие должной конкретики действий, четкого понимания: а) для каких специфических производств они (условия) предназначены; б) к каким конкретно целевым результатам должны привести. Создание условий — комфортная область деятельности государственного аппарата, у которого всегда есть оправдание: мы «сделали все», но бизнес плох, не реагирует должным образом.

Можно сделать вывод о том, что избыточное присутствие государства в современной рыночной экономике (в виде владения активами, стремления решить множество проблем функционирования промышленности и банков за счет бюджета) не является рациональным. В то же время известный тезис «чем меньше государства в экономике, тем лучше» грешит абстрактностью и неприемлем для стран — крупных игроков, соперничающих в политико-экономической и военно-технической сферах (прежде всего, это США, Китай, Россия).

Принятие в 2014 г. Федерального закона о промышленной политике — безусловно, шаг в верном направлении, нацеленный на устранение «белого пятна» в институциональном регулировании стратегически значимого «блока» в общей системе государственного управления. В то же время текст упомянутого закона не свободен от системных недостатков; авторский анализ последних (в предельно сжатом изложении) дан в работе [6]. Полезно, думается, еще раз остановиться на тех актуальных аспектах рассматриваемого закона, которые нуждаются в дополнительной проработке. *Во-первых*, нужна предельно выверенная и конструктивная формулировка предмета регулирования закона. Таковой, например, может быть следующая: отношения между субъектами и объектами промышленной политики по поводу формирования и реализации общенациональных, региональных, муниципальных стратегий и программ развития промышленной деятельности, ориентированных на цели ее структурной модернизации и повышение конкурентоспособности. Данная трактовка предполагает достижение четкости в последующем определении соответствующих терминов, а также полномочия различных уровней власти по проблеме.

Авторское видение *объекта* промполитики является многоаспектным, предполагающим: а) высокую степень адресности мер госрегулирования с учетом объективной специфики и стратегической значимости отдельных промышленных секторов (направлений промышленной деятельности); б) отказ от рассмотрения всей промышленности (всех видов экономической деятельности, ориентированных на промышленность) в качестве объекта специального государственного регулирования.

Ключевой вопрос: следует ли в качестве объектов госстимулирования рассматривать промышленные отрасли? На наш взгляд, нередкая критика отраслевой приоритизации государственной поддержки является в принципе верной, хотя и предлагаемая альтернатива отказа от промышленно-инновационных приоритетов в виде их замены «созданием благоприятных внешних условий» не может быть результативной [12]. Мировая практика, да и отечественный опыт четко свидетельствуют о необходимости конкретно-селективного подхода в государственном стимулировании, реализуемого путем поддержки тех научно-технологических (промышленно-инновационных) направлений техники и/или отдельных проектов национальной значимости, результаты которых:

а) могут быть оценены количественно (приращение конструкторско-технологических параметров по определенной группе, классу изделий); б) отвечают задачам развития внутреннего промышленного рынка, международной конкурентоспособности и перехода к новым технологическим укладам.

Отрасль может и должна быть объектом государственного мониторинга, анализа и принятия макроэкономических решений по техническому регулированию, а также действий по защите национальных рынков, противодействию монополизму и развитию конкуренции; в то же время как объект ресурсной господдержки полную отраслевую совокупность предприятий рассматривать явно нецелесообразно. По двум причинам: а) само понятие «отрасль» в условиях современного рынка становится все более «размытым», границы отраслей становятся менее определенными, а бизнес традиционных отраслевых компаний — диверсифицированным; б) в любой отрасли есть элементы (подотрасли, направления бизнеса), отвечающие (по своему потенциалу, вектору развития) требованиям конкурентоспособности и экономической эффективности, а есть и элементы деградационного, предбанкротного состояния, в деятельность которых вкладывать государственные ресурсы бессмысленно.

Безусловно, отдельные отраслевые совокупности предприятий обладают высокой степенью стратегической значимости, однородности с точки зрения потенциала конкурентоспособности и могут (хотя и в значительном приближении) рассматриваться в качестве объекта госстимулирования. Примером целенаправленной работы по поддержке промышленно-инновационного сектора может быть программа «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности на 2013-2025 гг. (утверждена правительственным распоряжением от 15 декабря 2012 г. № 2396-р). В данном случае кураторами госпрограммы из Минпромторга был предложен особый механизм распределения субсидий для поддержки стратегически значимой промышленной сферы, характеризующейся: а) в целом высокой степенью наукоемкости и принадлежностью к передовым технологическим укладам; б) потенциалом позитивного влияния на инновационное развитие ряда отраслей (оборонный комплекс, вычислительная техника, приборостроение, средства связи, бытовая радиоэлектронная аппаратура); в) чрезвычайно низкой долей российского оборудования на внутреннем и внешнем рынках и, соответственно, важностью импортозамещения. Отраслевой подход к определению промышленного приоритета дополнен проектно-селективным принципом, когда решения о ресурсной поддержке на конкурсной основе принимает специальная группа (комиссия). По оценке заинтересованных экспертов, реализация в рамках госпрограммы проектного подхода, ориентированного на обязательную увязку проводимых НИОКР с промышленной реализацией и коммерческим использованием оборудования, заслуживает поддержки [17].

Можно сделать следующий вывод: отдельные отрасли обрабатывающего сектора, характеризующиеся мультипликативной эффективностью и ориентацией на новые технологические уклады, вполне могут претендовать на применение к ним программно-целевых госрегуляторов. В то же время решения по ресурсной господдержке (в рамках той или иной программы) должны иметь адресный *проектный* характер. В зависимости от результатов стратегического анализа промышленной сферы, а также планируемых к использованию инструментов промполитики, к ее объектам можно относить:

- отрасли и/или подотрасли, характеризующиеся высокой степенью однородности бизнесов и их принадлежностью к стратегически значимым высокотехнологичным обрабатывающим секторам;

- направления техники и НИОКР, представляющие собой определенные классы (виды) технических средств, обладающие потенциалом международной конкурентоспособности;
- сложные технико-технологические системы, разработка и промышленное освоение которых предполагают, как правило, межотраслевое взаимодействие предприятий, НИИ, КБ, университетов.

Содержание термина «объект промполитики» должно учитывать специфику федеральных, отраслевых, региональных, муниципальных институциональных регуляторов по проблеме. К объектам ПП *федерального уровня* целесообразно относить совокупность промышленных и инфраструктурных организаций (независимо от их дислокации, статуса, подконтрольности тому или иному органу власти), которые задействованы (и обладают соответствующим научно-производственным потенциалом) на направлениях промышленной (промышленно-инновационной) деятельности, имеющих общенациональную стратегическую значимость, связанных с обеспечением оборонной, технологической, энергетической, лекарственной безопасности страны в целом. Соответственно, эти предприятия и организации становятся участниками реализации государственных (федерального уровня) программ и проектов развития промышленной сферы. С учетом специфики решаемых задач (их сложности, масштаба), состава и дислокации задействованных организаций проектируются конкретные институциональные и экономические регуляторы (инструменты ПП), обеспечивающие реализацию данных программ и проектов.

Властные структуры территориального уровня наделены (в соответствии с ФЗ № 448) конкретными полномочиями по проведению региональной и муниципальной ПП; естественно, что последняя не должна противоречить принципам общегосударственной ПП и учитывать местную природно-географическую и социально-экономическую специфику. *Объектами территориальной (региональной, муниципальной) ПП* следует считать предприятия и организации, деятельность которых в той или иной степени связана с приоритетными направлениями, задачами и программами промышленного развития соответствующих регионов и/или муниципалитетов. При этом данные юридические лица — объекты региональной и/или муниципальной ПП — должны, как правило, иметь местную дислокацию. Хотя отдельные «заинтересованные лица», расположенные за пределами территории, но имеющие прямое или косвенное отношение к решению ее промышленно-экономических проблем, также могут привлекаться к участию в соответствующих программах и тем самым считаться объектами такой политики.

Что относить к *субъекту ПП*? Это тоже один из ключевых вопросов ПП: каким структурам необходимо давать полномочия по определению содержательных аспектов ПП, каково должно быть взаимодействие между ними, распределение задач, функций, прав и ответственности? Субъект рационально организованной ПП должен обладать уровнем компетенций, достаточным, чтобы грамотно определять приоритетные *межотраслевые* направления техники и НИОКР, увязывать собственно промышленные и инфраструктурные аспекты проблемы, оценивать емкость внутренних и внешних рынков промышленных товаров, проектировать разнообразный инструментарий воздействия на промышленный бизнес с обязательным учетом особенностей последнего (сложность, трудоемкость продукции, относительно длительный цикл производства, множественные кооперационные связи, необходимость конструкторско-технологической подготовки, послепродажного обслуживания изделий и др.).

Эти и другие вполне объективные требования к промышленному регулятору может реализовать лишь *консолидированный* субъект ПП, в составе которого должен присутство-

вать как уполномоченный орган власти, так компетентные представители науки, бизнеса, образования, профильного экспертного сообщества. Пока структурно-функциональная организация такого субъекта ПП не отработана по ряду причин, а именно:

- задачи, функции, ответственность Минпромторга России (как уполномоченного органа в области государственной ПП) в аспекте межотраслевого регулирования проблемы четко не определены (что проявляется в преимущественно отраслевом характере деятельности регулятора и в целом низкой его результативности; ведомство было организовано в году, однако лишь в 2014 г. появился предельно рамочный закон о ПП);
- практически отсутствует системная научная проработка вопросов национальной ПП, без чего деятельность Минпромторга не может приобрести проактивного характера (до сих пор исследования в области промышленного развития и его институционального обеспечения никоим образом не координируются, ведутся отдельными заинтересованными в проблеме специалистами (ИМЭМО РАН, Институт экономики РАН Межведомственный аналитический центр Минэкономразвития, Уральское отделение РАН);
- профильные институты гражданского общества (ассоциации промышленников, предпринимателей) пока должным образом не структурированы по горизонтали и вертикали, их деятельность в основном носит экспертно-оценочный характер и практически не вписана в реальный процесс обоснования и принятия государственных решений в области ПП.

Безусловное предпочтение следует отдавать предметно-технологическим приоритетам, представляющим собой актуальные с точки зрения национальной экономической безопасности и перспектив рынка взаимоувязанные направления техники и НИОКР. Именно в рамках последних представляется возможным, во-первых, сформулировать целевой уровень конструкторско-технологических (технично-технологических) конкретных типов, классов промышленных изделий (машинно-технических систем); во-вторых, определиться с перечнем тех предприятий и организаций, которые обладают достаточным потенциалом для реализации полноценного научно-производственного цикла «исследование — производство — внедрение (коммерческая реализация)». Промышленный приоритет всегда должен характеризоваться количественно измеримыми целевыми параметрами, обеспечивающими конкурентоспособность создаваемых изделий (систем техники), будь то в аспекте оборонной безопасности или в аспекте конкретной рыночной сегментации. Следовательно, вести речь о приоритетности той или иной организационно-правовой формы ведения бизнеса (крупная, мелкая компания, ФПГ и т. д., как это нередко делается) просто бессмысленно. Приоритетное промышленное направление — объект для ресурсной поддержки государства; соответствующие затраты должны обеспечивать целевой измеримый результат.

Систематизация критериев выбора промышленно-инновационных приоритетов была предложена автором в [6] и включала следующие:

- 1) безусловная направленность на реализацию определенного перспективного видения структуры промышленного комплекса, адекватной фундаментальным целям развития общества, причем не только сугубо экономическим, но и, в первую очередь, социальным;
- 2) соотносительность со сферами, находящимися в зонах слабого действия рыночных стимулов (или даже — «провалов рынка»), но имеющими нереализованный потенциал роста, и, конечно, с направлениями высокой социальной значимости;
- 3) непротиворечивость императивам обеспечения национальной безопасности в ее многообразных аспектах, включая социальные и экологические;
- 4) первенство «прорывных: промышленно-инновационных проектов перед «догоняющими»;
- 5) нахождение в относительно узком спектре тех меж-

трассевых направлений сопряженного развития техники, технологий и НИОКР, которые, задействуя эффект синергии кооперационного взаимодействия организаций разных отраслей, воплощаются в создании сложных технико-технологических систем стратегического значения; 6) реализуемость с позиций имеющихся научно-технических заделов и наличного производственного опыта, внутренних финансовых возможностей страны и потенциала противостояния внешним угрозам со стороны государств и «глобальных» ТНК; 7) долгосрочность, направленность на решение промышленно-инновационных проблем в 5-10-летнем и больших временных горизонтах; 8) возможность четкой идентификации соответствующих объектов промышленной политики (НИИ, КБ, серийных предприятий, вузов и др.); 9) принадлежность к собственно промышленной деятельности, а не к функциональным обязанностям госменеджмента [9]. В порядке постановки проблемы «технологии» применения обозначенных критериев отмечались следующие обстоятельства.

Первое. В связи с хорошо известной «полюсной» спецификой промышленности Россия имеет шанс на благоприятные для себя итоги глобальной конкуренции лишь в случае умелой опоры одновременно как на «старый», сырьевой, сектор национального и индустриального комплекса, так и на сектор «новый», высокотехнологичный (собственно «инновационный») — лишь при оптимизации соответствующих пропорций. В концептуальной проработке данной проблемы важно иметь в виду, что сырьевые производства могут и должны в той или иной степени пользоваться ресурсной поддержкой государства с проведением специальных стимулирующих мер (это вытекает, в частности, из необходимости ускоренного и качественного освоения потенциально высокорентабельных месторождений, а также решения других актуальных вопросов требующего задействования новейших технологий). Однако генеральная линия — поддержка именно обрабатывающих производств, предполагающая применение регулятивных ограничений к сырьевому сектору, тем более что его развитие продуцирует угрозы, связанные с истощением запасов природных ресурсов, высокой зависимостью экономики от мировой ценовой конъюнктуры на углеводородные энергоносители, рисками появления альтернативных источников энергии, с крайне негативными экологическими последствиями и др. В данном контексте сверхзадачей госрегулирования развития «старого» промышленного сектора является создание таких условий, которые помогли бы сырьевым корпорациям: а) диверсифицироваться, непосредственно осваивая производства с высокой добавленной стоимостью — перерабатывающие и машиностроительные; б) сохранять при этом по возможности высокий уровень прибыльности, необходимый не только самому бизнесу, но и государству — для перераспределения «сверхдоходов», в том числе ради содействия разворачиванию достаточного спектра конкурентоспособных обрабатывающих производств. Как же решить задачу формирования у сырьевых компаний, весьма инерционных и политически «весомых», соответствующих диверсификационных мотиваций?

Согласно предлагавшемуся авторскому алгоритму, для этого необходимо, чтобы: 1) исполнительная власть захотела и сумела разработать вышеупомянутые перспективные (допустим, в десятилетнем временном горизонте) «направления техники, технологии и НИОКР», а в их рамках — выявить актуальные проблемы, подлежащие решению с помощью наличных и привлекаемых финансовых и материальных ресурсов; 2) были разработаны соответствующие индикативные планы и четко ресурсно обеспечиваемые федеральные целевые программы; 3) строго «под» эти планы и программы были введены — на началах государственно-частного партнерства или госзаказа — ощутимые стимулы и гарантии для сырьевых и уже диверсифицированных (одновременно работающих

в обоих секторах) корпораций; 4) система госрегулирования допуска ведущих мировых транснациональных компаний к отечественным сырьевым ресурсам исключала безразличие этих ТНК к нашим промышленным приоритетам (например, с помощью схемы «доступ к сырью только в обмен на инвестирование в российскую перерабатывающую промышленность или за предоставление профильных ноу-хау»). Этот тезисно сформулированный алгоритм может быть конкретизирован, но в данном случае представляется достаточным подчеркнуть, что задача мотивирования крупных сырьевых корпораций на реализацию национальных интересов — из числа принципиально разрешимых.

Второе. Предлагаемый тезис, согласно которому большинство приоритетов национальной промышленной политики должно носить не отраслевой, а межотраслевой характер, в связи с чем и выделяются не «приоритетные отрасли», а «приоритетные направления техники, технологии и НИОКР», представляется практически реализуемым и исключительно актуальным, ибо, во-первых, именно «направления...» наиболее удобны с точки зрения осуществления госмониторинга и госстимулирования, поскольку субъекты национальной промышленной политики не в состоянии реально отследить каждую научно-техническую разработку, каждое наукоемкое изделие (тем более этап первого, составляющего второго) на предмет стратегической приоритетности (эффективности). Во-вторых, содержательная декомпозиция «направлений...» в разрезе проблем и соответствующих проектов дает возможность реализации первых с помощью механизмов государственно-частного партнерства или госзаказа. В-третьих, именно в рамках этой реализации появляется возможность задействовать синергетический эффект кооперации организаций многих отраслей, создающих и тиражирующих сложные технико-технологические системы (СПС), стратегически важные с позиций жизнеобеспечения общества, инновационного развития экономики, нейтрализации многообразных угроз национальной безопасности. В-четвертых, хотя упомянутые проекты, декомпозирующие «направления...», зачастую характеризуются высокой степенью затратности и инвестиционного риска, длительным производственным циклом (вследствие их «привязанности к зонам «слабых рыночных стимулов» они, собственно, и неосуществимы без систематической господдержки), именно способность производить подобные системы предопределяет нахождение страны в ряду ведущих экономических держав.

Третье. Определение состава российских промышленных приоритетов (и целевых стратегических индикаторов в рамках каждого из них) не должно копировать зарубежный опыт, равно как и (с учетом первых трех из семи предложенных выше критериальных требований) механически исходить из тех или иных мировых технико-технологических тенденций. Известный императивный подход «надо непременно успеть оседлать очередную разгоняющуюся «длинную волну» экономического роста до очередной крупномасштабной перестройки мировой экономики на основе утверждения очередного технологического уклада»³, похоже, все-таки имеет оттенок технократизма: в условиях

³ См. Глазьев С. Перспективы развития российской экономики в условиях глобальной конкуренции [11]. См. также последующие публикации академика С. Ю. Глазьева в «Российском экономическом журнале», журналах «Вопросы экономики», «Экономист» и других периодических изданиях, а также его капитальную монографию «Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо» [10]. Эти фундаментальные наработки, как представляется, еще ждут своего всестороннего анализа, который пока в большинстве случаев подменяется либо априори негативистскими «отписками», либо панегириками.

нарастания социальных, демографических и экологических угроз необходима, думается, тщательная гуманитарная экспертиза любых направлений в развитии производительных сил. Выбирая приоритеты, не следовало бы также проявлять характерную, к сожалению, для всех постсоветских властно-управленческих команд «забывчивость» в отношении накопленного за многие десятилетия отечественного потенциала в сфере высоких технологий и сложных стратегически значимых систем «двойного применения».

Формулирование обоснованного (с привлечением компетентных экспертов из науки, общественных организаций, бизнеса) достаточно узкого спектра приоритетных направлений промышленной (промышленно-инновационной) деятельности напрямую способствует программной организации работ. Эти приоритеты обозначают те промышленные зоны, где вмешательство государства как целевого регулятора и ключевого субъекта промполитики объективно необходимо в силу их принадлежности: а) к задачам обеспечения национального экономического суверенитета, жизнеобеспечения и безопасности; б) к области «провалов рынка» (а это в российских условиях, прежде всего, сфера переработки возобновляемых и невозобновляемых природных ресурсов и наукоемкие производства с длительным циклом). Естественно, что промышленные предприятия, деятельность которых происходит вне зон, отнесенных к национальным промышленным приоритетам, подлежат общесистемному экономическому регулированию и действуют в полном соответствии с принципом экономической свободы предпринимательства [6].

Для субъектов рынка (безразлично к их организационно-правовому статусу) важно иметь ясную информацию о том, для каких направлений бизнеса будут задействованы меры господдержки; эта ясность во многом определяет мотивацию инфраструктурных компонентов экономической среды (НИИ, КБ, вузов и т. д.). В то же время законодатель уходит от столь нужного прямого ответа, при каких условиях (в каких случаях) *должны* быть применены те или иные меры стимулирования промышленной деятельности. Вместо этого в базовом законе о промполитике говорится о *возможности* их использования властными структурами: особенности предоставления субсидий «могут» устанавливаться (ст. 10, п. 2); финансовая поддержка «может» предоставляться (ст. 10, п. 4); государственный Фонд развития промышленности (ФРП) опять же «может» осуществлять финансовую поддержку (следовательно, может ее и не предоставлять по субъективному усмотрению соответствующего чиновника или наблюдательного совета данного Фонда). Как следствие — неопределенность сигналов для рынка; его субъекты (в соответствии с действующими нормами закона) пока не могут увидеть адресности стимулов, получить долгосрочное видение того, в каких комплексных проектах (с участием НИИ, КБ, вузов, других инфраструктурных организаций) им выгодно принимать участие.

Для субъектов рынка также было бы полезно иметь информацию о приоритетах господдержки из созданного в соответствии с законом ФРП (ст. 11 ФЗ). Направления финансовой поддержки бизнес-проектов будут определяться наблюдательным советом Фонда; таким образом, ориентиры для целенаправленной разработки комплексных инвестиционных проектов не являются транспарентными. Безусловно, в этом вопросе необходима конкретизация и открытость соответствующих нормативно-правовых актов.

К сожалению, системное требование жесткой увязки промышленно-инновационных приоритетов и мер господдержки не реализуется и в отношении законодательной но-

веллы о специальном инвестиционном контракте (ст. 16 ФЗ). По такому контракту инвестор обязуется создать, модернизировать или «освоить производство промышленной продукции» (ст. 16, п. 1). Как видим, речь идет о *любой* продукции, совсем не обязательно относящейся к приоритетной, обеспечивающей структурную модернизацию экономики. Требования законодателя к содержанию контракта имеют скорее рекомендательный («может содержать те или иные параметры»), чем директивный (что, на наш взгляд, необходимо) характер; при этом необходимость расчетов экономической эффективности, рисков реализации, экологической и социальной безопасности рассматриваемым документом (ст. 6, п. 3) не обуславливается.

Значительная методическая работа должна сопровождать законодательные положения о создании территориальных промышленных парков или кластеров (глава 3, ст. 19, 20). Но ведь стимулировать, как хорошо известно из отечественной практики (например, создания официальных финансово-промышленных групп), надо не какие-либо инновационные формы промышленной деятельности, а те *проекты*, которые обоснованно (в соответствии с их целевой приоритетностью и заданными критериями эффективности) предлагаются для господдержки. Форма же ведения соответствующего бизнеса (отдельная фирма, альянс и т. п.) должна играть при этом лишь вспомогательную роль, хотя и влияющую на риски реализации проекта. Текст закона вроде бы стимулирует создание промышленных парков и кластеров, но как это повлияет на конкурентоспособность отечественной промышленности — большой вопрос. Особое внимание уделено созданию управляющих компаний; однако, на наш взгляд, следует больше стремиться к тому, чтобы соответствующие регулирующие функции реализовывать на базе головных дееспособных компаний, тем более что речь идет о территориальных (следовательно, не слишком крупных) интеграционных образованиях.

Вопросам создания и функционирования территориальных бизнес-структур с участием организаций научно-технической и образовательной инфраструктуры следует уделить особое внимание при разработке конкретизирующих положения законодательства нормативных документов и методических рекомендаций. Прежде всего, нуждаются в проработке: а) механизмы создания объединенных экономических фондов кластеров, учитывающих специфику его участников; б) льготные условия финансирования бизнесом совместных научно-образовательных проектов, отвечающих национальным приоритетам модернизации экономики.

Содержание ФЗ о промышленной политике, к сожалению, не затрагивает важную проблему усиления ориентации коммерческих банков на кредитование приоритетных программ и проектов бизнеса с участием инфраструктурных организаций науки и образования. А ведь несбалансированность банковской, промышленной, научной и образовательной сфер вполне очевидна. Необходимы, на наш взгляд, специальные условия кредитования тех долгосрочных промышленно-инновационных проектов, которые реализуются с участием НИИ, КБ, вузов и отвечают национальным приоритетам модернизации экономики. Например, можно было бы устанавливать особые экономические нормы регулирования тех банков, которые активно кредитуют предприятия, работающие в русле приоритетных направлений техники и НИОКР. Оказывать финансовую поддержку банкам при соблюдении жесткого требования формирования встречных обязательств по кредитованию приоритетных направлений промышленно-инновационной деятельности. Более активно использовать механизмы госгарантий для банковских структур, участвующих в структурной модернизации промышленности.

3. Мезоуровневый аспект государственной промышленно-инновационной политики

В работе [14] показано, что системный подход к формированию институтов промышленно-инновационной политики обязан учитывать (причем не только в принципиальном, но и в более или менее детализированном плане) многообразную специфику видов экономической деятельности, соответственно, объектов госрегулирования. Прежде всего, на наш взгляд, актуальна разработка методов промполитики применительно к комплексам взаимоувязанных (смежных) отраслей, действующих совместно для достижения общих целей. Именно на уровне отраслевых комплексов (оборонно-промышленного, минерально-сырьевого, агропромышленного, лесопромышленного, рыбопромышленного) особенно четко проявляются проблемы несбалансированного функционирования и развития научно-производственных потенциалов отдельных промышленных сфер, сложности налаживания необходимых кооперационных связей и обеспечения (в народнохозяйственных интересах, да и в нередко перспективных интересах самого бизнеса) сопряженности стратегических векторов развития. Ключевой задачей промполитики становится обеспечение дифференцированного подхода к оценке и регулированию данной сбалансированности в разрезе конкретных интегрированных технологических цепочек взаимосвязанных производств. Типичные примеры данных цепочек: создание и производство составных частей сложных технико-технологических систем (оборонно-промышленный комплекс); разведка запасов, добыча и переработка сырья (минерально-сырьевой комплекс); заготовка древесины, производство мебели и строительных материалов (лесопромышленный комплекс). В функционировании и развитии данных цепочек (чем они «длиннее», тем более высокотехнологичным должен быть конечный продукт) не должно быть «узких мест» (как в текущем, так и перспективном периоде), когда: а) внутренний и/или внешний спрос на соответствующую продукцию не удовлетворяется в той мере, на которую можно было бы реально рассчитывать; б) когда неудовлетворительное состояние одной сферы приводит к кризисному (неразвитому, излишне затратному и т. п.) состоянию смежной сферы.

Содержание промполитики мезоуровня в контексте сбалансированности секторов рассмотрим применительно к минерально-сырьевому комплексу (МСК), представляющему целостную, системно организованную совокупность взаимодействующих предприятий и организаций, действующих в сопряженных сферах поиска (разведки) сырьевых ресурсов, их добычи, переработки и реализации соответствующих товаров на внутреннем и внешнем рынках [5]. Именно в МСК систему управления особенно актуально рассматривать с межотраслевых (межведомственных) позиций, когда используются соответствующие макроуровневые регуляторы пропорционального развития (сбалансированности) взаимодействующими сферами. Данная сбалансированность, безусловно, нуждается в периодическом мониторинге и должна обеспечивать: 1) рациональное распределение затрат и мощностей по отдельным звеньям комплекса, не нарушая при этом общие принципы рыночного саморегулирования⁴; 2) устойчивое получение как текущее, так и перспективного финансово-экономического эффекта.

⁴ Разумеется, необходимо учитывать ту особенность рыночных отношений в МСК, что государство является собственником недр; как следствие, имеет по законодательству возможности использования нерыночных механизмов влияния на сферу недропользования.

В аспекте сбалансированности сфер МСК особая роль принадлежит геологоразведке, задача которой состоит в формировании надежной ресурсной базы функционирования и развития добывающей промышленности комплекса. Достоверная информация о прогнозируемых и доказанных (пригодных для промышленной разработки) запасах минерального сырья позволяет добывающим и перерабатывающим предприятиям МСК формировать стратегические и текущие бизнес-планы, ориентированные на получение устойчивой результативности.

Принципиальный курс промышленной политики на увеличение доли переработки сырья, развитие газонефтеуглехимии, безусловно, верен. В идеале, индустриально развитая страна должна добывать столько сырья (при его наличии), сколько может переработать. Однако этот тезис нуждается в детализации; например, надо учитывать:

1) какое именно сырье и какие продукты его переработки будут востребованы рынком в среднесрочном и/или долгосрочном периоде;

2) какие цены на сырье и продукты его переработки будут действовать на перспективных рынках;

3) в целом, каков ожидаемый жизненный цикл (ЖЦТ) сырьевых товаров каждого вида (включая продукты его переработки).

В последнем случае возможны следующие варианты управленческого реагирования:

а) при значительных доказанных запасах конкретного ликвидного минерального сырья прогнозируемый ЖЦТ является ограниченным по времени; как следствие — необходимо наращивать добычу и максимизировать продажу данного сырья;

б) рыночный спрос на минеральное сырье определенного вида в обозримой перспективе падает, однако на продукты его глубокой переработки сохраняется (как в среднесрочном, так и перспективном периоде) при высоком уровне запасов; как следствие, необходимо наращивать стратегические запасы природного сырья, а также производственные мощности по его переработке и реализации соответствующих продуктов высокой добавленной стоимости на внутреннем и/или внешнем рынках;

в) ожидаемый спрос как на минеральное сырье, так и на продукты его переработки существенно снижается; как следствие, следует максимизировать использование существующих мощностей по добыче и переработке по данному направлению, учитывать при этом уровень и динамику текущих цен, вектор инвестиций направлять на более перспективные области МСК.

Прогнозируя те или иные стратегические вызовы в области развития МСК, целесообразно:

- тщательно отслеживать инновации в сфере производства товаров-заменителей в области продуктов переработки традиционных видов минерального сырья;
- инвестировать в наращивание добычи тех видов сырья, на ликвидность которых в свете мировых трендов развития экономики можно с уверенностью рассчитывать (например, в добычу редкоземельных металлов);
- совершенствовать методы прогнозирования спроса по каждому виду минерального сырья и продуктов его переработки;
- инвестировать в развитие геологоразведки — прежде всего, по тем сырьевым направлениям, где доказанные запасы ограничивают производство ликвидных продуктов глубокой переработки сырья.

Таким образом, императивами стратегического развития МСК могут быть следующие:

а) объем добычи сырья поддерживается на более высоком уровне, чем потенциал переработки, если: перспективы наращивания сбыта продуктов переработки сомнительны (есть товары-заменители, или вообще исчезает соответствующая потребность рынка), в то же время спрос на сырье в обозримом периоде сохраняется;

б) потенциал перерабатывающих мощностей превышает возможности добычи собственными силами, если: достигнут определенный запас перерабатывающих мощностей, доказанные запасы сырья невелики, условия добычи становятся все менее привлекательными, в то же время есть возможность импортных поставок сырья при сохранении спроса на продукты его переработки.

Особо следует остановиться на принципах формирования *мезоуровневой промышленно-инновационной системы*. Ее актуальность обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, задача создания Национальной инновационной системы (НИС), поставленная Президентом страны еще в 2012 г., до сих пор остается нереализованной; постепенно об этой верной идее стали забывать, поскольку ее содержание больше тяготеет к дирижистской, а не либеральной экономической парадигме. Последняя (по отношению к инновациям) делает упор на поддержку отдельных технологических и иных (организационных, маркетинговых) новшеств путем формирования региональных технопарков, «стартапов», венчурных фондов. Соответствующие организации (инфраструктура рынка инноваций) налаживают коммуникации с исследователями, помогают им в разработке бизнес-планов коммерциализации ноу-хау, в финансировании начальных этапов НИР, способствуют продвижению конечных результатов НИОКР (изделий) на товарных рынках. Значительное внимание уделяется созданию при университетах малых инновационных предприятий, вовлекающих в совместную творческую деятельность преподавателей и студентов. В рамках данного подхода в странах с развитой рыночной экономикой обеспечивается постепенный рост доли финансирования НИОКР за счет заинтересованного бизнеса.

На основе российских реалий 2000 годов можно сделать вывод о том, что государственная научно-техническая политика в стране была сориентирована на развитие стартапов и венчуров, финансируемых из бюджета (примеры: «Сколково», «Российская венчурная компания»); определенные усилия предпринимались в области формирования технопарков с участием крупных региональных вузов и дееспособного бизнеса. В то же время, несмотря на относительную множественность появления специализированных (на тематике обслуживания НИОКР) инфраструктурных организаций, общероссийская ситуация с повышением доли промышленных предприятий, использующих технологические инновации, за последние годы не улучшилась. Основные причины: сохраняющаяся сырьевая направленность отечественной экономики, сервисное высокотехнологичное обслуживание которой ведут зарубежные фирмы; неспособность государства финансировать вузы и НИИ в объемах, достаточных для закрепления способных исследователей; отсутствие должных стимулов проведения НИОКР у промышленных предприятий (которым легче закупать импортное оборудование, чем проектировать собственное); распыленность создаваемой инновационной инфраструктуры, преобладание «мелочевки» в их инвестиционных портфелях.

Рациональные дирижистские (с активной целеполагающей ролью государства) подходы к государственной научно-технической политике пока также не сложились: полноценная реализация требований Федерального закона о стратегическом планировании в части разработки прогноза и стратегии научно-технологического развития, обеспечивающая ясные долговременные приоритеты НИОКР, координации НИИ, КБ, вузов, экономические механизмы привлечения бизнеса к внедрению новшеств, еще далека

от завершения; взаимодействие институтов РАН с профильными отраслевыми НИИ не восстановлено; должная сбалансированность (по приоритетам, ресурсам, стимулам) политик государства в таких смежных сферах, как промышленность, наука, образование, не обеспечивается. За счет чего должен совершиться обозначенный Президентом страны научно-технологический прорыв (как задача ближайших лет), пока не очень ясно. Однако вполне очевидно, что как в целом по стране, так и применительно к МСК «прорывная» ориентация промышленно-инновационной политики должна формировать на основе использования разнообразных инструментов, не отрицая возможностей применения для решения инновационных задач как дирижистских, так и либерализованных механизмов. Первые — прежде всего для разработки и реализации крупных проектов национальной (стратегической) значимости, требующих участия государства в координации и ресурсном обеспечении совместной деятельности множества предприятий, НИИ, КБ, вузов. Вторые — для более полной реализации творческого потенциала изобретателей на микроуровне, устранения барьеров между талантливыми разработчиками и бизнесом. Сфера недропользования в этом смысле — актуальный и обширный по своим масштабам полигон для развертывания фундаментальных (науки о Земле) и прикладных исследований в таких областях, как геологоразведка, добыча разнообразных полезных ископаемых, переработка сырья в товары средней и высокой добавленной стоимости.

Стратегический курс на создание современной мезоуровневой инновационной системы в сфере недропользования предполагает налаживание совместной работы уполномоченных властных структур и корпораций МСК в контексте реализации ряда принципиальных положений.

Принцип научно-технологического прорыва предполагает создание и/или реализацию имеющихся возможностей для качественного улучшения ситуации в конкретных областях экономики на основе результатов НИОКР, относящихся к новым поколениям техники и не имеющим прямых аналогов. Соответствующие новшества могут разрабатываться в уже известных (регламентированных институционально) приоритетных направлениях промышленно-инновационной политики, а могут быть результатом таких пионерных научно-технических идей, которые формируют новые направления НИОКР. Решение задачи обеспечения «прорывного» научно-технологического развития предполагает поиск ответов на следующие вопросы:

- каковы приоритетные направления научно-технологического развития МСК?
- возможны ли в данных областях «прорывные» решения, если да, то в каких именно и в чем их суть?
- какие производственные и/или научно-образовательные структуры имеют потенциал для разработки (освоения) «прорывных» технологий?
- какие институциональные, ресурсные, организационные условия необходимо создать для осуществления научно-технологического прорыва в соответствующих областях?
- есть ли в наличии таланты, способные обеспечить разработку прорывных технологий и/или возглавить коллективы, работающие на прорывных направлениях?

Таким образом, необходимы тщательная инвентаризация накопленного научно-технического потенциала в МСК, как в части ранее полученной научно-технической информации (результаты проведенных НИОКР), так и в отношении квалификации исследовательских кадров. Почти наверняка можно утверждать, что далеко не все полезные и оригинальные результаты деятельности профильных для МСК академических и отраслевых НИИ, а также университетов получили освоение и тиражирование в производстве.

То же самое — в отношении конструкторской документации, не доведенной до стадии промышленного освоения в силу слабости соответствующего промышленного потенциала. Именно результаты проведенной целенаправленной инвентаризации сосредоточенного в отраслях МСК и РАН научно-технического потенциала (в разрезе приоритетных направлений научно-технологического развития) должны способствовать выбору рациональной стратегии действий применительно к следующим ситуациям:

1) наличествуют новые «прорывные» идеи, реализация которых требует проведения соответствующих НИОКР;

2) имеются неиспользованные созданные ранее перспективные научно-технические заделы, в целом пригодные для освоения в производстве (возможно, при определенной доработке);

3) отсутствуют новые прорывные идеи, а также прошлый научно-технический задел.

Экспертиза возможности отнесения той или иной научно-технической идеи к классу «прорывных» должна использовать качественные и количественные критерии, которые нуждаются в специальном обосновании.

Принцип многоуровневого межотраслевого подхода в управлении инновациями означает необходимость учета того, что сфера МСК является сложной открытой иерархически организованной многоотраслевой экономической системой, в рамках которой задействованы механизмы межведомственной координации, согласования отраслевых и корпоративных экономических интересов. Отдельные инновационные задачи, прежде всего — связанные с поиском новых закономерностей формирования месторождений полезных ископаемых в рамках фундаментальных наук о Земле, могут решаться на межотраслевом уровне с помощью специально создаваемых структур (комиссий, советов) правительственного уровня с привлечением институтов РАН, ведущих исследовательских университетов и организаций геологоразведочной отрасли. Перспективным может быть научно-техническое сотрудничество заинтересованных машиностроительных (в том числе — оборонных), горнодобывающих и нефтегазовых компаний по созданию новейших производств по углубленной переработке минерального сырья, техногенных отходов, а также ресурсосберегающего оборудования, в том числе по извлечению сопутствующих компонентов рудных запасов.

Значимость взаимодействия отраслевых органов исполнительной власти и крупно-корпоративного звена МСК определяется необходимостью учета взаимных интересов при формировании общепромышленных и корпоративных стратегий развития, обеспечения непротиворечивости научно-технических приоритетов на различных уровнях управления.

Принцип использования современных технологий научно-технического прогнозирования и конкурентной разведки предполагает последовательное повышение качества методов оценки перспективного видения структуры и функций технологического базиса отраслей МСК, в том числе на основе налаживания системы инновационного форсайта и бенчмаркинга соответствующих подсистем компаний — отраслевых лидеров (включая параметры стратегий инновационного развития, численность исследователей и разработчиков, тематику корпоративных НИОКР, стимулы внедрения ноу-хау и т. д.).

Организация комплексного форсайта (научно-технического, кадрового) — задача отраслевого уровня управления инновациями в МСК (сфера деятельности таких ведомств, как Минэнерго, Минприроды, Минпромторг). Эффективным вариантом для геологической отрасли может быть реализация прогностической функции в рамках ОАО «Росгеология». К участию в форсайте целесообразно привлекать экспертов профильных ин-

ституты (академических, отраслевых), исследовательских университетов, ключевых бизнес-структур. Методика форсайта должна быть четко отработана с учетом специфики МСК и ориентировать руководство соответствующих отраслей на адекватное целевое видение перспективных направлений основной деятельности, инновационных и кадровых приоритетов развития сферы недропользования.

Принцип регламентации функций управления инновациями в государственном управлении сферой МСК подразумевает определение перечня тех управленческих работ, которые в рамках общих полномочий соответствующих ведомств должны выполняться применительно к рассматриваемой проблеме. Так, на межотраслевом (правительственная комиссия по недропользованию, Минобрнауки, Минпромторг) уровне усилия должны быть сосредоточены на координации деятельности по лицензированию допуска предприятий к разработке полезных ископаемых при условии выполнения бизнесом проектов инновационной направленности (например, в аспекте глубокой переработки сырья или технологического перевооружения с целью импортозамещения), а также научно-образовательных структур (устранение дублирования НИОКР, приоритизация инновационной деятельности и т. п.). Кроме того, важными являются действия по развитию внутреннего промышленного рынка в интересах МСК, особенно по таким направлениям, как нефтегазовое машиностроение, производство новой отечественной техники для горнодобывающих предприятий. Необходимы также инициативы по увязке законодательств о недропользовании, экологии, лесном и водном хозяйствах.

На уровне отраслей МСК должны быть сформированы регламенты процедур взаимодействия соответствующих ведомств с бизнесом и профильными ассоциативными структурами по разработке инновационных разделов стратегий развития системообразующих сфер недропользования (геологоразведка, нефтегазовый, горно-металлургический сектора). Эти разделы должны формироваться при активном участии ведущих инновационных структур, при этом не дублировать содержание корпоративных стратегий, решать прежде всего общеотраслевые задачи научно-технологического прорыва (с выходом на программно-проектные работы стратегической значимости).

Важно, чтобы соответствующие регламенты учитывали как вертикальный, так и горизонтальный аспекты рациональной сопряженности инновационных мероприятий, а именно: разрывы по времени и ресурсному обеспечению инновационных мероприятий при переходе от микро- к мезоуровню реализации крупных проектов или при подключении к последним исполнителей из ведущих ведомств были бы минимальны. Соответствующие риски реализации указанных (многоуровневых и/или межведомственных) инновационных проектов должны специально учитываться в системах управления. Сценарии «выхода» проектных результатов на более высокий или смежный управленческий уровень целесообразно прорабатывать уже на начальной стадии планирования работ.

Принцип многообразия, учета производственной специфики различных секторов сферы недропользования обуславливает целесообразность постановки широкого спектра НИОКР, различающихся по своим целям, методологии и методам научного поиска. Так, процессы добычи углеводородов (нефть, газ) и твердых полезных ископаемых (руда, уголь, алмазы, золото) существенно различаются по характеру используемых технических средств, а также геофизическим особенностям взаимодействия с внешней средой. Актуальные проблемы переработки минерального сырья предполагают для своего решения не только рациональный симбиоз, совместное применение методов геологической и химической науки (инновации в сфере газонефтеуглехимии), но также совершенствование техники

и технологий механического воздействия на минералы с учетом совокупности их физических свойств. Многообразие векторов воздействия деятельности предприятий МСК на жизненно важные параметры окружающей среды (плодородие почв, чистота воздуха и воды) обуславливает специфику комплексных НИОКР экологической направленности.

Принцип приоритизации государственной промышленной политики в стратегическом планировании НИОКР и инноваций в минерально-сырьевом комплексе означает необходимость увязки научно-технической деятельности предприятий и организаций недропользования с решением национальных задач структурной перестройки экономики (ее диверсификации, повышения международной конкурентоспособности, развития внутреннего рынка промышленных товаров). Так, насущное требование диверсификации промышленности обуславливает такую ориентацию инновационной деятельности в сфере недропользования, которая бы, во-первых, предоставляла добывающим организациям достаточно широкий выбор международно конкурентоспособных (по затратам, качеству продуктов, экологичности) технологий переработки минерального сырья на базе прежде всего собственных НИОКР; во-вторых, способствовала активизации научно-технической и опытно-экспериментальной деятельности в направлении поиска экономичных и экологически чистых товаров-заменителей традиционной продукции добывающих предприятий; в-третьих, обеспечивала преимущественный рост числа рабочих мест, требующих высококвалифицированного труда с достойной оплатой, протекающего в благоприятных санитарно-гигиенических условиях.

Следование инновационной деятельности в МСК общим задачам и приоритетам национальной промышленной политики создает дополнительные возможности получения синергии взаимодействия предприятий недропользования с гражданским и оборонно ориентированным машиностроением, отраслями «новой» экономики (нано-, биотехнологии, цифровые технологии). Кроме того, нейтрализацию угроз автономизации деятельности МСК вследствие его финансовой самодостаточности; нельзя забывать о национальной принадлежности применяемых сырьевыми корпорациями ресурсов, как следствие — учет в стратегическом планировании микроуровня общих императивов социально-экономического развития страны.

Принцип программно-проектного подхода в реализации инновационной политики МСК предполагает, во-первых, комплексность в планировании всех стадий научно-инновационных мероприятий (от проработки идеи до ее применения в производстве), с учетом всей сложности и взаимоувязанности соответствующих работ в сфере недропользования; во-вторых, разработку инновационно ориентированных отраслевых программ и проектов (как элемента программ) в теснейшей увязке со стратегическими приоритетами производственно-инновационной деятельности в МСК (эти приоритеты предусматриваются в специальных разделах стратегий развития геологической, нефтегазовой, горно-металлургической отраслей).

Планирование реализации отдельно взятых инновационных мероприятий в принципе возможно; например, если идет речь о законченной ранее стратегически значимой НИОКР, однако в силу каких-либо причин не получившей внедрения. Но данный случай — исключение из общего правила, согласно которому формирование интегрированных цепочек предприятий и организаций (зачастую — смежных отраслей) является ключевым условием успешного создания и коммерческого применения инноваций.

Принцип «выращивания» талантливых специалистов и организаторов производства для сферы недропользования предполагает создание постоянно действующей в отрас-

лях МСК системы профессиональной ориентации и закрепления на профильных рабочих местах одаренной молодежи: а) обучающейся в колледжах и вузах; б) поступившей на работу в академические и/или отраслевые НИИ соответствующего профиля. Формы реализации такой системы могут быть разнообразными: создание в вузах «лабораторий стартапов» для поддержки интересных научно-технических идей, выдвигаемых способными к творчеству студентами; использование «внутренних» («лабораторных») планов НИР с привлечением начинающих исследователей к их ответственному выполнению; организация конференций с привлечением участников студенческих научных обществ, аспирантов, соискателей и т. п. Три главных условия успеха: 1) поиск творчески, самостоятельно мыслящей и болеющей за будущее России молодежи, ее проверка в реальном научно-техническом деле; 2) включение соответствующих специалистов в дееспособные коллективы, ориентированные на решение сложных «прорывных» задач; 3) создание для талантливых работников (их не может быть много, по определению) таких условий труда и быта, чтобы они были мотивированы работать в стране.

Принцип рационального сочетания собственных и заимствованных научно-технологических новшеств предполагает использование мировой практики минимизации инновационных рисков, при которой: а) компании внимательно отслеживают появление на рынке действительно новых изделий, создание которых требует крупных инвестиций; б) при наличии потенциального спроса местного рынка на соответствующие изделия за счет относительно небольших затрат производится частичная их модернизация и вполне правомерное развертывание коммерческой деятельности. Если же накопленный научно-технический потенциал позволяет провести собственные НИОКР или речь идет о направлениях техники стратегической значимости, то инновационными рисками можно пренебречь и вкладывать необходимые средства в обеспечение отраслевого лидерства.

4. Заключительные положения

Обеспечение высокого качества и прорывной результативности государственной (национальной) промышленно-инновационной политики предполагает, прежде всего, активизацию стратегического курса на сбалансированное развитие сырьевых и обрабатывающих секторов, повышение спроса внутреннего рынка промышленных товаров, достижение и/или удержание конкурентных позиций на наукоемких направлениях глобального рынка, отвечающих национальным приоритетам развития. Естественно, что рациональные попытки отечественного госменеджмента и крупных национальных компаний изменить ориентированную на добычу и экспорт необработанного сырья отраслевую структуру экономики (в пользу развития собственной переработки сырья, а также соответствующего импортозамещения и (или) наращивания экспорта товаров на основе переработки) могут сопровождаться негативной реакцией мировых индустриальных лидеров и других торгово-экономических партнеров, привыкших рассматривать Россию как поставщика сырьевых ресурсов и потребителя импорта (конечных товаров из того же российского сырья) для удовлетворения внутреннего спроса. При этом спектр используемых механизмов внешнего воздействия на сохранение в России примитивизированной (не отвечающей требованиям как развитой индустриальной, так и постиндустриальной экономики) структуры промышленной деятельности может быть весьма широким: от настойчиво внедряемых идеологем типа «лучшая промышленная политика — это ее отсутствие» (или — «промышленные приоритеты лучше всего определит сам

рынок») до создания дополнительных барьеров входа на международные рынки несырьевых товаров, политического давления и применения экономических санкций (главным образом, для несырьевого бизнеса).

В этой связи промышленная и внешнеэкономическая политика отечественного госменеджмента должна быть тщательно продуманной, основанной на балансе экономических интересов инопартнеров и собственного обрабатывающего бизнеса, исключать по возможности промышленные и торговые «войны». Необходимо проработать различные варианты стратегических курсов преодоления сырьевой зависимости, учитывая долгосрочные обязательства перед инопартнерами и возможности наращивания конкурентоспособных (на инновационной основе) производств по переработке сырья и промышленному производству товаров на этой основе. Например, стратегия типа «мы добываем столько сырья, сколько можем переработать» сама по себе привлекательна, но вряд ли может быть генеральной целью промполитики в обозримой перспективе. С точки зрения реализуемости (однако, требующей серьезной концентрации ресурсов и качественного менеджмента) более приемлемой для стратегического планирования может быть формула: мы добываем столько сырья, сколько необходимо: во-первых, для промышленного производства товаров на основе сырья, удовлетворяющих внутренние потребности страны; во-вторых, для коммерчески выгодных внешних поставок внешним платежеспособным и надежным стратегическим партнерам.

В целом, нейтрализация внешних угроз проведения ориентированной на национальные экономические интересы промышленной политики предполагает:

- в аспекте внешнеэкономической деятельности и политической дипломатии — четкое уяснение собственных (страны) экономических интересов, достижение паритетности долговременных стратегических партнерских отношений с зарубежными государствами, категорическое неприятие любых предложений (хотя бы и дающих кратковременную выгоду), усиливающих сырьевую зависимость, ведение переговоров по экономической проблематике с международными организациями в русле следования четким заранее определенным критериям и принципам национальной политики в той или иной сфере;
- в аспекте военного строительства — поддержание конкурентоспособности приоритетных направлений вооружений и военной техники, квалифицированная демонстрация возможностей вооруженных сил страны обеспечивать политический и экономический суверенитет страны;
- сосредоточение фундаментальных и прикладных НИОКР на создании таких инновационных продуктов переработки сырья, от предложения которых на внешних и внутреннем рынках «невозможно отказаться» в силу их ценовых и качественных характеристик.

В условиях явно недостаточных темпов и низкого качества промышленного роста государство должно проводить активную инвестиционную и институциональную политику в отношении крупных стратегически значимых промышленно-инновационных (научно-технологических) проектов, имеющих прямое отношение к минимизации угроз национальной безопасности и относящихся к национальным промышленно-инновационным приоритетам. При нехватке бюджетных средств следует, на наш взгляд, использовать механизмы целевой эмиссии.

Промышленно-инновационные проекты, не обладающие высоким стратегическим статусом (как правило, таковые не относятся к сложным технико-технологическим си-

стемам, не находясь в зоне «провалов рынка», обладают вполне видимой коммерческой реализуемостью) должны быть сориентированы на финансирование частным бизнесом, как правило, без привлечения средств госбюджета (хотя определенная господдержка таким проектам может быть оказана).

Целесообразно введение специальных статусных или рейтинговых механизмов для оценки степени сложности, комплексности и стратегической значимости промышленно-инновационных проектов, предлагаемых к реализации. Получение высшего (по национальной значимости) рейтинга означает наиболее высокую долю государства в его финансировании, координации и контроле; в определенных (незначительных) объемах к проекту может быть привлечен заинтересованный частный инвестор — резидент с высокой деловой репутацией. И наоборот, снижение рейтинга национальной значимости проекта может означать менее высокую долю государства в его реализации при сохранении за правительством решающего права контроля и распоряжения полученными результатами.

Качественная реализация требований «прорывной» промышленно-инновационной политики всех уровней актуализирует кадровый аспект проблемы.

Макроуровень управления должен, на наш взгляд, быть инициатором целенаправленной работы по кадровому обеспечению приоритетных направлений промышленно-инновационного (научно-технологического) развития страны. Соответствующие «дорожные карты» стратегических мероприятий должны содержать как базовые, так и (прежде всего) целевые параметры развития кадрового потенциала. Уже к началу реализации приоритетных программ важно обеспечивать концентрацию в их рамках необходимого профессионального и квалификационного «ядра» работников, включая исследователей и разработчиков. Среди профильных предприятий и научно-образовательных организаций — участников работ по приоритетным прорывным научно-технологическим направлениям важно с участием ответственных госструктур наладить работу по поиску талантов, налаживанию их эффективного взаимодействия с уже действующими творческими коллективами. Естественно, что талантливые сотрудники должны проявить себя на деле (как организаторы или исследователи, разработчики); соответствующая система мотивации наиболее квалифицированного персонала, действующего на промышленно-инновационных приоритетах, должна быть четко отработана на государственном уровне и противодействовать тенденции отъезда наиболее перспективных исследователей и организаторов за рубеж в поисках достойных условий труда и быта.

В соответствии с задачами реализуемых (под эгидой соответствующих ведомств) стратегий и программ развития ключевых отраслевых сфер важно последовательно совершенствовать действующие системы работы с резервом кадров руководителей. В документах по стратегическому планированию (включая территориальный уровень) важно предусматривать кадровые разделы, предусматривающие оптимизацию профессионально-квалификационных и социально-демографических структур персонала с учетом задач роста производительности труда и повышения инновационности предприятий.

Библиографический список

1. Алешкина Т. Консультанты от Минэкономики // Ведомости. 2017. — № 11 (9 ноября).
2. Аналитический вестник «Производительность труда в России и в мире. Конкурентоспособность экономики и уровень жизни» № 29 (628) (подготовлен по итогам заседания Научно-

- методического семинара Аналитического управления Аппарата Совета Федерации, 7 июня 2016 г.) / Под ред. В.Д. Кривова – М., 2016 г. – 78 с.
3. Анисимов В.Ф., Винслав Ю.Б. Промышленность субъектов РФ: параметры новейшей эволюции и проблемы правообеспеченного регулирования // Российский экономический журнал. – 2016. – № 2. – С. 3–18 (начало); № 3. – С. 23–39 (окончание).
 4. Винслав Ю.Б. К обеспечению сбалансированности образовательной, научной и промышленной сфер и их интеграции. // Российский экономический журнал. – 2017. – № 2. – С. 70–82.
 5. Винслав Ю.Б., Лисов С.В. Промышленная политика и недропользование: интеграция науки, образования, производства // Известия высших учебных заведений. Геология и разведка – 2015. – № 5. – С. 72–78.
 6. Винслав Ю.Б. Федеральный закон о промышленной политике: снова об актуальности законодательной новации как таковой, о системных изъянах и направлениях доработки конкретной версии документа // Российский экономический журнал. – 2015. – № 3. – С. 70–75 (начало); №4. – С. 12–33 (окончание).
 7. Винслав Ю.Б. Стратегическое макропланирование и национальная промышленная политика: содержательны ли официальные законопроекты? // Российский экономический журнал. – 2014. – №3. – С. 3–22.
 8. Винслав Ю.Б. Национальная промышленная политика: еще раз об абсолютной модернизационной необходимости и ключевых параметрах развертывания // Российский экономический журнал. – 2012. – №4. – С. 3–26.
 9. Винслав Ю.Б. Утверждая научные принципы управления интегрированными корпорациями // Российский экономический журнал. – 2001. – № 10. – С. 3–26.
 10. Глазьев С.Ю. Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо» / С.Ю. Глазьев. – М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2011. – 576 с.
 11. Глазьев С.Ю. Перспективы развития российской экономики в условиях глобальной конкуренции // Российский экономический журнал. – 2007. – № 1–2. – С. 3–25.
 12. Кругман П. Бремя не ждет // Огонек. – 2013. – № 10. – С. 22.
 13. Лунькин А.Н. Инновационное развитие экономики и профессиональное образование: проблемы взаимосвязи // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2018. – № 1. – С. 121.
 14. Лисов С.В. Минерально-сырьевой комплекс России как объект национальной промышленной политики // Российский экономический журнал. – 2017. – № 2. – С. 36–55.
 15. Мау В.А. Для реформ нужна не «фаза цикла», а спрос на них / Газета «Ведомости» от 16 января 2018 г., № 6 (4487).
 16. Петлевой В., Синицына И., Штанов В. Денис Мантуров: мы старались справиться с майскими указами / Газета «Ведомости» от 19 февраля 2018 г., № 30 (4511).
 17. Серьгина Е. Миллиарды на замещение / Газета «Ведомости» от 3 октября 2016 г., № 184 (4173).
 18. Социально-экономическое положение России. 2017 год. – М.: Росстат, 2018.
 19. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов. [Электронный ресурс] – http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/2e83e62b-ebc6-4570-9d7b-ae0beba79f63/prognoz2018_2020.pdf?mod=ajperes.

Реформа и регион

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: ПАРАДОКСЫ РАЗВИТИЯ

Заусаев В.К.,

*доктор экономических наук, профессор, научный руководитель
ФАНУ «Востокгосплан», Хабаровск,*

Кручак Н.А.,

*руководитель направления «Ускоренное экономическое развитие»
ФАНУ «Востокгосплан», Хабаровск,*

Бежина В.П.,

*старший эксперт-аналитик «Ускоренное экономическое развитие»
ФАНУ «Востокгосплан», Хабаровск*

Аннотация. В статье рассматриваются новые тенденции в развитии субъектов ДФО. Северные регионы в результате структурной перестройки экономики привели в большее соответствие с коммерческими принципами хозяйствования свою воспроизводственную основу. Они имеют более устойчивую траекторию развития и более высокие показатели эффективности. Формируются две фундаментальные тенденции, которые, мультиплицируя друг друга, ведут к сокращению населения и усилению сырьевой специализации. В конечном итоге, экономика ДФО скатывается в концессионный сценарий развития, что порождает значительные проблемы национальной безопасности.

Ключевые слова: Дальний Восток России, северные и южные регионы, показатели эффективности, интегральные оценки, новые тенденции и явления.

THE RUSSIAN FAR EAST: PARADOXES OF DEVELOPMENT

Zausaev V.K.,

*Doctor of Economics, Professor, Scientific Adviser,
Far Eastern State Planning Center, Khabarovsk,*

Kruchak N.A.,

*Head of the Direction "Accelerated Economic Development",
Far Eastern State Planning Center, Khabarovsk,*

Bezhdina V.P.,

*Leading Expert Analyst of the Direction "Accelerated Economic Development",
Far Eastern State Planning Center, Khabarovsk*

Abstract. The article considers new trends in the development of the Far Eastern Federal District. In the issue of the economic restructuring, the reproductive performance of the northern regions of the Russian Far East brought in balance with commercial criterions. They have a more stable path of development and higher values of indexes of effectiveness. Two fundamental tendencies, which lead to a reduction in the population and an increase in the prime specialization, formed due to multiplying each other. In the end, the economy of the Far Eastern Federal District drifts into a concession scenario of development. It generates significant problems of national security.

Keywords: the Far Eastern Federal District, northern and southern regions, indexes of effectiveness, integral criteria, emerging trends and phenomena.

1. Реалии развития

Выход России из затяжного системного кризиса пришелся на начало 2000-х годов. Этот период характеризовался благоприятной конъюнктурой мирового рынка углеводородов, что позволило использовать федеральный и региональные бюджеты для восстановления на Дальнем Востоке реального сектора экономики, развития социальной и производственной инфраструктуры. Однако рост шел преимущественно за счет экстенсивных факторов развития: использование имеющихся производственных мощностей, освоенных природных ресурсов, сохранившегося трудового потенциала. Поэтому начальный период отличался более высокой динамикой. В последующем углеводородный фактор исчерпал свою стимулирующую роль, и вкупе с кризисными явлениями на мировом рынке, а также введением экономических санкций, динамика существенно ухудшилась.

В то же время развитие Дальнего Востока определено национальным приоритетом России в XXI веке. Задачи, которые предстоит решить, беспрецедентны по масштабу, а значит, и управленческие решения должны быть нестандартными. Придать экономике макрорегиона четкий вектор развития невозможно без выявления оценки эффективности ее функционирования, стоящих за ней тенденций и вызовов.

2. Методика анализа

Подобные исходные условия определили соответствующую методологию и методику анализа. Основные показатели эффективности рассмотрены в динамике как в абсолютных, так и приростных значениях. Все стоимостные показатели приведены в ценах 2015 г. Для более объективных сравнительных оценок учтен ценовой фактор, то есть удорожание продукции¹.

Анализ субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа (далее — субъекты ДФО), проведен за 2000–2016 гг. В целях снижения влияния случайных факторов и выявления более четких тенденций принята периодизация по динамике валового внутреннего продукта (далее — ВВП) России по четырем группам лет: первая — преддверие роста (2000–2002 гг.), вторая — стабильный рост (2003–2007 гг.), третья — мировой кризис (2008–2012 гг.), четвертая — рецессия (2013–2016 гг.).

Оценивалась эффективность развития макрорегиона и его субъектов в сравнении со среднероссийскими значениями путем усреднения по периодам абсолютных и приростных показателей, характеризующих экономику с точки зрения результатов и затрат:

- общественная производительность труда (частное от деления ВВП и ВРП на среднегодовую численность занятого в экономике населения);
- эффективность инвестиций или инвестиционная отдача (отношение ВВП и ВРП к объему инвестиций в основной капитал);
- налоговая эффективность (частное от деления налогов и сборов на среднегодовую численность занятого в экономике населения);
- уровень жизни (реальные доходы на 1 чел. населения).

¹ Корректировка по цене проведена посредством номинальной заработной платы.

3. Новые явления и тенденции

Расчеты среднегодовых темпов роста показателей эффективности по периодам субъектов ДФО показали, что из 36 значений (4 показателя по 9 субъектам) 19 имеют падающую динамику, 11 — неустойчивую и только 6 — растущую. Лучшее положение — по инвестиционной отдаче: рост имеют Камчатский край, Амурская и Еврейская автономная области (далее — ЕАО), а также Чукотский автономный округ (далее — ЧАО). Худшее — по налоговой эффективности и денежным доходам: 7 субъектов из 9 имеют отрицательную динамику. В целом Дальний Восток, как и Российская Федерация, только по инвестиционной отдаче имеет неустойчивую динамику. По остальным показателям она ухудшающаяся. В последний период (2013–2016 гг.) по среднедушевым денежным доходам макрорегион уступал среднероссийским темпам роста, по остальным — опережал.

По интегральной оценке, полученной перемножением среднегодовых темпов роста по каждому показателю по периодам за 2000–2016 гг. (таблица 1), макрорегион уступает среднероссийским показателям (104,2% и 102,0%). Наивысшее значение — в Сахалинской области (107,4%), наименьшее — в Камчатском крае (97,7%). Лидер имел преимущество за счет реализации шельфовых проектов «Сахалин-1», «Сахалин-2». Но в последние годы (2008–2016 гг.) картина меняется: область теряет высокую положительную динамику. Отрицательные тенденции складываются также в Республике Саха (Якутия), Камчатском крае, Амурской и Еврейской автономной областях. Существенно ускорились Магаданская область и ЧАО.

Таблица 1

Интегральные среднегодовые темпы роста основных показателей эффективности субъектов ДФО по группам лет, %

Федерация, федеральный округ, край, область, округ	2000–2002	2003–2007	2008–2012	2013–2016	2000–2016
Российская	109,7	109,2	100,9	97,7	104,2
Дальневосточный	102,4	108,4	99,7	98,0	102,0
Саха (Якутия)	100,3	107,2	98,8	93,7	99,9
Камчатский	91,7	105,3	100,9	93,5	97,7
Магаданская	101,8	102,5	101,1	108,5	103,4
Сахалинская	108,8	114,6	103,8	102,9	107,4
Чукотский	87,9	104,8	101,6	107,2	100,0
Север ДФО	97,8	106,8	101,2	101,8	101,8
Приморский	100,0	109,3	98,9	99,7	101,9
Хабаровский	101,0	106,3	98,9	99,2	101,3
Амурская	97,7	106,5	97,5	93,4	98,7
Еврейская	107,3	109,1	97,7	95,2	102,3
Юг ДФО	101,4	107,6	98,8	97,1	101,1

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Расчет абсолютных значений показал по большинству показателей положительную динамику. Только по инвестиционной отдаче складывается негативная тенденция. От среднероссийских значений макрорегион отстает по производительности труда и де-

нежным доходам (таблица 2). Даже Сахалинская область с высокими показателями не может нивелировать положение по ДФО в целом. В 2013–2016 гг. намечилось отставание по инвестиционной отдаче. По налоговой эффективности картину существенно скрашивает Сахалинская область.

Группировка субъектов по принципу «север-юг» показывает преимущество северных регионов как по динамике, так и по абсолютным значениям. Причем по последним разница усиливается. Здесь основную роль играют Сахалинская область и Республика Саха (Якутия). Наименьшие показатели демонстрирует Камчатский край. По доходам населения в последние годы он отстает от южных субъектов макрорегиона. Однако в целом сырьевая специализация северных субъектов придает устойчивость хозяйствования даже в кризисных условиях.

Таблица 2

Показатели эффективности экономики субъектов ДФО

Федерация, федеральный округ, республика, край, область, округ	Производительность труда, тыс. руб./чел.	Инвестиционная отдача, руб./руб.	Налоговая эффективность, тыс. руб./чел.	Денежные доходы, тыс. руб.
Российская	748,0 855,6	5,0 4,5	125,7 146,2	24,6 33,7
Дальневосточный	626,4 750,0	5,1 4,1	171,1 209,6	22,0 30,8
Саха (Якутия)	754,4 880,0	6,7 3,5	262,6 334,7	24,5 32,7
Камчатский	448,0 537,0	5,0 6,0	205,4 241,8	22,6 26,9
Магаданская	604,5 643,2	4,4 2,7	194,1 220,4	32,5 37,8
Сахалинская	1159,0 1494,0	3,8 3,7	444,1 639,2	29,0 40,7
Чукотский	555,1 706,4	3,8 5,2	392,7 560,8	28,9 40,7
Север	704,2 852,3	4,8 4,2	299,8 399,4	27,5 35,8
Приморский	563,7 664,2	6,0 5,3	84,6 100,2	20,3 28,9
Хабаровский	596,2 715,7	4,9 4,7	97,1 111,8	24,6 31,0
Амурская	525,9 599,2	4,6 2,7	108,4 123,9	24,6 29,9
Еврейская	524,4 611,9	6,5 3,7	117,0 130,5	20,0 22,5
Юг	559,6 647,8	5,5 4,1	101,8 116,6	21,6 28,1

Примечание: числитель – 2000–2016 гг.; знаменатель – 2013–2016 гг.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Интеграция России в АТР требует превращения макрорегиона в высокоразвитый хозяйственный комплекс. Перед его субъектами поставлена задача опережающего развития. Поэтому принятые для анализа показатели эффективности соотносились со среднероссийскими значениями. В таблице 3 приведены результаты расчетов интегральных оценок относительных показателей эффективности². Они демонстрируют значительное опережение северных субъектов ДФО, а среди них — Сахалинской области. ЧАО его наращивает. Другие субъекты ДФО существенно отстают. Динамика неустойчивая и по большинству регионов падающая. Особенно это касается Амурской области и ЕАО. Заметно теряет лидерство Республика Саха (Якутия).

Таблица 3

Интегральные оценки относительных показателей эффективности субъектов ДФО, ед.

Федеральный округ, республика, край, область, округ	2000–2002	2003–2007	2008–2012	2013–2016	2000–2016
Дальневосточный	1,66	1,03	0,93	1,05	1,04
Саха (Якутия)	5,31	3,86	1,67	1,79	2,83
Камчатский	1,92	0,90	0,65	1,11	0,90
Магаданская	4,59	2,24	1,06	0,76	1,45
Сахалинская	5,36	3,18	9,32	7,56	4,89
Чукотский	1,58	1,08	2,87	4,42	2,05
Север	3,87	2,42	2,40	2,69	2,41
Приморский	0,67	0,55	0,34	0,53	0,50
Хабаровский	1,15	0,63	0,4	0,62	0,60
Амурская	1,31	0,56	0,33	0,32	0,55
Еврейская	2,33	0,63	0,39	0,35	0,69
Юг	1,37	0,62	0,37	0,46	0,59

4. Северные регионы уходят в «отрыв»

Вышеприведенный анализ по основным макропоказателям эффективности демонстрирует преимущество северных субъектов ДФО. Особенно показательно оно при сравнении Чукотского автономного округа с диаметрально противоположной как по географическому положению, так и экономической структуре Еврейской автономной области (рисунок 1). Складывается парадоксальная ситуация. Располагаясь в худших природно-географических условиях, потеряв более 2/3 населения, ЧАО имеет лучшую динамику и существенно более высокие макроэкономические показатели. Здесь к минимуму сведены малоэффективные отрасли. На сельское хозяйство в 2016 г. приходилось 0,5% валовой добавленной стоимости, на обрабатывающие производства — 0,4%, в то время как в ЕАО, соответственно, 11,1% и 5,1%. По добыче полезных ископаемых картина обратная:

² Получены перемножением отношений абсолютных значений среднегодовых показателей эффективности по периодам субъектов ДФО и Российской Федерации.

50,1% и 2,2%. В результате в 2013–2016 гг. среднегодовой индекс физического объема ВРП составил в ЧАО 102,5% против 95,2% в ЕАО. И только с началом освоения Кимкано-Сутарского железорудного месторождения динамика последней в 2017 г. улучшилась.

В не менее сложном положении оказался Хабаровский край. Формировавшийся как центр индустриального развития макрорегиона, он до настоящего времени сохранил наиболее крупный сектор перерабатывающих отраслей. Однако эти потенциальные преимущества играют противоположную роль. Перерабатывающие предприятия со своими незагруженными мощностями и низкой эффективностью тяжелым бременем ложатся на экономику края.

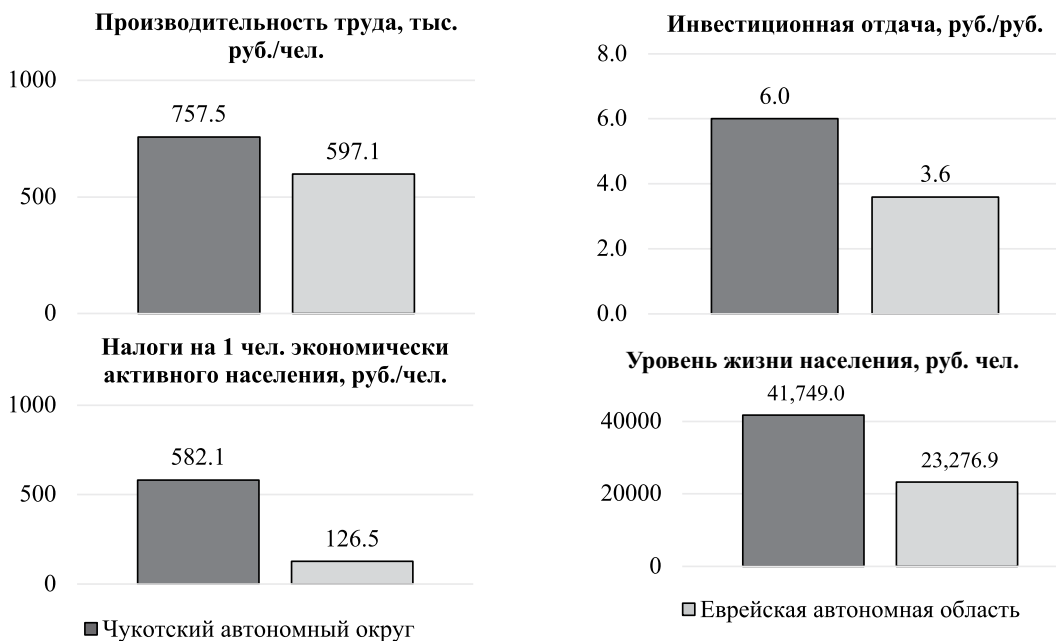

Рис. 1. Средние значения основных макропоказателей Чукотского автономного округа и Еврейской автономной области за 2013–2016 гг.

5. Заключение

Северные субъекты ДФО, усилившие сырьевую специализацию и существенно сократившие население, привели в большее соответствие с коммерческими принципами хозяйствования свою воспроизводственную основу (таблица 4). Их более устойчивая динамика по ВРП и производительности труда после мирового кризиса последних лет подтверждает подобный вывод. Не снижает их преимущество даже учет ценового фактора.

Таблица 4

Снижение численности населения субъектов ДФО и интегральная эффективность

Федеральный округ, республика, край, область, округ	Среднегодовая численность населения, тыс. чел.		Уменьшение населения, тыс. чел.	Снижение относительно 1990 г., %	Интегральный коэффициент эффективности за 2013–2016 гг., ед.
	1990	2016			
Дальневосточный	8054,2	6188,8	-1865,4	23,2	1,05
Саха (Якутия)	1115,2	961,2	-154,0	13,8	1,79
Камчатский	477,7	315,4	-162,3	34,0	1,11
Приморский	2303,2	1926,1	-377,1	16,4	0,53
Хабаровский	1622,2	1333,9	-288,3	17,8	0,62
Амурская	1054,8	803,7	-251,1	23,8	0,32
Магаданская	387,4	146,0	-241,4	62,3	0,76
Сахалинская	714,7	487,3	-227,4	31,8	7,56
Еврейская автономная	218,9	165,2	-53,7	24,5	0,35
Чукотский автономный	160,1	50,0	-110,1	68,8	4,42

Южные субъекты ДФО, сохранившие более диверсифицированную экономику и перерабатывающие производства, рентабельность которых преимущественно отрицательная, постоянно находятся в зоне риска. Это особенно опасно с геостратегических позиций, учитывая, что они располагаются на границе с быстро развивающимся Китаем.

В результате на Дальнем Востоке формируются фундаментальные тенденции, которые, мультиплицируя друг друга, ведут к сокращению населения и усилению сырьевой специализации. В конечном итоге, экономика ДФО скатывается в концессионный сценарий развития, что порождает значительные проблемы национальной безопасности. Предотвращение подобных процессов требует соответствующих акцентов в государственной поддержке Дальнего Востока. Они должны найти отражение в системе инструментов программно-целевого управления этим стратегически важным макрорегионом России.

Библиографический список

1. Заусаев В.К. Дальний Восток России: как жить и хозяйствовать: монография / В.К. Заусаев, А.В. Хорошавин. – Хабаровск: ХГУП «Хабаровская краевая типография», 2012. – 512 с.
2. Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс] / Росстат. – Режим доступа: <https://fedstat.ru/>.
3. Заседание президиума Госсовета по вопросам комплексного развития регионов Дальнего Востока 6 сентября 2017 г. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55544>.

Отраслевые проблемы

**ЛЕСНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД
К ФОРМИРОВАНИЮ ЛЕСНОГО ДОХОДА
НА БАЗЕ РЫНОЧНЫХ ЦЕН НА ДРЕВЕСИНУ**

Петров А.П.,

*доктор экономических наук, профессор, ректор ФАУ ДПО ВИПКЛХ,
г. Пушкино, Россия,*

Прядилина Н.К.,

*кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики
и экономической безопасности ФГБОУ ВО «Уральский государственный
лесотехнический университет», г. Екатеринбург, Россия*

Аннотация. Интегральным показателем, соизмеряющим ресурсы с результатами в лесном планировании, должен стать лесной рентный доход. Перевод государственно-частного партнерства на рентные отношения позволит применительно к лесам по-иному оценить вклад лесоустройства как инструмента стратегического планирования и управления в эффективное инновационное развитие лесного сектора. Только через рентные отношения лесной сектор может не только значительно улучшить свое финансовое состояние, но и занять приоритетное положение среди отраслей, использующих природные ресурсы.

Ключевые слова: лесной доход, лесной сектор, лесное планирование, цена за древесину на корню, лесной налог, конкурсный доступ к использованию лесов.

**FOREST PLANNING: A CONCEPTUAL APPROACH
TO THE CREATION OF FOREST INCOME
BASED ON MARKET OF STUMPAGE PRICES**

Petrov A.P.,

*Doctor of Economics, Professor, Rector of the FAO DPO VIPKLH,
Pushkino, Russia,*

Pryadilina N.K.,

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department
of Economics and Economic Security, Ural State Forest Engineering University,
Ekaterinburg, Russia*

Abstract. The best integrated measure to compare resources with results in forest planning is forest rental income. The conversion of public-private partnerships into rental relationships will allow assessment of the contribution of forest management, as an instrument of strategic planning and management, to the effective innovative development of the forestry sector. Only through rental relations can the forest sector both significantly improve its financial position, and achieve a priority position among natural-resources industries.

Keywords: forest income, forestry, forestry planning, stumpage prices, forest tax, competitive access to the use of forests.

Постановка проблемы

Лесное планирование является одной из основных функций государственного управления лесами. Лесное планирование — это всегда планирование во времени и пространстве, подчиненное определенной логике. Существующее лесное планирование охватывает экономическую, экологическую и социальную сферы деятельности, но акцентирует внимание на ресурсном подходе.

В основе экономической оценки лесов лежит использование их ресурсного потенциала по видам, которые установлены Лесным кодексом в статьях 29–39 [1].

Интегральным измерителем экономической оценки лесов и одним из результирующих показателей в лесном планировании должен стать лесной рентный доход, создаваемый юридическими и физическими лицами, использующими леса в соответствии с нормами лесного законодательства.

В свою очередь, лесной доход определяют:

- объемы фактически используемых лесных ресурсов;
- цены лесных ресурсов.

Если определение объемов используемых ресурсов относится к ответственности лесочетных работ, эффективность исполнения которых во многом зависит, в основном, от научных достижений в этой области, то установление цен на лесные ресурсы предопределено экономическими отношениями, обслуживающими ту или иную политическую систему.

Если обратиться к истории, то мы видим: бесплатное пользование лесами никогда не отвечало интересам государства, испытывавшего потребность в денежных средствах. Необходимость их получения вызывалась, в том числе, и увеличением расходов на охрану лесов и лесоустройство. Финансовые затруднения, связанные с проведением генерального межевания, ускорили постановку вопроса о введении платного отпуска древесины на корню. Правилами, утвержденными в 1766 г., было предусмотрено выделение необходимого количества лесных земель за установленную плату.

До этого времени лесные угодья заводам выделялись бесплатно. В 1769 г. императрица Екатерина II издала постановление о продаже в казенных дачах древесины на делянках, оставшейся после удовлетворения потребности казны и государственных крестьян. Этим постановлением было положено начало платному отпуску древесины на корню из государственных лесов. Но, несмотря на принятые меры, плата за лес на корню в тот период носила случайный характер [10].

В 1798 г. все «ничейные» леса объявляются государственными. Учреждается Лесной департамент, в ведение которого передаются все леса, кроме частных. В 1799 г. при императоре Павле I появляются первые лесные таксы, которые были одинаковыми для всех губерний, кроме Курляндской [7].

Размер лесной таксы выводился из рыночной цены лесоматериалов за вычетом издержек по заготовке и вывозке леса и процента на вложенный капитал. Стоимость лесоматериалов на рынке зависела от их качества и размера, места и времени продажи.

Лес на корню чаще всего продавался на торгах. Общая таксовая оценка определялась с учетом рыночной стоимости сортиментов. Государство извлекало значительные доходы от лесопользования, и величина лесного дохода являлась важной статьей доходов бюджета страны. В дореволюционной России сумма ежегодного лесного дохода составляла 30 млн руб. или 2% доходной части бюджета [8].

В условиях централизованно планируемой экономики «советского образца», когда государство было монополистом как в сфере владения и управления лесами, так и в сфере их использования, доход формировался на основании директивно устанавливаемых цен на лесные ресурсы и не был объектом для конфликта интересов между отдельными субъектами лесных отношений, включая отношения лесозаготовителей с лесхозами. К ставкам попенной платы (лесным таксам) при отпуске древесины на корню для последующей заготовки были безразличны как лесхозы, так и лесозаготовители.

Безразличие лесхозов объяснялось тем, что изымаемый лесной доход им не принадлежал и изымался в местные бюджеты, при том, что сама деятельность лесхозов находилась с начала 30-х годов прошлого века на сметно-бюджетном финансировании. У лесной промышленности, занимающей льготное экономическое положение в группе добывающих отраслей «А», попенная плата в себестоимости круглого леса относилась к плановым издержкам, возмещение которых всегда гарантировалось государством, независимо от их величины.

На протяжении длительного периода времени попенная плата рассматривалась государством не как источник финансирования лесного хозяйства, а как инструмент, создающий экономические стимулы для перебазирования лесной промышленности в многолесные хозяйственно не освоенные регионы.

Директивное назначение цен на лесные ресурсы и всю лесную продукцию не предоставляло возможности установить вклад лесозаготовителей в лесной доход, а поэтому его роль в системе лесопользования оценивалась не результатом при использовании лесов, а исключительно объемом бюджетного финансирования, выделяемого на проведение всего комплекса лесозаготовительных работ.

Ситуация в лесном секторе кардинально изменилась в начале 90-х годов, когда лесная промышленность, включая все лесозаготовительные предприятия, была приватизирована, а леса остались в собственности государства. Практически это свелось к тому, что почти все лесохозяйственные, лесозаготовительные и лесосочетные работы продолжают оплачиваться из бюджета, а лесной доход в основной своей массе поступает в распоряжение частного бизнеса, так и не ставшего в условиях аренды лесных участков эффективным хозяйствующим субъектом — лесопользователем.

К сожалению, эта ситуация, когда проведение лесохозяйственных и лесозаготовительных мероприятий не стимулируется лесным доходом от использования лесов, продолжается более 20 лет, несмотря на постоянные изменения лесного законодательства.

Федеральные органы государственной власти продолжают с упорством, достойным удивления, сохранять и поддерживать экономические отношения между государством — собственником лесов и частным бизнесом через взимание с последнего платежей в формате, унаследованном от советской экономики, когда лесные ресурсы не продавались на аукционах, а директивно распределялись между лесозаготовителями в статусе сырьевых баз.

Экономический механизм, основанный на системе платежей за пользование лесными ресурсами, не выполняет своих стимулирующих функций, а носит лишь фискальный характер из-за низких ставок, хотя они периодически индексируются. Причина — в несовершенстве теоретико-методических основ, положенных в их обоснование.

Действующие в настоящее время минимальные ставки платы за единицу объема древесины построены на затратном подходе и не учитывают разнокачественность и местоположение лесных ресурсов, рыночную конъюнктуру и другие региональные природно-производственные условия их эксплуатации и тем самым, во-первых, не способствуют

рациональному (полному и комплексному) использованию древесных ресурсов, во-вторых, не улавливают экономическую ренту в полном объеме [9].

Продолжающийся в стране экономический кризис (2008–2017 гг.) и, как следствие, сокращающееся бюджетное финансирование лесного хозяйства остро ставят вопрос о переводе взаимоотношений между государством и частным бизнесом в систему государственно-частного партнерства на новую финансовую модель.

Теоретической основой построения такой модели является фундаментальное положение рыночной экономики, согласно которому в создании валового и прибавочного продукта в отраслях, использующих природные ресурсы, участвуют на равных условиях три фактора (капитал, труд, природные ресурсы), получая за это соответствующее вознаграждение.

Таким вознаграждением для капитала является прибыль, принадлежащая инвестору, для труда — оплата труда наемных работников, для собственника природных ресурсов — природная рента.

Следует заметить, что успешное развитие нефтегазового сектора страны во многом обязано не только благоприятной рыночной конъюнктуре, но и той экономической модели, которая обслуживает отношения государства с добывающими компаниями. Основные параметры данной модели следующие:

- конкурсный доступ бизнеса к нефтяным и газовым месторождениям;
- налоговый статус платежей (взимается налог на добычу полезных ископаемых — НДС);
- налог взимается с фактически добытых объемов полезных ископаемых [6].

Практика работы нефтегазового сектора показала высокую адаптированность данной модели к изменению ситуации на внутреннем и внешнем рынках энергоресурсов, а также к состоянию экономики страны на макро и микроуровнях. Эта практика также показала, что в условиях государственно частного партнерства формирование рыночных (договорных) отношений между государством и бизнесом не имеет альтернативы. Также не имеет альтернативы и формирование рыночных отношений на базе рыночных цен на лесные ресурсы, учитывающих интересы обеих сторон.

Опыт зарубежных стран, достигших высоких результатов в развитии лесного сектора, также убедительно свидетельствует о безальтернативности рыночного ценообразования на лесные ресурсы, равно как и на все виды лесной продукции. При этом тот же зарубежный опыт не предлагает универсальных рецептов к установлению рыночных цен на лесные ресурсы без учета специфических факторов, присущих лесному законодательству, институциональной организации лесоуправления в каждой стране.

Для России переход от административных методов управления к экономическим отношениям в сфере лесопользования к рыночным потребует большого количества политических, законодательных и управленческих решений, первым из которых должно стать осознание невозможности сохранять существующую систему установления, взимания и распределения платежей за лесные ресурсы, в первую очередь, древесины на корню.

Ставки платы за древесину на корню по постановлению Правительства РФ № 310 — тупиковый путь для совершенствования экономических отношений в сфере использования лесов

Структура названного документа по основным входным параметрам (порода, разряд такс, крупность древесины) почти полностью повторяет прејскуранты лесных такс,

применявшихся в советской экономике при отпуске древесины на корню. Разница лишь в том, что поясное районирование заменено лесотаксовым районированием, а представленные ставки платы соответствуют современному масштабу цен на лесопroduкцию, отличному от того, какой был 30 лет назад.

Ни одно из значений ставок платы не имеет под собой доказательной базы либо в виде затрат на воспроизводство лесов, либо в виде эффекта, достигаемого в потреблении древесины, поскольку установленные породно-размерные группы древесины не позволяют установить области ее потребления, что можно сделать лишь при наличии сортиментации заготовленных круглых лесоматериалов.

Взимание платежей за древесину на корню администрируется федеральными и региональными органами государственной власти в сфере лесных отношений. В этой связи непонятны те аргументы, которые заставили государственные власти в 2005 г. отказаться от федерального налогового администрирования платежей за древесину на корню и перейти к отраслевому администрированию, которое испытывает большие трудности в условиях, когда основные полномочия по управлению лесопользованием принадлежат субъектам РФ.

Почти двадцатилетняя практика административного управления экономическими отношениями в сфере использования лесов (десять лет до принятия постановления № 310 [4], десять лет после) позволяет сделать следующие выводы для того, чтобы извлечь соответствующие уроки:

1. Средняя ставка платы за единицу объема древесины лесных насаждений составляла в 2016 г. 59,1 руб. и практически не выросла за десятилетний период действия Лесного кодекса.
2. Объемы поступления лесного дохода в бюджетную систему остаются на низком уровне и не возмещают расходы бюджета на финансирование лесопользования и ведения лесного хозяйства.
3. Аукционный доступ к использованию лесов создал большое количество коррупционных рисков и оказался не способным обеспечить рост лесного дохода от взимания платежей как следствие отсутствия конкурентной среды в сфере использования лесов.
4. Существующие ставки платы, «привязанные» не к сортиментам и сортам древесины, а только к их породно-размерным группам, не учитывают состояние лесных рынков по соотношению спроса и предложения на отдельные сортименты круглого леса, которое значительно отличается по экономическим районам, а не по лесотаксовым территориям.
5. Существующее распределение лесного дохода от взимания платежей (доход в размере минимальной ставки — федеральный бюджет, доход от превышения — бюджет субъекта РФ) не стимулирует эффективное управление в области использования лесов в регионах, где доход непосредственно создается.
6. Низкий уровень платы за древесину на корню ставит «экономические» барьеры на пути развития глубокой переработки древесины на базе безотходных ресурсосберегающих технологий.

Приведенные выше уроки должны поставить перед органами законодательной и исполнительной власти в сфере лесных отношений вопрос: надо ли сохранять существующую административную систему экономических отношений в лесопользовании, осуществляя ее «косметическое» совершенствование, или предложить другую рыночную модель таких отношений.

При отсутствии прямого официального ответа на поставленный вопрос Федеральное агентство лесного хозяйства представило план мероприятий по совершенствованию системы платежей, сохраняя при этом подход, положенный в основу постановления Правительства РФ № 310.

Речь идет о таких мероприятиях, как увеличение количества лесотаксовых районов, перераспределение дохода по отдельным породно-размерным группам и др., но при этом мероприятиями не предусмотрено использование показателей, характеризующих состояние лесных рынков.

Природная (лесная) рента как основа формирования рыночных цен древесины на корню

Оставляя в стороне теоретические вопросы формирования земельной и лесной ренты, дадим следующее определение природной (лесной) ренты как «остаточной стоимости, образующейся при использовании лесов, после того, как предприниматель за счет полученного дохода возмещает материальные расходы, расходы на оплату труда и оставляет в своем распоряжении прибыль при нормативной рентабельности, достаточной для воспроизводства капитала». Именно в таком понимании определяется лесная рента (remained value) в зарубежных странах при обосновании цен на древесину на корню (stumpage price). При этом возникает необходимость принятия решений по следующим вопросам:

1) *Выбор продукции для определения лесного дохода.*

Вопрос в том, что заготовленная древесина проходит целый ряд технологических переделов, превращаясь в продукцию, востребованную населением или другими субъектами рынка. При этом на каждом переделе цена продукции возрастает за счет добавленной стоимости.

При механической переработке пиловочник превращается в пиломатериалы (первый передел), пиломатериалы, в свою очередь, используются для производства мебельных заготовок (второй передел) и т.п.

При химической переработке из балансов производится целлюлоза (первый передел) из целлюлозы вырабатывается бумага (второй передел), из бумаги изготавливаются санитарно-гигиенические товары (третий передел).

Исходя из зарубежной практики в качестве продукции для установления лесной ренты принимается продукция первого передела при химической и механической переработке древесины, включающая пиломатериалы, фанеру, плиты и целлюлозу. Такой подход разделяется нами.

Исходя из сказанного не рекомендуется для определения лесной ренты использовать цены на круглые лесоматериалы, которые, как правило, «деформированы» монополизацией лесных рынков.

2) *Возмещение текущих затрат предпринимателям, использующим леса.*

Вопрос здесь в том, какие затраты использовать: фактические или нормативные.

При использовании фактических затрат предприниматель всегда найдет убедительные аргументы доказать, что его производство уникально, а поэтому осуществленные затраты правомерны, и снизить их не представляется возможным.

Как следствие сказанного расчет лесной ренты предлагается проводить с использованием нормативных затрат как в сфере производства продукции, так и при ее транспортировке.

3) Возмещение единовременных (капитальных) затрат предпринимателям, использующим леса.

Вопрос здесь в том, как установить норму прибыли, которая обеспечит предпринимателю окупаемость инвестиций в освоение лесов, включая производство продукции и создание транспортной инфраструктуры.

В макроэкономике существуют методы, устанавливающие норму прибыли с учетом специфики воспроизводства капитала в отдельных отраслях.

Как показывает практика инвестиционной деятельности в зарубежных странах, для отраслей лесного сектора характерен весьма длительный срок оборачиваемости основного капитала, что формирует норму прибыли в размере 10–15%.

Данный показатель на верхнем уровне 15% можно признать приемлемым и для использования в расчетах лесной ренты для условий РФ.

С учетом принятых выше положений (формула 1) представляет собой алгоритм расчета лесной ренты, которая на практике является рыночной ценой древесины на корню, на базе которой устанавливаются ставки платы.

$$S = \frac{P - Q - R}{m} - t(l) - q(x) - r(x), \quad (1)$$

где S — рыночная цена древесины на корню (корневая цена); P — цена продукции второго передела при переработке древесины; Q — нормативные затраты на производство продукции второго передела (без стоимости древесного сырья); R — нормативная прибыль в расчете на единицу продукции второго передела; $t(l)$ — расходы на транспортировку 1 м³ круглого леса от места заготовки до пункта переработки в зависимости от расстояния; $q(x)$ — нормативные затраты на заготовку древесины в зависимости от рентообразующих факторов (x) за вычетом платежей; $r(x)$ — нормативная прибыль в расчете на 1 м³ заготовленной древесины в зависимости от рентообразующих факторов (x); m — расход круглого леса (сортимента) на производство единицы продукции второго передела.

Расчеты корневой цены по формуле (1) дадут большое количество значений данного показателя, что создаст основу для принятия решений по установлению ставок платы с учетом влияния макроэкономических и региональных факторов.

При принятии решений при использовании лесной ренты для установления ставок планы за древесину на корню необходимо руководствоваться следующими положениями.

1. Корневая цена устанавливается для сортиментов круглого леса с возможной дифференциацией по сортам в границах двух пределов:

- а) верхнего, защищающего интересы бизнеса;
- б) нижнего, защищающего интересы государства как собственника лесов.

2. Корневая цена на уровне верхнего предела устанавливается:

- либо в полном соответствии с расчетной величиной лесной ренты (формула 1);
- либо в значении, меньшем, чем расчетная величина лесной ренты, для того, чтобы предоставить бизнесу дополнительные финансовые средства наряду с теми, которые предусмотрены нормативной прибылью $[R(x) + r(x)]$.

3. Нижний предел корневой цены древесины должен быть обусловлен нормативными затратами на лесопользование, охрану и защиту лесов, проведение лесохозяйственных и лесохозяйственных работ, имеющих место на федеральном уровне.

4. Корневая цена в размере нижнего предела должна получить статус федерального лесного налога, устанавливаемого в рублях за 1 м³ заготовленной древесины безотно-

сительно породы и сортиментов. Возможна дифференциация федерального налога по субъектам РФ в силу различий в затратах на лесоправление, охрану и защиту лесов, проведение лесоустроительных работ.

5. Разница между корневой ценой на ее верхнем пределе и корневой ценой на нижнем пределе формирует лесной налог субъекта РФ, дифференцированный по сортиментам и, по возможности, по сортам.

Лесной налог субъекта РФ создает финансовые средства на:

- создание и развитие транспортной и социальной инфраструктуры;
- воспроизводство, охрану и защиту лесов на лесных участках, поступающих в рубку;
- интенсификацию использования и воспроизводства лесов на территории субъекта РФ;
- стимулирование спроса на лесопродукцию и услуги на внутреннем рынке;
- научное и кадровое обеспечение лесного сектора.

Корневые цены в сумме федерального лесного налога и лесного налога субъекта РФ утверждаются Правительством РФ по представлению Министерства природных ресурсов и экологии и Министерства финансов (формула 2).

$$S_0 = S_f + S_r, \quad (2)$$

где S_0 – корневая цена m^3 заготовленной и учтенной древесины франко (по сортиментам и сортам) пункт реализации; S_f – федеральный лесной налог; S_r – лесной налог субъекта РФ.

Корневые цены пересматриваются ежегодно в процедурах, установленных правовыми актами.

6. Администрирование платежей за древесину на корню осуществляется налоговыми органами РФ и субъектами РФ.

7. Аналитическую работу по созданию и сбору информации для установления и изменения корневых цен должны осуществлять федеральные и региональные органы государственной власти в сфере лесных отношений.

Приведенные выше положения должны стать результатом целенаправленной законодательной и нормотворческой деятельности, связанной с переводом лесных отношений на рыночную организацию.

Рентный подход к ценообразованию решает ключевые экономические задачи. Государство, используя корневые цены, установленные на рентной основе, может:

а) легально изъять от частного бизнеса часть дохода, который создается при экспорте лесопродукции вследствие девальвации национальной валюты;

б) заменять механизм взимания экспортных пошлин, что позволяет, не нарушая требования ВТО, устанавливать барьеры на пути экспорта определенных сортиментов круглого леса. Корневые цены сортиментов круглого леса могут формироваться отдельно для внутреннего и экспортного рынка.

Законодательное и нормативное обеспечение перехода на рыночное ценообразование в сфере управления лесопользованием

Должно быть очевидно, что замена действующей административной системы ценообразования древесины на корню на рыночную не может быть реализована каким-либо одним законодательным актом в рамках существующего Лесного кодекса РФ.

На уровне Правительства РФ следует утвердить программу реформирования экономических отношений, в которой должны быть представлены отдельные этапы, завершающиеся подготовкой законодательных актов и их принятием на федеральном и региональном уровнях.

Обязательными условиями для установления и применения корневых цен древесины на рентной основе должен быть объект оценки, представленный в виде фактически заготовленной древесиной в разрезе сортиментов и сортов. Эту задачу решает федеральный закон № 415 [2], который ввел:

- а) сортиментацию заготовленной древесины лесопользователями;
- б) единую государственную автоматизированную информационную систему учета древесины и сделок с ней (ЕГАИС);
- в) представление органами государственной власти субъектов РФ в ЕГАИС основных сведений, содержащихся в:
 - договорах аренды лесных участков;
 - договорах купли-продажи лесных насаждений;
 - договорах о предоставлении лесных участков в постоянное (бессрочное) пользование;
 - лесных декларациях;
 - отчетах об использовании лесов;
- г) предоставление в ЕГАИС юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем декларации о сделке с древесиной.

При реализации федерального закона № 415 создается парадоксальная экономическая ситуация в отношениях между государством и бизнесом, когда:

- учитывается и контролируется органами государственной власти фактически заготовленная древесина в разрезе сортиментов круглого леса;
- оплачивается бизнесом древесина в составе растущих насаждений по объемам и породно-размерным группам на основании данных лесочетных работ.

По нашему убеждению, устранить такой парадокс может только переход на установление корневых цен древесины.

1. Налоговый статус платы за древесину на корню, создающий прозрачную систему финансовых отношений между государством и частным бизнесом, минимизирующую коррупционные риски и возможности нелегальных лесозаготовок и нелегального оборота древесины.

2. Конкурсный доступ к использованию лесов.

Ставки платы за древесину, имеющие налоговый статус, не могут быть начальной ценой при проведении аукционов по продаже права на заключение договора аренды лесного участка или права на заключение договоров купли-продажи лесных насаждений.

Корневые цены в их налоговом статусе могут обслуживать только отношения в сфере лесопользования, основанные на конкурсном доступе к освоению лесов.

Существующая организация лесопользования на базе аукционов показала свою бесперспективность как неспособная создать конкурентную среду, а, следовательно, сделать лесной сектор высокодоходной отраслью. Доказательством сказанного явилось поручение Президента РФ от 7 мая 2013 г. по результатам заседания Госсовета, которое обязало внести в законодательство РФ изменения, предусматривающие «проведение органами исполнительной власти субъектов РФ конкурсов на право заключения договоров аренды лесного участка для заготовки древесины лесоперерабатывающими предприятиями, установив критерии определения победителя конкурса в зависимости от наличия у его

участников производства по глубокой переработке древесины и уровня развития этого производства».

Из всех поручений, данных Президентом РФ по итогам заседания Госсовета, данное поручение стало единственным, которое до сих пор не выполнено.

Дело в том, что переход на конкурсный доступ к использованию лесов возможен только при полном отказе от существующей концепции управления лесопользованием, которая положена в основу действующего Лесного кодекса РФ (статьи 71–80).

По нашему мнению, в основу организации лесопользования должны быть положены базовые положения федерального закона № 224 «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации» [3], согласно которым только конкурс дает право заключать соглашения о государственно-частном партнерстве.

Федеральный закон № 224 содержит статьи, в которых представлен весь набор элементов и процедур конкурсного отбора бизнес-партнеров, а именно:

- критерии конкурса;
- конкурсная документация;
- конкурсная комиссия;
- представление заявок на участие в конкурсе;
- вскрытие конвертов с заявками на участие в конкурсе;
- проведение предварительного отбора участников;
- представление конкурсных предложений;
- вскрытие конвертов с конкурсными предложениями;
- порядок рассмотрения и оценки конкурсных предложений;
- порядок определения победителей конкурса;
- порядок заключения соглашения о государственно-частном партнерстве.

Для того, чтобы положения федерального закона № 224 распространить на лесные отношения, необходимо одно: политическая воля изменить ситуацию в лесном секторе к лучшему.

3. Нормативная база для оценки и постоянного мониторинга затрат и доходов по всему комплексу производств, превращающих древесину на корню в конечную лесопroduкцию.

Для создания нормативной базы для оценки и постоянного мониторинга затрат и доходов по всему комплексу производств, превращающих древесину на корню в конечную лесопroduкцию, необходимо объединение усилий всех федеральных органов исполнительной власти в сфере лесных отношений в части выполнения научных и проектных работ в областях лесной экономики, планирования и финансирования.

Кроме того, требуется подготовка кадров специалистов в области ценообразования в лесном секторе и внедрение пилотных региональных проектов по формированию и использованию лесного дохода при различных формах государственно-частного партнерства в лесном секторе.

Замена действующей административной системы ценообразования древесины на корню на рыночную не может быть реализована каким-либо одним законодательным актом в рамках существующего Лесного кодекса РФ.

На уровне Правительства РФ следует утвердить программу реформирования экономических отношений, в которой должны быть представлены отдельные этапы, завершающиеся подготовкой законодательных актов и их принятием на федеральном и региональном уровнях. В итоге это приведет к реализации механизма под названием

«совершенствование системы платежей за пользование лесами», установленного «Основными государственной политики в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов Российской Федерации до 2030 года» [5].

Библиографический список

1. Лесной кодекс РФ; утв. ФЗ от 4 декабря 2006 г. № 200.
2. Федеральный закон «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 28.12.2013 № 415-ФЗ.
3. Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 № 224-ФЗ.
4. Постановление Правительства РФ от 22.05.2007 № 310 (ред. от 23.02.2018) «О ставках платы за единицу объема лесных ресурсов и ставках платы за единицу площади лесного участка, находящегося в федеральной собственности».
5. Распоряжение Правительства РФ от 26 сентября 2013 г. № 1724-р «Об Основах государственной политики в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов в РФ на период до 2030 г.».
6. Петров А.П. Экономические отношения в лесном хозяйстве: из прошлого в будущее [Текст] / А.П. Петров: цикл лекций. – г. Пушкино, Московская область, ФАУ ДПО ВИПКЛХ. – 2016. – 98 с.
7. Финансово-кредитный энциклопедический словарь / ред.: А.Г. Грязнова. – энцикл. словарь. – М.: Издательство «Финансы и статистика», 2004. – 1166 с.
8. Воробьев Г.И. Экономика лесного хозяйства СССР [Текст] / Г.И. Воробьев, И.В. Воронин, А.Д. Янушко, Г.Н. Рукосуев // – М.: Агропромиздат, 1985. – С. 40–45.
9. Пунцукова С.Д. Механизм рационального лесопользования на основе оценки лесоресурсной ренты / С.Д. Пунцукова, А.Б. Андреев // Общество: политика, экономика, право – 2015. – № 6.
10. Путятинская Ю.В. Дискуссионный характер платежей за пользование лесными ресурсами [Текст] / Ю.В. Путятинская, Р.Р. Яруллин // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2009. – № 3 (23). – С. 121–124.

Аграрные преобразования

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РОССИЙСКОГО АПК

Иванова Л.Н.,

*кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Института экономики РАН,*

Кузнецова Т.Е.,

*доктор экономических наук,
главный научный сотрудник Института экономики РАН*

Аннотация. Последние годы российский АПК демонстрирует устойчивый рост. Однако тенденции развития АПК неоднозначны: на фоне успехов в области экспорта и импортозамещения сохраняются серьезные проблемы в области материально-технической базы, логистики, инфраструктуры, комплексности развития секторов и подотраслей. Наличие проблем на фоне потенциальных возможностей заставляет обращаться к теме выстраивания в стране эффективного АПК, который не только обеспечит продовольственную безопасность, но и придаст импульс развитию российской экономики за счет своих интеграционных возможностей. В статье анализируются основные этапы институциональной трансформации современного АПК (понимаемого и как сочетание лучших мировых практик, и как магистральный тренд развития), основные элементы его институциональной структуры, направления трансформации агропромышленной политики в связи с распространением высоких информационных и генно-инженерных технологий. В статье показано, что институциональная структура российского АПК формировалась под влиянием негативных тенденций 90-х годов, экономической конъюнктуры, не вполне концептуально выверенной политики 2000-х, процессов самоорганизации бизнеса, но в целом — в русле мировых трендов. Многие решения по созданию институтов поддержки аграрного сектора принесли свои плоды. Происходит медленное эволюционирование институциональной структуры российского АПК: возродилось крупное аграрное производство на новых, рыночных принципах; происходит постепенное становление фермерского сегмента; формируются бизнес-ассоциации; развивается продуктовый ритейл; началось постепенное отстраивание системы агрострахования с госучастием. В статье сделан вывод, что продовольственная безопасность страны в основном обеспечена и стране необходима новая агропромышленная политика, которая будет нацелена на придание реальной комплексности российскому АПК, обеспечение его глобальной конкурентоспособности; формирование условий для импортозамещения в высокотехнологичных отраслях — сельскохозяйственном машиностроении и производстве генетического материала. В рамках этой политики необходимо сосредоточить усилия на преодолении кризиса в кооперативном секторе; совершенствовании контрактных отношений; дальнейшем развитии института агрострахования с господдержкой; развитии логистики; развитию собственной семеноводческой базы; поддержке экспортной деятельности российских агрохолдингов в целях преодоления ограниченности внутреннего рынка; совершенствовании земельных отношений.

Ключевые слова: институциональная трансформация, институциональная структура, агропромышленный комплекс.

INSTITUTIONAL STRUCTURE TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

Ivanova L.N.,

*PhD in Economics, Docent, Leading Research Fellow,
Center of Socio-Economic Development Institutions of the Science*

*Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS),
Moscow, Russia,*

Kuznetsova T.E.,

*Doctor Habilitatus In Economics, Chief Research Fellow,
Center of Socio-Economic Development Institutions of the Science
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS),
Moscow, Russia*

Abstract. In recent years, the Russian agricultural sector has shown steady growth, but the trends in the development of the agro-industrial complex are ambiguous. There are successes in export and import substitution, but there are serious problems in the technical base, logistics, infrastructure, unbalanced development of the agro-industrial complex. The presence of problems against the background of potential opportunities makes us turn to the topic of creating an effective agro-industrial complex, which will ensure food security and stimulate the development of the Russian economy through the integration properties of agriculture. The article analyzes the main stages of institutional transformation of the modern agro-industrial complex (world practice), the elements of its institutional structure, possible changes in agro-industrial policy in connection with the introduction of high information and genetic engineering. The article shows that the institutional structure of the Russian agro-industrial complex was formed under the influence of the negative trends of the 1990s, market conditions, imperfect agricultural policy of the 2000s, the processes of self-organization of Russian business and global trends. Many measures of Russia's agricultural policy have yielded results. The institutional structure of Russia's agro-industrial complex is slowly developing: large-scale agricultural production has revived on new market principles, the farming segment is gradually developing; business associations are being formed, food retail is developing, and agricultural insurance with state participation is gradually forming. The article concludes that the food security of the country has been achieved. Now Russia needs a new agricultural policy that will create a complex system of relations within the Russian agro-industrial complex, ensure its global competitiveness, create conditions for import substitution in agricultural engineering and production of genetic material. The new agricultural policy should be aimed at overcoming the crisis of the cooperative sector, improving contractual relations; development of agricultural insurance with state support; development of logistics, including export logistics; development of its own seed base and reducing dependence on imports of genetic material; support of export activities of Russian agricultural holdings in order to overcome the limitations of the domestic market; improvement of land relations.

Keywords: institutional transformation, institutional structure, agro-industrial complex.

Все последние годы российский АПК демонстрирует устойчивую тенденцию к росту, который зачастую опережает динамику других секторов экономики. Если в 2007–2016 гг. среднегодовые темпы роста ВВП составляли 1,8%, темпы роста промышленного производства — 1,2%, то пищевая промышленность ежегодно возрастала в среднем на 2,8%, а сельскохозяйственное производство — на 3,9%. Этому способствовала совокупность обстоятельств, таких как: рост доходов населения в 2001–2015 гг., усилия федеральных и региональных властей по поддержанию социальной стабильности и продовольственной безопасности страны, введение контрсанкций. В то же время тенденции развития российского АПК неоднозначны: достигнуты определенные успехи, прежде всего, в области импортозамещения и расширения экспорта, но сохраняется неудовлетворительное состояние материально-технической базы сельского хозяйства¹; расширение

¹ Степень износа машин и оборудования сельскохозяйственных коммерческих организациях в 2010–2016 гг. выросла с 41,4% до 53,3%, а транспортных средств — с 46,9% до 55,9% (Российский статистический ежегодник. 2017: Стат.сб./Росстат. — М., 2017. — С. 282).

аграрного экспорта сопровождается определенным ухудшением его структуры²; Россия занимает порядка 8% мирового рынка минеральных удобрений, уступая по данному показателю только Индии, Китаю, США, но внутрироссийское потребление удобрений составляет только порядка 30% от производимого объема [35; 36, с. 56], что значительно ниже, чем требует поддержание, а тем более и улучшение плодородия почв [17, с. 22]; Россия является крупнейшим мировым экспортером зерна, однако удержание страны на этих позициях ограничено пропускными возможностями инфраструктуры и логистики [9, с. 24]. Наличие противоречивых тенденций на фоне потенциальных возможностей российского АПК (в стране сосредоточены одна десятая часть мировой пашни, около половины мировых черноземов и одна пятая часть мировых запасов пресной воды) заставляет обращаться к теме выстраивания в стране эффективного агропромышленного комплекса, который не только обеспечит продовольственную и экономическую безопасность, но и придаст импульс развитию российской экономики за счет своих интеграционных возможностей. В этом контексте очень важно понять, что из себя представляет созданный во многих развитых странах мира современный АПК, какова его институциональная структура, т.е. определенная конфигурация институтов и институций [5, с. 10; 6, с. 30–33], обеспечивающая оптимизацию условий развития, позволяющая не только решать задачи продовольственной безопасности отдельных стран или их объединений, но и использовать интеграционные возможности АПК в качестве драйвера экономического роста [4, с. 128]. Под термином «современный АПК» в контексте данной работы понимается некий пул лучших мировых практик организации и функционирования агропромышленного комплекса как магистральный тренд его институционального развития.

Институциональная структура современного АПК и тенденции ее трансформации

Технологические метаморфозы АПК

В развитых странах процесс формирования АПК начался во второй половине XX века и последовательно прошел несколько этапов: комплексной механизации; химизации и селекции; встраивания информатики и генной инженерии в традиционные аграрные технологии. В 90-е годы прошлого столетия стал складываться новый магистральный тренд технологического развития АПК, основным содержанием которого является освоение и распространение высоких информационно-биологических технологий, а также точного и органического земледелия [21, с. 290–291]. Технологические метаморфозы АПК сопровождалась институциональной трансформацией его структуры, и к сегодняшнему моменту в странах Западной Европы, США, Канаде и Японии функционирует развитой в техническом, технологическом и организационном плане АПК, имеющий сложную разветвленную институциональную структуру, характеризующуюся многообразием организационных форм и типов связей, функционирующую как единая система, которая

² В 2000—2016 гг. экспорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья вырос в 10,5 раз и достиг 17,1 млрд долл. (5,2% российского экспорта), но при этом доля злаков в структуре продовольственного экспорта выросла с 9% до 33% (Российский статистический ежегодник. 2017: Стат. сб./Росстат. — М., 2017. — С. 571, 576).

обеспечивает непрерывный поток движения сельскохозяйственной продукции от производителя к переработчику, а затем — к потребителю.

Секторальная структура АПК. Рост значения неаграрных секторов

Агропромышленный комплекс состоит из нескольких тесно взаимосвязанных, но все же относительно самостоятельных в функциональном плане секторов. В отечественной традиции его обычно рассматривают в виде трехзвенной структуры, в центре которой находится сельское хозяйство, интегрированное, с одной стороны, с отраслями, снабжающими аграрный сектор материальными ресурсами, а с другой стороны, с отраслями, осуществляющими транспортировку, переработку, хранение и оптовую торговлю конечной продукцией. При всей условности подобного разделения, следует отметить, что оно представляет собой слишком упрощенный подход и не вполне отражает реалии современного АПК, в конечном продукте которого вследствие углубления разделения труда и роста технологичности всего агропромышленного производства вклад его центрального звена — сельского хозяйства — неуклонно снижается, в то время как значение вклада ресурсных, перерабатывающих и инфраструктурных отраслей растет. Например, в США — где в АПК принято включать ритейл и общепит [14, с. 18] — уже к началу нынешнего столетия доля сельского хозяйства в агропромышленной занятости и стоимости продукции составляла только 8% [21, с. 293]. Текущий этап развития позволяет рассматривать АПК как сложный конгломерат по меньшей мере пяти взаимосвязанных функциональных блоков: ресурсных отраслей; сельского хозяйства; отраслей, ответственных за переработку, хранение и оптовую торговлю сельхозпродукцией; отраслей, отвечающих за непосредственное снабжение населения продуктами питания (продуктовый ритейл и общепит); а также совокупности подотраслей сервисной, научной, образовательной, финансовой, информационной и другой инфраструктуры, которые напрямую не участвуют в производстве конечного продукта, но необходимы для нормального функционирования комплекса, основная цель которого — обеспечение населения продуктами питания требуемого качества и по приемлемым ценам.

Трансформация принципов локализации агропромышленного производства

По мере развития АПК происходила и его пространственная трансформация. С точки зрения размещения производства весьма важной характеристикой институциональной трансформации современного АПК является изменение базовых принципов локализации сельскохозяйственного производства. Если исторически аграрное производство (за исключением экстенсивных культур плантационного типа) было сосредоточено преимущественно в пригородных зонах и сориентировано на локальные рынки, то теперь его размещение определяется не близостью к потребителю, а наиболее благоприятными условиями производственной деятельности [14, с. 28]. Современный сельхозпроизводитель работает не столько на местный рынок, сколько на национальный и глобальный, в которые он включается посредством различных интеграционных механизмов.

Многообразие организационных форм и глубокая производственная интеграция

Для институциональной структуры современного АПК характерен экономический плюрализм (многоукладность) [14, с. 11], а также различные типы объединений субъектов хозяйствования через механизмы горизонтальной и вертикальной интеграции, кооперации (кооперативного движения), контрактных отношений и бизнес-ассоциаций.

Глубокие интеграционные связи свойственны не только промышленным отраслям АПК, представленным преимущественно транснациональным вертикально интегрированным бизнесом, или ритейлу и общепиту, представленному преимущественно крупными сетевыми компаниями, но и ключевым звеньям — сельскому хозяйству и переработке, которые также развиваются на основе вертикальных и горизонтальных интеграционных объединений, отвечающих за движение продукта от производства до оптовой торговли. На верхних этажах этих как формализованных (кооперативы, корпорации), так и неформализованных объединений (система контрактных отношений) находятся узкоспециализированные перерабатывающие компании. Это обусловлено тем, что выпуск продукции конечного потребительского спроса носит достаточно сложный и высокотехнологичный характер, что предполагает монопродуктовую направленность [14, с. 25]. На нижнем этаже находятся непосредственные сельскохозяйственные предприятия (фермы). Формально независимые сельскохозяйственные предприятия представляют собой исходное звено более сложного организма и находятся в системе договорных отношений с кооперативными и корпоративными структурами, осуществляющими функции хранения сельскохозяйственной продукции, ее доработку и составление товарных партий готового продукта.

В качестве основных типов объединений, которые складываются в производстве и переработке сельхозпродукции, выступают кооперативные и корпоративные объединения, но иногда имеют место и объединения принципиально иного типа, которые можно квалифицировать как государственно-монополистические [14, с. 21]. Каждый из них представляет собой один из базовых элементов институциональной структуры, отражающий определенный тип отношений между субъектами аграрного сектора.

Функционально **кооперативные объединения** необходимы для защиты мелких сельскохозяйственных производителей посредством ограничения рыночной власти крупных корпораций в сфере переработки и ритейла, что позволяет небольшим по объему аграрным производствам вполне успешно соседствовать с более крупными производителями, придает всей системе маневренность и способствует быстрому распространению инноваций. Именно поэтому кооперативные объединения сельхозпроизводителей находятся в фокусе пристального внимания государства. Доля кооперативных объединений в общем объеме производства продовольствия в странах ЕС составляет до 60%; в США — порядка 30%. Важную роль в поддержании и развитии кооперативного сектора играют кооперативные финансовые институты (кредитная кооперация, кредитные союзы, кооперативные банки), создаваемые при активном участии государства и прошедшие длительный путь развития. Хорошо известная в России финансовая группа Райффайзен выросла из кредитной кооперации. Международная финансовая группа Робобанк также выросла из сети небольших кредитных банков, которые специализировались на обслуживании фермерских хозяйств. Помимо того, что кооперативные банки кредитуют аграриев на льготных условиях, они являются каналом, через который государство оказывает финансовую поддержку фермерским хозяйствам.

В аграрном секторе развитых стран широко представлена **корпоративная организация бизнеса**. Здесь возможны два основных варианта: 1) Корпорация полностью контролирует все процессы «от поля до прилавка», что практикуется, как правило, в случае производства скоропортящейся продукции; 2) Корпорация контролирует завершающие наиболее высокотехнологичные и рентабельные этапы переработки, в то время как начальные этапы производства выполняют мелкие предприятия и фермерские хозяйства,

связанные с ней системой контрактов, в которых обговариваются, в том числе, и необходимые стандарты качества. В наибольшей степени данный тип организации производства продовольствия получил распространение в США [14, с. 24–26].

Проблема обеспечения определенного объема производства сельскохозяйственного продукта и его поддержания на требуемом уровне сформировала такой специфический вид отраслевых объединений, которые по своей сути являются **государственно-монополистическими**. Подобные объединения стали создаваться после Первой мировой войны в Великобритании и странах Содружества, когда в связи с острой необходимостью быстро нарастить объемы стратегически важных продуктов питания государство было вынуждено принимать участие в процессе организации его производства и защиты от деструктивных проявлений внешней и внутренней конкуренции. Многие из подобных структур сохранились и в видоизмененном виде не только действуют до сих пор, но и приобрели глобальное влияние. Формально они представляют собой отраслевые объединения, возглавляемые центральными органами — Советами, состоящими из представителей фермеров, переработчиков и потребителей, функционирующие под руководством государства, которое контролирует цены и объемы производства, а также выделяет средства на поддержку товаропроизводителей. В качестве примера структур подобного типа можно привести:

- Новозеландский молочный совет (New Zealand Dairy Board), созданный в 1923 году и преобразованный в 2001 году в компанию Fonterra, на которую приходится порядка 30% мирового экспорта молока и которая является крупнейшей компанией страны;
- Канадский совет по зерну (Canadian Wheat Board), созданный в 1935 году, который до 2015 года выступал в качестве единственного официального экспортера зерновых из страны и контролировал до 20% мирового товарооборота пшеницы и ячменя;
- Национальный Совет развития молочной индустрии Индии (National Dairy Development Board), образованный в 1965 году в связи с острым дефицитом молочных продуктов, проделавший гигантскую работу по развитию отрасли и превращению страны в крупнейшего производителя молочной продукции (к 2011 году объем производства молока в Индии достиг показателя в 121 млн тонн, что составило 17% от общемирового объема молочного производства).

Перечисленные выше элементы институциональной структуры современного АПК не исчерпывают их реального многообразия. Например, современный АПК нельзя представить без **агрострахования** — специализированного вида страхования, реализующего функцию защиты аграриев от различных природных и иных рисков при одновременном достижении баланса интересов представителей агробизнеса, страхового бизнеса и государства. Исторически стандартное страхование рисков для аграриев ограничивалось страхованием отдельных катастрофических случаев, поскольку страхование по более широкому перечню рисков (мультирисковое страхование) являлось слишком дорогим. В случае стихийных бедствий и гибели урожая государство было вынуждено поддерживать доходы аграриев с помощью прямых компенсационных выплат, что резко повышало расходы бюджета [15, с. 10]. В 90-е годы в США была предпринята попытка разрешения данного противоречия с помощью субсидирования государством страховых расходов сельхозпроизводителя. Опыт оказался удачным, поскольку практика показала, что участие государства в страховых расходах аграриев оказалось менее затратным для бюджета, чем прямые компенсационные выплаты. В 2000-х годах практика мультирискового агрострахования с государственной поддержкой в тех или иных формах (субсидирова-

ние страховых премий, страховых выплат, административных и операционных расходов страховых компаний или участие государства в перестраховании) получила распространение и в других странах. Объем мирового рынка услуг по агрострахованию стал быстро расти: по данным Национального союза агростраховщиков, за период 2005–2014 гг. он увеличился почти в 4 раза и достиг 31 млрд долл. [1]. К настоящему времени в странах ЕС подобным образом застраховано порядка 40% пахотных угодий, в то время как в США этот показатель достигает 90%. В Китае в 2001–2016 гг. застрахованная площадь пашни увеличилась с 10 до 115 млн га, и сегодня страна является одним из мировых лидеров по агрострахованию [27].

В институциональной структуре современного АПК важную роль играют **бизнес-ассоциации**, значение которых особенно велико в контексте решения задач координации отношений между бизнесом и государством при выработке и реализации агропромышленной политики. Бизнес-ассоциации представляют собой добровольные объединения предпринимателей для систематического взаимодействия в целях решения различных отраслевых и региональных вопросов [29, с. 125]. К таким вопросам относятся взаимодействие с государственными органами в целях лоббирования полезных (или предотвращения вредных) для бизнеса изменений в законодательстве и практике госрегулирования; обмен опытом и информацией между членами ассоциации; участие бизнеса в разработке планов развития региона или отрасли; содействие продвижению компаний-участников ассоциации на новые рынки; установление системы отраслевых стандартов и т.д. [10, с. 271]. В качестве примера можно привести опыт Германии, где многие хозяйствующие субъекты АПК объединены в соответствующие профильные ассоциации, такие, как Немецкий крестьянский союз, Немецкий союз мясников или Немецкий союз хлебопекарной промышленности и др. Ассоциации оказывают своим членам высокопрофессиональную помощь в решении экономико-финансовых проблем, технических и технологических вопросов, в проведении рекламных кампаний, в организации профессиональной подготовки, проводят соревнования между представителями отдельных профессий, а также международные выставки (например, Международную выставку мясной промышленности во Франкфурте-на-Майне организует Немецкий союз мясников, объединяющий 26 тысяч немецких профильных предприятий).

Аграрная политика. Трансформация аграрной политики

Важнейшим элементом институциональной структуры современного АПК является государство. Государство всегда действовало и действует как активный участник процессов формирования и институциональной трансформации агропромышленных комплексов. Оно участвует в этом процессе и в контексте установления общих условий деятельности национального бизнеса — и в этом смысле является институтом внешнего воздействия на АПК, и в контексте решения конкретных задач функционирования комплекса посредством специального регулятора (министерства или агентства, которое отвечает за выработку и реализацию государственной политики в отношении АПК, а также осуществляет мониторинг состояния и динамики развития комплекса) — и в этом смысле является важнейшим внутренним элементом АПК.

Политика государства в отношении АПК всегда имеет неизменную стратегическую направленность на обеспечение национальной продовольственной безопасности, а также завоевание и удержание позиций на мировых продовольственных рынках. В то же время она не может не претерпевать определенных изменений как с точки зрения базо-

вых методов и подходов, так и с точки зрения необходимости решения тех или иных проблем развития. Если говорить о трансформации методов воздействия, то здесь следует подчеркнуть, что аграрная политика в развитых странах исторически базировалась на использовании рыночных механизмов, с помощью которых государство поддерживало определенный уровень цен на сельхозпродукцию, что позволяло ему достичь баланса интересов производителей и потребителей, а также оптимизировать объемы спроса и предложения на рынках продовольствия. Это достигалось, с одной стороны, с помощью механизма товарных интервенций, а с другой стороны, с помощью регулирования внешней торговли через тарифы и квоты. Данный подход одновременно позволял бороться с инфляцией и гарантировать определенный уровень дохода сельхозпроизводителям, обеспечивая тем самым возможность расширенного воспроизводства. Однако со временем поддержка аграрного сектора за счет ценового регулирования стала рассматриваться как недостаточная мера. Произошло смещение аграрной политики в сторону регулирования объемов производства за счет выплат и субсидий в зависимости от тех или иных показателей (площади обрабатываемой земли, поголовья скота и т.д.) и стимулирования структурных изменений с помощью мер, направленных на укрупнение хозяйств и повышение их конкурентоспособности [14, с. 36–37].

Если говорить о проблемах развития, то представляется, что в большинстве стран основные направления трансформации агропромышленной политики в среднесрочной перспективе будут определяться необходимостью обеспечения сбалансированного развития АПК в условиях существенных секторальных различий в темпах и возможностях укрупнения производства и консолидации бизнеса под влиянием современного этапа технологической трансформации, связанного с внедрением высоких информационных и генно-инженерных технологий, а также точного земледелия.

На данном этапе процессы консолидации бизнеса в наибольшей степени затронули ресурсный сектор и отрасли, отвечающие за реализацию продукции конечного потребительского спроса (продуктовый ритейл и общепит). Бизнес в рамках ресурсного сектора АПК (сельскохозяйственное машиностроение, производство генетических материалов, удобрений и средств защиты растений) с организационной точки зрения уже давно консолидирован и обладает существенной рыночной властью. Институционально он представлен преимущественно крупными вертикально интегрированными транснациональными корпорациями, которые объединяют в своих руках важнейшие производственные активы, технологии и компетенции. Порядка 40% мирового рынка сельхозтехники приходится на четыре компании: John Deere и AGCO (США), Case New-Holland (Италия), Claas (Германия). По отдельным «нишевым» направлениям ведущие позиции занимают компании Fella, Krone и Welger (Германия), специализирующиеся на производстве кормоуборочной техники, а также Kverneland (Норвегия) и Kuhn (Франция), которые являются мировыми лидерами на рынке почвообрабатывающих машин [11]. Производство минеральных удобрений в мировом АПК также представлено крупными вертикально интегрированными холдингами. Порядка 30% всех мощностей по производству минеральных удобрений контролируют четыре компании: PotashCorp (Канада), Mosaic и CF Industries Holdings (США), Yara International (Норвегия).

Но если взаимодействие аграрного сектора с производителями сельхозтехники и минеральных удобрений давно институционально выстроено (проблема высоких цен решается через механизм лизинга или субсидирование кредита), то производство семян представляет собой принципиально новую индустрию, которая стала складываться око-

ло трех десятилетий тому назад, и все последние годы стремительно консолидировалась посредством слияний и поглощений. Около половины мирового рынка сортовых семян и средств защиты растений контролируют три транснациональные корпорации: Monsanto и DuPont (США), а также Syngenta (Швейцария), при этом в настоящее время идет процесс слияния компании Monsanto, занимающей доминирующее положение на рынке сортовых семян, и химического концерна Bayer (Германия), один из дивизионов которой также специализируется на семеноводстве. Если еще в первой половине XX века производство семян осуществлялось фермерами и отдельными селекционерами из компаний публичного сектора, то теперь это становится прерогативой исключительно глобальных корпораций, которые с помощью законов об интеллектуальной собственности реализуют стратегию, позволяющую максимизировать свою прибыль за счет ограничения прав и возможностей фермеров использовать собственную семеноводческую базу [30]. Рост монопольной власти биотехнологических компаний особенно чувствителен для сельскохозяйственных производителей в связи с тем, что компании производят семена гибридных растений, у которых наблюдаются более высокие показатели полезных свойств, чем у натуральных сортов, но которые либо являются стерильными (т.е. не формируют семян), либо не обеспечивают наследование полезных свойств во втором поколении [12]. По сути это означает смену организационно-технологической базы растениеводства и формирование нового типа зависимостей сельскохозяйственных производителей от ресурсных отраслей АПК, что, в свою очередь, по-новому ставит вопрос и о балансе интересов биотехнологических компаний, сельскохозяйственных производителей, а также потребителей конечной продукции комплекса.

Несколько менее остро, но проблема гипертрофированной рыночной власти возникает и в сфере взаимодействия производителей сельскохозяйственной продукции с сетевыми компаниями розничной торговли. Сам по себе сетевой формат розничной торговли, как и формат самообслуживания, не является чем-то новым. Сетевой ритейл в его современном виде возник в США еще во время Великой Депрессии и стал постепенно расширять свои позиции. И только в 80-е годы он стал доминировать на рынке розничных продаж потребительских товаров развитых странах Запада. Широкое внедрение информационных технологий, глобализация, а также развитие франчайзинга в 80–90 гг. XX века ускорили процесс перевода розницы в сетевой формат. В настоящее время в развитых странах сетевые компании контролируют до 75% розничного товарооборота. В целом сетевой формат обеспечил более полный учет потребительских предпочтений. Данная форма организации торговли позволяет одновременно обеспечить доступ населения к потребительским товарам и минимизировать торговые издержки за счет эффективной организацией управления, построенного на информационных технологиях, и четко выстроенной логистической схемы, объединяющей функции маркетинга, закупки, пополнения запасов и сбыта [33, с. 8–17]. Однако существует и обратная сторона развития сетевой розницы, которая заключается в том, что крупные транснациональные сети ведут себя агрессивно, злоупотребляя своим монопольным положением и разоряя не только более мелких торговцев и локальные торговые сети, но и местных производителей продукции [8, с. 27].

В контексте вышесказанного можно заключить, что именно достижение баланса интересов различных секторов АПК в контексте широкого внедрения новых аграрных, промышленных и торговых технологий может стать одним из важнейших направлений агропромышленной политики во всем мире.

Основные тенденции институциональной трансформации российского АПК

В настоящее время российский агропромышленный комплекс находится в стадии формирования. Во многом оно осуществляется с чистого листа, поскольку советский АПК, созданный изначально на плановой основе, в результате рыночной трансформации, либерализации внешнеэкономической деятельности, а также разрыва экономических связей, был в значительной мере разрушен. К середине 2000-х объем завозимого из-за рубежа продовольствия составлял одну треть от необходимого [2, с. 1]. Деструктивные процессы, которые шли в АПК начиная с 90-х годов, сформировали специфическую институциональную структуру аграрного сектора, когда крупное сельскохозяйственное производство было частично свернуто, а освободившаяся ниша на рынке была заполнена импортом и продукцией из личного подсобного хозяйства. Кульминацией этой деструктивной трансформации можно считать 1998 год, когда доля хозяйств населения в стоимостном объеме продукции сельского хозяйства приблизилась к 60% (рис. 1).

Плачевное состояние аграрной сферы еще в конце 90-х поставило перед страной задачу обеспечения продовольственной безопасности и выстраивания соответствующей аграрной политики. Формально фундамент современной аграрной политики был заложен в 2000–2001 гг. учреждением двух важнейших институтов развития агропромышленного комплекса, а именно — Россельхозбанка, основной задачей которого являлось создание национальной кредитно-финансовой системы обслуживания хозяйствующих субъектов АПК, и Росагролизинга — специальной структуры, основная задача которой состояла в содействии технической и технологической модернизации комплекса. Кроме того, с 2001 г. в России был запущен механизм ценового регулирования с помощью зерновых интервенций важнейшего аграрного рынка — рынка зерна [3, с. 1]. В последующие годы российское государство предприняло ряд весьма важных шагов в направлении выстраивания полноценной аграрной политики. К ним можно отнести разработку и реализацию Приоритетного национального проекта «Развитие АПК» (2005–2007 гг.); принятие в 2006 г. Федерального закона «О развитии сельского хозяйства»; утверждение Государственных программ развития сельского хозяйства на 2008–2012 и 2013–2018 гг., Стратегии развития пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации на период до 2020 года, а также ряда других программных документов, которые содержали перечень мероприятий в отношении АПК. В то же время многие решения, принимаемые на данной стадии, носили преимущественно реактивный характер и не были увязаны с четко выверенными стратегическими целями, за исключением цели обеспечения продовольственной безопасности, окончательно сформулированной в Доктрине продовольственной безопасности только в 2010 году.

Институциональная структура российского АПК в том виде, в котором она сложилась к сегодняшнему моменту, формировалась под влиянием негативных тенденций 90-х годов, экономической конъюнктуры, не вполне концептуально определенной и стратегически выверенной политики 2000-х, использующей преимущественно финансовые инструменты воздействия, а также процессов самоорганизации бизнеса. С одной стороны, это неизбежно порождало многочисленные дисфункции и институциональные «ловушки», накопленные российским АПК [34, с. 89], в том числе: монополизацию рынков инвестиционных ресурсов; диспаритет цен на аграрную и промышленную продукцию; монополизацию потребительских рынков; естественную

монополию посредников, обусловленную, в том числе, значительным транспортным «плечом»; коррупционность в сфере принятия управленческих решений; поддержку государством преимущественно крупного производителя; демотивацию сельскохозяйственного труда и т.д.

С другой стороны, нельзя не признать того факта, что происходит медленная эволюция российского АПК в сторону улучшения его институциональной структуры. При всей сложности и неоднозначности процессов, которые идут в АПК, можно выделить в качестве позитивных такие моменты как: возрождение крупного аграрного производства, но уже на новых, рыночных, корпоративных принципах; постепенное становление фермерского сегмента, представленного фермерскими (крестьянскими) хозяйствами и частично — личными подсобными хозяйствами, имеющими товарную направленность³; объединение представителей аграрного бизнеса в ассоциации; развитие продуктового ритейла; постепенное отстраивание системы агрострахования с госучастием.

Если в конце 90-х около 60% сельскохозяйственной продукции производилось в личных подсобных хозяйствах населения, то с начала 2000-х доля ЛПХ в структуре аграрного производства стала снижаться и в настоящее время составляет порядка одной трети. Доля сельскохозяйственных организаций и фермерских хозяйств, напротив, выросла и в совокупности превысила 65%. За последние десять лет вклад фермерских хозяйств в производство сельхозпродукции удвоился, достигнув в 2016 году 12,5% (рис. 1).

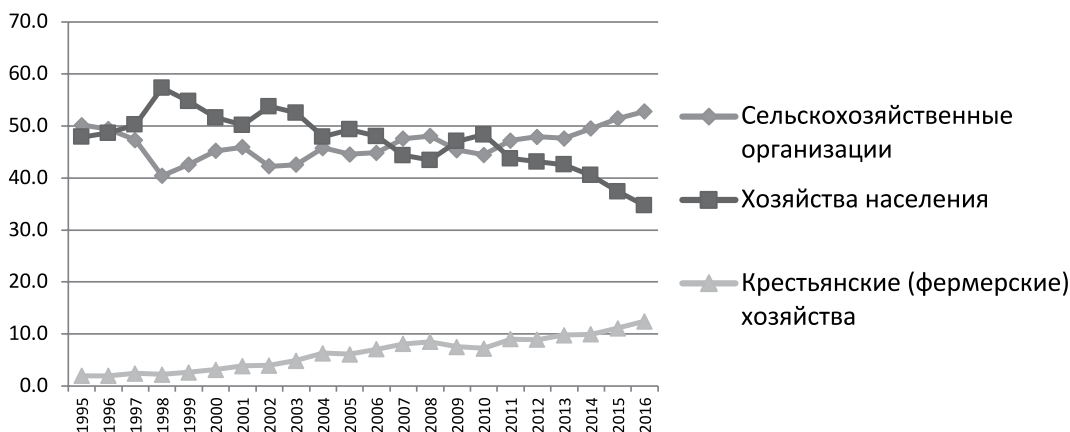

Рис. 1. Продукция сельского хозяйства по категориям хозяйств по Российской Федерации (в фактически действовавших ценах; в %)

Источник: данные Росстата

Тенденция превращения сельскохозяйственных организаций в основного производителя товарной продукции очевидна. В России давно наблюдается устойчивая тенденция

³ По результатам Всероссийской Сельскохозяйственной Переписи 2016, в России насчитывается 18 млн личных подсобных хозяйств (ЛПХ) из них 2,8 млн товарных ЛПХ. Материалы сайта «Федеральный Союз Сельскохозяйственных Потребительских Кооперативов» / — URL: <http://fssp.k.ru/2016/11/13/selskoxozyajstvennaya-kooperaciya-nuzhna-no-vopros-o-tom-kak-eyo-osushhestvit-filosofskij/> (Дата обращения 15.10.2017).

укрупнения сельхозпроизводителей посредством формирования крупных вертикально интегрированных **агрохолдингов** [24, с. 52; 31, с. 18]. Особенно это характерно для отраслей, в которых крупное производство позволяет получать наибольшую экономию от масштаба: мясное и молочное животноводство, производство зерновых культур, сахара, растительного масла, крахмала, комбикормов. Все последние годы агрохолдинги получали мощный импульс развития в виде средств господдержки, а позднее — политики импортозамещения. На этом фоне крупнейшие компании демонстрируют не только многомиллиардную выручку, но и быстрые темпы ее прироста (табл. 1), что позволяет им изыскивать ресурсы на модернизацию. Именно агрохолдинги проявляют наибольшую заинтересованность во внедрении передовых технологий [22, с. 5], и именно они обеспечили подъем ряда сельскохозяйственных отраслей, а также расширение аграрного экспорта. По данным Рейтинга крупнейших экспортеров по итогам 2016 года среди 200 компаний-лидеров по объему экспорта присутствуют шесть аграрных компаний: Группа компаний «Юг России», Группа «Каргилл», Компания «Русские масла», Группа компаний «Эфко», Холдинг «Солнечные продукты», Группа компаний «Русагро» [23, с. 82–88]. Основным направлением российского аграрного экспорта являются страны Азиатско-Тихоокеанского региона, где существует объемный спрос на пшеницу, сою, свинину и мясо птицы. Согласно экспертным оценкам, экспорт в АТР в ближайшие годы может быть увеличен до 30 млрд долларов [31, с. 22].

Таблица 1

Крупнейшие российские агрохолдинги по итогам 2016 года

	Компания	Специализация	Регион регистрации	Выручка за 2015 г. (млрд руб.)	Прирост выручки за 2015 г. (%)
1	Группа компаний «Содружество»	переработка семян масличных культур	Калининградская обл.	112,8	21,7
2	АПХ «Мираторг»	производство мясной продукции и зерновых культур	Москва	96,3	30,1
3	Группа компаний «Эфко»	животноводство, растениеводство, переработка	Воронежская область, Москва	81,6	33,0
4	Группа «Черкизово»	производство мясной продукции и комбикормов	Москва	77,0	12,2
5	Русагро	растениеводство; производство сахара и растительного масла; производство свинины	Москва	72,4	22,5
6	Каргилл	производство крахмала и крахмалопродуктов, комбикормов, сахаров и сахарных сиропов, торговля зерном и маслосеменами	Тулльская обл.; штат Миннесота, США	66,3	57,4
7	Группа компаний «Агро-Белогорье»	производство свинины, молочное животноводство, растениеводство, производство комбикормов.	Белгородская область	63,1	10,2

Источник: [37]

В целом на данном этапе агрохолдинги выступают в качестве позитивного итога институциональной трансформации, хотя, к сожалению, развитие корпоративного сегмента оказалось не сбалансированным с развитием сельскохозяйственной кооперации: в 2011–2016 гг. количество производственных кооперативов в стране сократилось на 32% и составило 8,3 тыс. единиц [26]. Несмотря на то, что дальнейшее усиление агрохолдингов на фоне медленного роста фермерского сегмента и стагнации сельскохозяйственной кооперации увеличивает риски несбалансированного развития, приходится признать, что именно агрохолдинги все последние годы являлись основным драйвером роста аграрного производства, а также основным актором, с помощью которого была реализована стратегическая цель российской аграрной политики — обеспечение продовольственной безопасности по основным видам продуктов питания. Также соглашаясь, что основными бенефициарами аграрной политики оказались именно агрохолдинги, в ущерб более мелким формам аграрного бизнеса [32], нельзя не признать, что ограниченность временных и материальных ресурсов вынуждала государство делать ставку на те хозяйственные структуры, которые могли обеспечить быстрое насыщение внутреннего рынка продовольствием отечественного производства.

Важным результатом трансформации институциональной структуры российского АПК является формирование **предпринимательских союзов**. В конце 2017 года на сайте Министерства сельского хозяйства РФ была представлена информация о 115 предпринимательских союзах (данные о некоторых из них приведены в таблице 2). В отраслевой структуре предпринимательских ассоциаций преобладают союзы сельхозпроизводителей и представителей пищепрома: на них приходится 37% и 19% всех ассоциаций. Порядка 7% ассоциаций приходится на рыбное хозяйство; 5% — на семеноводство, 5% — на сервисные услуги и логистику; по 3% — на торговлю, ветеринарию и фитосанитарию. Далеко не все предпринимательские ассоциации работают одинаково интенсивно, однако совершенно очевидно, что в российском АПК происходит консолидация предпринимательских сообществ, накапливается практика отстаивания групповых интересов крупного и мелкого бизнеса, а также формируются каналы, через которые государство может реализовывать адресную поддержку субъектам АПК.

Важным, хотя и противоречивым элементом институциональной трансформации российского АПК является развитие товаропроводящих сетей и, прежде всего, **продуктового ритейла**. В России продуктовый ритейл начал формироваться в середине 90-х гг. и к 2011 году достиг степени зрелости, т.е. стал демонстрировать замедление темпов роста [16]. В целом итоги развития данной сферы в России пока выглядят противоречиво. С одной стороны, российские сети развиваются достаточно агрессивно, что ведет к вымыванию с рынка малых торговых предприятий. Это, в свою очередь, грозит рынку снижением оборота и монополизацией его крупными федеральными и глобальными компаниями. Исследования показывают, что во многих регионах России приход на рынок федеральных и глобальных ритейлеров привел к исчезновению местных торговых сетей, что отрицательно сказалось на локальных производителях продовольственных и сопутствующих товаров [25, с. 16]. С другой стороны, с точки зрения охвата рынка российский ритейл пока отстает от развитых стран: его вклад в розничный товарооборот составляет около 30%.

Несмотря на то, что формально **агрострахование с господдержкой** в России присутствует, его масштабы недостаточны, а динамика скорее отрицательная, чем положительная. По оценке Национального союза агростраховщиков, объемы агрострахования

в России пока не превышают 2% от общей площади пахотных земель [18]. По мнению экспертов, изменение ситуации лежит в русле устранения институциональной ловушки, в которую попала вся российская страховая индустрия, а также корректировки законодательной базы агрострахования с господдержкой [28].

Таблица 2

Предпринимательские союзы в сфере российского АПК

Название	Год создания	Участники
Союз производителей молока «Союзмолоко»	2008	171 участник (78 производственных компаний, 69 перерабатывающих компаний, 24 сервисных компании)
Молочный союз России	2000	Более 100 участников
Национальный союз производителей плодов и овощей	2014	34 участника
Российский Зерновой Союз	1994	Порядка 400 участников (в том числе 10 региональных зерновых союзов, которые объединяют свыше 500 первичных сельхозпроизводителей – региональных лидеров в производстве зерна)
Национальная мясная ассоциация (НМА)	2003	30 участников
Национальный Союз свиноводов	2009	217 участников (158 действительных и 59 ассоциированных)
Союз сахаропроизводителей России (Союзроссахар)	1996	84 участника
Союз виноградарей и виноделов (СВВР)	2001	29 участников
Масложировой союз России (МЖСР)	1998	52 участника
Российская ассоциация производителей удобрений (РАПУ)	2008	9 участников
Ассоциация крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России (АККОР)	1990	68 региональных крестьянских союзов и ассоциаций, объединяющих более 600 фермерских организаций районного уровня, в которые входит более 93 тыс. фермерских хозяйств
Национальный союз агростраховщиков	2007	18 страховых организаций

Источник: [19]

Как уже отмечалось ранее, стратегическая цель российской аграрной политики последних 10–15 лет достигнута: продовольственная безопасность страны в основном обеспечена. Многие решения, реализуемые в рамках аграрной политики, были верными и дали свои результаты. Однако в целом для российской аграрной политики последних лет была характерна некоторая ситуационность, недостаточная комплексность, а также

чрезмерный упор на монетарные методы регулирования. Необходима новая агропромышленная политика, которая будет нацелена на достижение реальной комплексности российского АПК, обеспечение его конкурентоспособности не только на внутреннем, но и на внешнем рынке и не только в части экспорта продукции экстенсивного земледелия с невысокой добавленной стоимостью, но животноводческой продукции, продукции с высокой степенью переработки, а также реальное импортозамещение в высокотехнологичных ресурсных отраслях АПК — в сельскохозяйственном машиностроении и производстве генетического материала. Первые шаги в этом направлении российское правительство уже сделало, утвердив Стратегию развития сельскохозяйственного машиностроения России на период до 2030 года.

Выстраивание новой агропромышленной политики предполагает, что в ее рамках будут предприняты определенные усилия по дальнейшему совершенствованию институциональной структуры российского АПК с учетом российской специфики, а также лучших мировых практик. В этом смысле представляется неизбежной корректировка институционального ландшафта комплекса посредством: преодоления кризиса в кооперативном секторе; совершенствования контрактных отношений, что необходимо для формирования устойчивых вертикальных и горизонтальных интеграционных связей внутри и между секторами АПК; дальнейшего развития института страхования, включая его важнейший элемент — агрострахование с господдержкой; развития логистики, в том числе экспортной логистики; развития собственной семеноводческой базы для снижения зависимости от импорта генетического материала; поддержки экспортной деятельности российских агрохолдингов в целях преодоления ограниченности внутреннего потребительского рынка, стимулирования внутреннего спроса на продукцию ресурсных отраслей; совершенствования земельных отношений в части развития аренды земли в целях формирования эффективных земельных собственников [13, с. 36] и развития земельной ипотеки [7, с. 47], представляющей собой один из важнейших инструментов привлечения инвестиций в аграрный сектор экономики.

Библиографический список

1. Агрострахование: глобальные тенденции и этапы развития в России. Материалы конференции XIII Международная конференция по страхованию Всероссийского союза страховщиков. Москва, 27 мая 2015 г. Презентация доклада Президента Национального союза агростраховщиков К.Д. Биждова. URL: <http://www.insuranceconference.ru/2015/files/presentations/Bizhdov.pdf> (Дата обращения: 15 апреля 2018).
2. Барсукова С.Ю. Приоритетный национальный проект «Развитие АПК»: идея и реализация. — 22 с. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/62649125>. (Дата обращения: 01.10.2017).
3. Евдокимова Н.Е. Закупочные интервенции на зерновом рынке. URL: <http://www.viapi.ru/download/2015/30605.pdf> (Дата обращения: 01.10.2017).
4. Иванова Л.Н. Терская Г.А. Точки и драйверы роста: к вопросу о содержании понятий // *Journal of Institutional Studies*. — 2015. — Т. 7. — № 2. — С 120–133.
5. Иншаков О.В. Институты и институции в современной экономической теории // *Вестник ВолГУ* — 2007. Серия 3. Вып. 11. — С. 6–19.
6. Иншаков О.В. Институты и институт: проблемы категориальной дифференциации и интеграции // *Экономическая наука современной России*, 2010. — № 3 (50) . — С. 26–38.

7. Казьмин М.А. Развитие земельной ипотеки в регионах России // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). – 2013. – № 41. – С. 47–56.
8. Калинов С.И. Современные тенденции развития сетевого ритейла в России и зарубежом // Всероссийский журнал научных публикаций. – 2012. – № 2 (12). – С. 24–28.
9. Лабыкин А. Зерно больше девать некуда // Эксперт. 2017, № 36. – С. 24–27.
10. Леонов С.Н., Семкина О.В. Эффективная организация взаимодействия бизнес-сообществ и органов власти // Вестник Университета. – 2015. – № 12. – С. 270–275.
11. Лидирующие производители новой сельхозтехники. Сайт «Перевозка 24». URL: <http://perevozka24.ru/pages/lidiruyuschie-proizvoditeli-novoy-selhoztehniki> (Дата обращения: 10 апреля 2018).
12. Мировой рынок семян. URL: <http://method-estate.com/archives/1436> (Дата обращения: 11 апреля 2018).
13. Назаренко В.И. Зарубежный опыт функционирования земельного рынка // Имущественные отношения в РФ. – 2003. – № 9. – С. 35–44.
14. Назаренко В.И. Теоретические основы аграрной политики на Западе и Россия. – М.: Инт Европы РАН, 2009. – 389 с.
15. Назарова А.А. Совершенствование сельскохозяйственного страхования с государственной поддержкой в России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Москва, 2015. – 26 с.
16. Никитина С.К. Российские розничные торговые сети: к истории становления и развития. URL: https://revolution.allbest.ru/marketing/00322589_0.html (Дата обращения: 10.10.2017).
17. Овчаренко М. Агрохимия и плодородие // The Chemical Journal. – 2014. – № 11. – С. 22–23.
18. Основная проблема российского агрострахования – нестабильная система субсидирования. НСА (Национальный союз агростраховщиков). Портал «Страхование сегодня». URL: <http://www.insur-info.ru/pressr/67039/> (Дата обращения: 22 мая 2018).
19. Отраслевые союзы. Сайт Министерства сельского хозяйства РФ. URL: <http://mcx.ru/> (Дата обращения 13.10.2017).
20. Петерс И.А. Формирование и развитие контрактных отношений в российском агропромышленном комплексе: автореферат диссертации на соискание степени кандидата экономических наук – Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2011. – 28 с.
21. Проблемы эффективности в XXI веке: экономика США / М.: Наука, 2006. – 389 с.
22. Прогноз научно-технологического развития АПК Российской Федерации 2030 года: основные положения. – 2015. – 38 с. URL: <http://www.dairyunion.ru/rassmotren-prognoz-razvitiya-ark-rf-na-period-do-2030-goda/> (Дата обращения 25.09.2017).
23. Рейтинг крупнейших экспортеров России. Специальный доклад // Эксперт. 2017. № 39. – С. 72–93.
24. Родионова И.А. Тенденции и особенности развития крупного агробизнеса // Региональная экономика: теория и практика. – 2011. – № 47 (230). – С. 51–54.
25. Розничные торговые сети по продаже продуктов питания и сопутствующих товаров (FMCG) в России 2015. РБК research. – С. 65. URL: http://alfabank.rbc.ru/media/research/file/FMCG_%D1%81%D0%BF%D0%B5%D1%86%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%8F.pdf (Дата обращения 10.10.2017).
26. Сельскохозяйственная кооперация нужна, но вопрос о том, как ее осуществить, – философский. Материалы сайта «Федеральный Союз Сельскохозяйственных Потребительских Кооперативов». URL: <http://fssp.ru/2016/11/13/selskoxozyajstvennaya-kooperaciya-nuzhna-no-vopros-o-tom-kak-eyo-osushhestvit-filosofskij/> (Дата обращения 15.10.2017).

27. Системе агрострахования необходимы перемены и развитие // Сельскохозяйственные вести, 05.02.2018. URL: <https://agri-news.ru/novosti/sisteme-agrostraxovaniya-neobhodimyiremenyi-i-razvitie.html> (Дата обращения: 17 апреля 2018).
28. Сорокин И. Чем плоха существующая система агрострахования с господдержкой // Агроинвестор. – 2016. – № 3. URL: <http://www.agroinvestor.ru/markets/article/23095/>. (Дата обращения: 10.05.2018).
29. Тетерюк А.С. Роль деловых ассоциаций в GR-Менеджменте в России // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2016. – № 10. – С. 125–130.
30. Топ-10 производителей ГМО продуктов (семенные компании). Сайт «ГМО Обзор». URL: <http://gmoobzor.com/stati/top-10-proizvoditelej-gmo-produktov-semennye-kompanii.html#ixzz5FVmCBsZh> (Дата обращения: 15 апреля 2018).
31. Третьяков А.П. Аграрные компании России: тенденции развития // Агропродовольственная политика России. – 2016. – № 8. – С. 18–23.
32. Фермеры против агрохолдингов: кто на самом деле кормит страну. Материалы информационно-аналитического сетевого издания «ПРОВЭД». URL: <http://xn--b1ae2adf4f.xn--p1ai/economics/agriculture/38066-fepmery-ppotiv-agpoholdingov-kto-na-samom-dele-kopmitstranu.html>. (Дата обращения: 17.10.2017).
33. Фетисова О.В. Роль сетевых компаний в развитии регионального потребительского рынка [Текст]: монография / О. В. Фетисова, В. В. Курченков, Е. С. Матина; Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. проф. образования «Волгогр. гос. ун-т». – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. – 160 с.
34. Фролов Д.П., Лаврентьева А.В. Эволюция институциональной структуры АПК России: 150-летняя траектория «ловушек» // Journal of Economic Regulation («Вопросы регулирования экономики»). – 2015. – Том 6. – № 4. – С. 80–93.
35. Характеристика мирового производства минеральных удобрений. Аналитический портал химической промышленности. URL: http://www.newchemistry.ru/letter.php?n_id=2247 (Дата обращения: 15 апреля 2018).
36. Яковлева А. Мировой рынок минеральных удобрений // Агроснабфорум. – 2017. – № 3. – С. 54–57.
37. 7 крупнейших агрохолдингов России по итогам 2016 года. Бизнес-Портал «Фабрика манимейкеров». URL: <http://moneymakerfactory.ru/spravochnik/top-7-liderov-apk/> (Дата обращения 19.08.2017).

Постсоветский регион

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА В СТРАНАХ ЕАЭС

Захарова Е.В.,

*кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики
Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова*

Аннотация. В статье предлагается сопоставительная характеристика налоговых систем государств ЕАЭС, дается обоснование необходимости скорейшей гармонизации их налоговой политики для повышения конкурентоспособности объединения на мировом рынке. По мнению автора, реализация гармонизированных принципов налогового регулирования в странах — членах интеграционной «пятерки» призвана стать одной из конструкций, стягивающих единое экономическое пространство союза.

Ключевые слова: налоговая политика ЕАЭС, евразийская интеграция, налог на добавленную стоимость, таможенные платежи, гармонизация налоговых систем, воспроизводство экономического потенциала.

TAX POLICY IN THE EEU STATES

Zakharova E. V.,

*PhD (Economics), Associate Professor of the Department of World Economy
of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov*

Abstract. This article provides a comparative description of the tax systems of the EEU States, substantiates the need for the rapid harmonization of their tax policy to improve the competitiveness of the union in the world market. In other words, the balanced, as close as possible to each other, principles of tax regulation on the integration “five” should become one of the structures that pull together the common economic space of the union.

Keywords: fiscal policy of the EEU, Eurasian integration, value added tax, customs payments, harmonization of tax systems, reproduction of economic potential.

Развернувшаяся в экспертных кругах дискуссия в отношении целесообразности повышения ставки НДС с 18 до 20 процентных пунктов в России в контексте заявленных масштабных и амбициозных задач экономического рывка в ближайшем президентском цикле подчеркивает неоднозначность экономического эффекта от подобной новации в случае, если она будет реализована в правительственном варианте. Высокие риски поспешности принимаемого решения, а также закладываемой в него аргументации могут негативно сказаться на экономическом воспроизводстве как внутри России (в положении угнетенных могут оказаться как раз те отрасли, которые согласно майскому указу главы государства условлено развивать опережающими темпами), так и на пространстве формируемого ЕАЭС. Неоднородность экономического развития государств последнего, разность их потенциалов, отсутствие гармонизации регулятивных норм, в том числе в области налогово-бюджетной политики, создают существенные преграды полноценному (без изъятий и ограничений) функционированию единого рынка товаров и услуг, тормозят формирование единообразной экономической среды на пространстве ЕАЭС, усложняют условия деятельности субъектов предпринимательства.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) — международная организация региональной экономической интеграции¹, созданная в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. [1].

В состав ЕАЭС входят Киргизская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация. Также на Астанинском экономическом форуме между Ираном и Евразийским экономическим союзом было подписано временное соглашение о создании зоны свободной торговли, что впоследствии может привести к изменению в составе ЕАЭС.

ЕАЭС призван обеспечить свободу движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в различных отраслях экономики.

Основными целями ЕАЭС являются:

- создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения;
- стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках ЕАЭС;
- всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики [1].

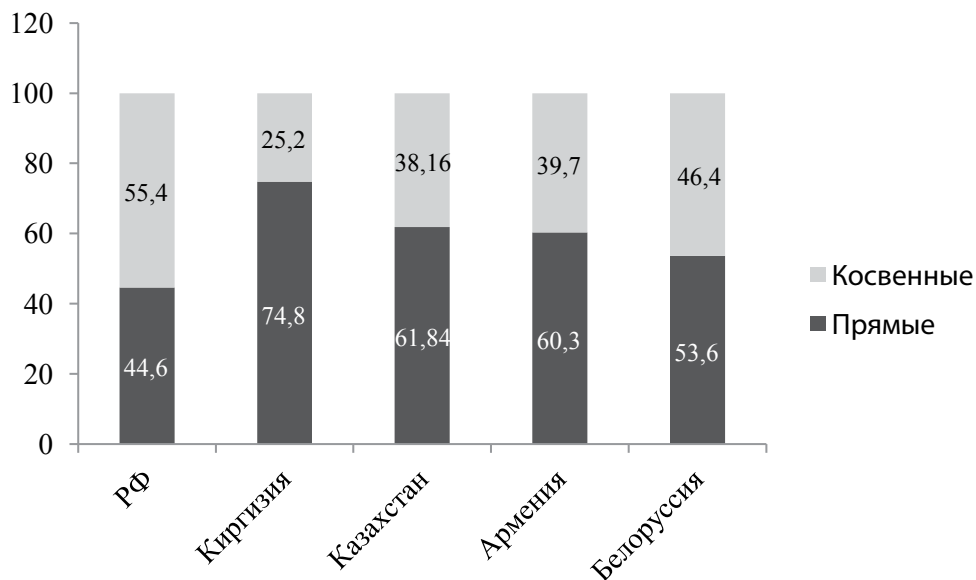
На сегодняшний день актуальной становится проблема стандартизации подходов к налогообложению в целом и к подоходному налогообложению граждан в частности.

Целью налоговой политики Евразийского экономического союза является формирование единого налогового пространства, а приоритетными вопросами выступают сближение норм налогового законодательства и совершенствование механизмов налогового администрирования. Сейчас отношения между странами ЕАЭС по вопросам налогообложения регулируются «Договором о Евразийском экономическом союзе» [1].

В странах ЕАЭС налоговая политика различается. Так, например, рассмотрим соотношение прямых и косвенных налогов и увидим, что соотношение значительно различается (рис. 1).

В течение рассматриваемого периода только в России преобладали косвенные налоги, и в 2017 году их доля в налоговых поступлениях составила 44,6% (показатель уменьшился с 74,1% до 44,6% с 2014 года). Большая часть косвенных налогов приходится на НДС и акцизы. Наибольший процент прямых налогов пришелся на Киргизию и составил 74,8%, что связано с высоким уровнем поступлений от налогов, сборов и регулярных платежей за пользование природными ресурсами, обязательных страховых взносов и налога на прибыль организаций. Иная ситуация наблюдается в Белоруссии, Армении и Казахстане, где доля прямых налогов в совокупных налоговых поступлениях в 2017 году приблизительно одинакова и составила соответственно 53,6%, 60,3% и 61,84%. Следовательно, структура налоговых поступлений в странах ЕАЭС значительно различается, что является результатом не только проводимой социально-экономической политики, но и структуры экономики стран ЕАЭС [4].

¹ От редакции. Концептуальному обоснованию евразийской интеграции и ступеням реализации соответствующей концепции в проектах «ЕврАзЭС», «ТС — ЕЭП» и «ЕАЭС» посвящен длительный цикл материалов «Российского экономического журнала». Они перечисляются и комментируются, в частности, в следующих относительно недавних публикациях нашего издания: [3, 5, 6].

Источник: [7].

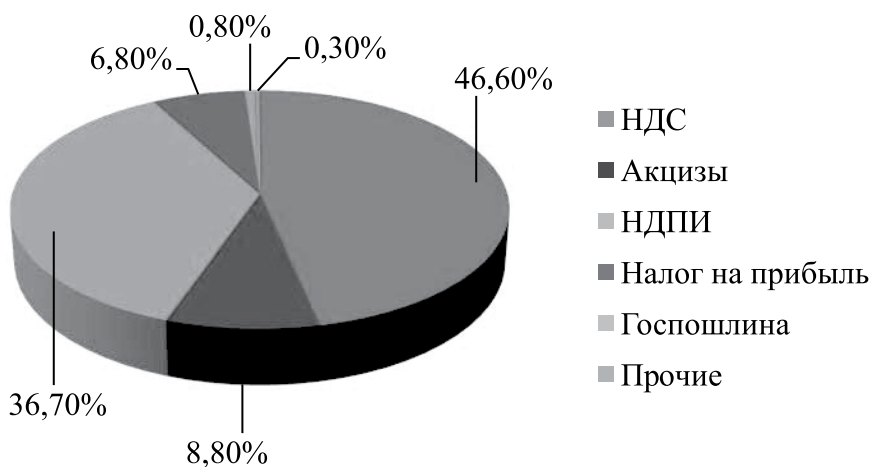
Рис. 1. Доли поступлений от прямых и косвенных налогов в доходах бюджетных систем стран ЕАЭС, 2017 год (%)

Значительную роль в формировании экономик Армении и Киргизии играют сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство и рыболовство. В Белоруссии основная часть ВВП формируется за счет обрабатывающей промышленности. В России и Казахстане основная часть ВВП образуется за счет оптовой и розничной торговли, ремонта автомобилей, бытовых изделий и предметов личного пользования. Еще одной важной составляющей экономик Казахстана и России является горнодобывающая промышленность, в то время как в остальных странах ее доля незначительна. Таким образом, структура экономик стран ЕАЭС существенно различается, что оказывает непосредственное влияние на структуру налоговых поступлений в странах ЕАЭС, в том числе на соотношение поступлений от прямых и косвенных налогов.

Рассмотрим подробнее структуру налоговых доходов для каждой страны ЕАЭС.

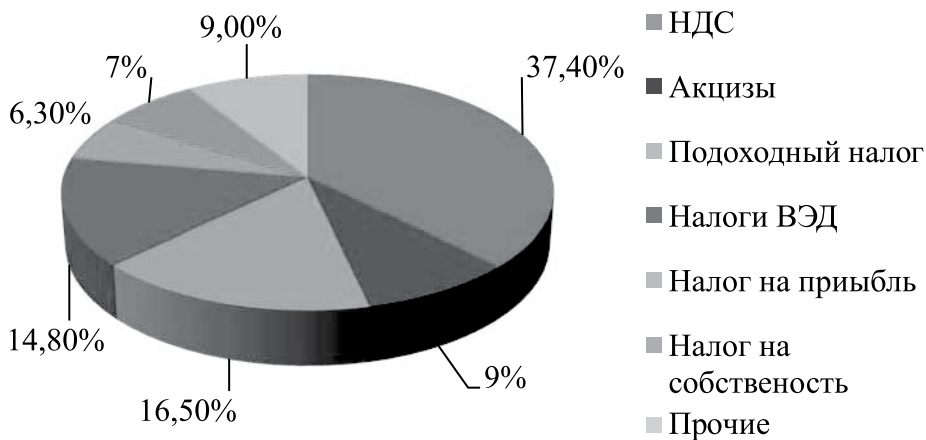
Наибольший удельный вес в составе налоговых доходов в России занимают налог на добавленную стоимость — 46,6% (в том числе на товары, реализуемые на территории Российской Федерации — 29,5%, на ввозимые товары — 17,1%) и налог на добычу полезных ископаемых — 36,7%. Доля акцизов составила 8,8%, налога на прибыль — 6,8%, государственной пошлины — 0,8%, прочих налогов — 0,3% (рис. 2).

Основную часть налоговых поступлений бюджета Казахстана составляют налог на добавленную стоимость и корпоративный подоходный налог (рис. 3). Налог на добавленную стоимость (НДС) составляет 36,15% от всех налоговых поступлений бюджета. Корпоративный подоходный налог (КПН) составляет 32,66%. Следующими по объему налоговых поступлений являются таможенные платежи, которые в 2017 г. составили 22,91%. Поступления за использование природных и других ресурсов в долевом соотношении составляют ежегодно около 5% и являются четвертыми по объему среди всех налоговых

Источники: [7].

Рис. 2. Структура налоговых доходов в России, 2017 год (%)

Источники: [7].

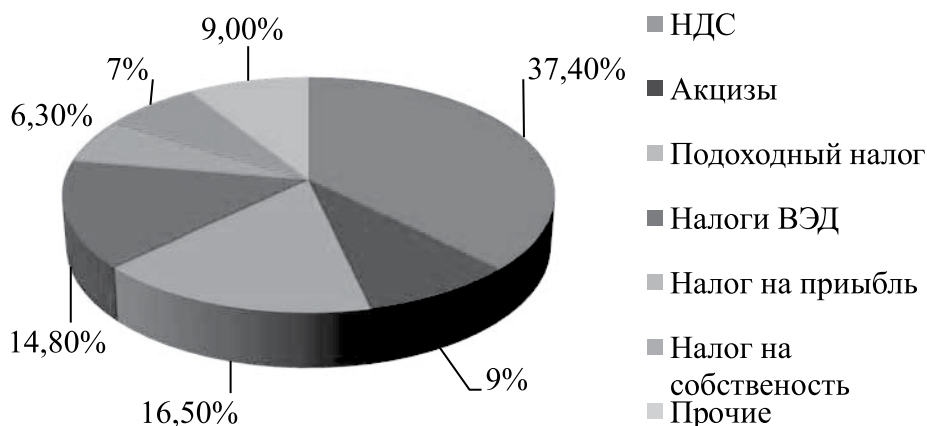
Рис. 3. Структура налоговых доходов в Казахстане, 2017 год (%)

поступлений бюджета в 2017 г. Акцизы в доходах бюджета Казахстана составляют сравнительно небольшую часть — от 1% до 2% от всей суммы налоговых поступлений. Следует отметить, что в бюджет поступают акцизы на товары, импортируемые на территорию Казахстана; на сырую нефть и газовый конденсат, а остальные виды акцизов на товары произведенные на территории РК (на табачные изделия, алкоголь, бензин и т. д.) — поступают в местный бюджет. Остальные налоговые поступления бюджета (налог на игровой бизнес, сборы за ведение предпринимательской и профессиональной деятельности, государственная пошлина, прочие налоги на международную торговлю и операции) составляют около 2% от всех налоговых поступлений. Социальный налог, индивидуальный подоходный налог, налог на имущество, земельный налог, налог на транспортные средства и др. поступают в местный бюджет.

В Белоруссии формирование налоговых доходов в 2017 году на 91% обеспечено за счет поступлений налога на добавленную стоимость (37,4%), подоходного налога (16,5%), налоговых доходов от внешнеэкономической деятельности (14,8%), налога на прибыль (6,3%), акцизов (9%), налогов на собственность (7%) (рис. 4).

В структуре консолидированного бюджета 53,2% составляют доходы республиканского бюджета и 46,8% — собственные доходы местных бюджетов. Распределение доходов между уровнями бюджетной системы по основным доходным источникам осуществляется следующим образом:

- налог на добавленную стоимость и экологический налог по установленным нормативам распределяются между республиканским и местными бюджетами;
- налог на прибыль: — уплачиваемый организациями, имущество которых находится в собственности Республики Беларусь, и организациями, в уставных фондах которых 50 и более про-

Источник: [7].

Рис. 4. Структура налоговых доходов в Белоруссии, 2017 год (%)

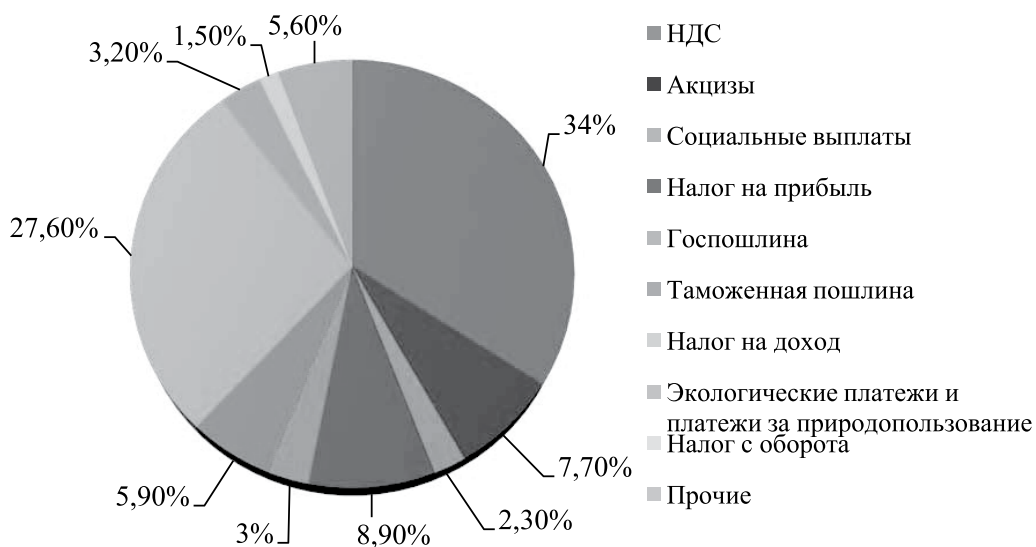
- центов акций (долей) принадлежит Республике Беларусь, а также организациями, являющимися участниками холдингов, зачисляется в республиканский бюджет;
- — уплачиваемый другими организациями, зачисляется в доходы местных бюджетов;
- акцизы и налоговые доходы от внешнеэкономической деятельности зачисляются в республиканский бюджет;
- подоходный налог и налоги на собственность зачисляются в местные бюджеты.

Основную часть налоговых поступлений в бюджет Армении в 2017 году составляет НДС — 34% (рис. 5). 27,6% составляет налог на доход. Акцизы образуют 7,7% бюджета. Налог на прибыль — 8,9%; таможенная пошлина — 5,9%; экологические платежи и платежи за природопользование, налог с оборота, государственная пошлина составляют 3,2%, 1,5%, 3% соответственно. Социальные выплаты составляют в 2017 году 2,3%. И прочие налоговые поступления в бюджет составили 5,6%.

Наибольшую часть в налоговых доходах бюджета Киргизии составляют таможенная пошлина (33,48%) и НДС (19,46%) (рис. 6). 13,94% составляют налоги на международную торговлю. Подоходный налог в 2017 году занял 8,06%, акцизы — 5,68%, налог на прибыль — 6,65%, налог с продаж — 3,8%, земельный налог — 1,27%. Прочие налоговые поступления составили 3,8%.

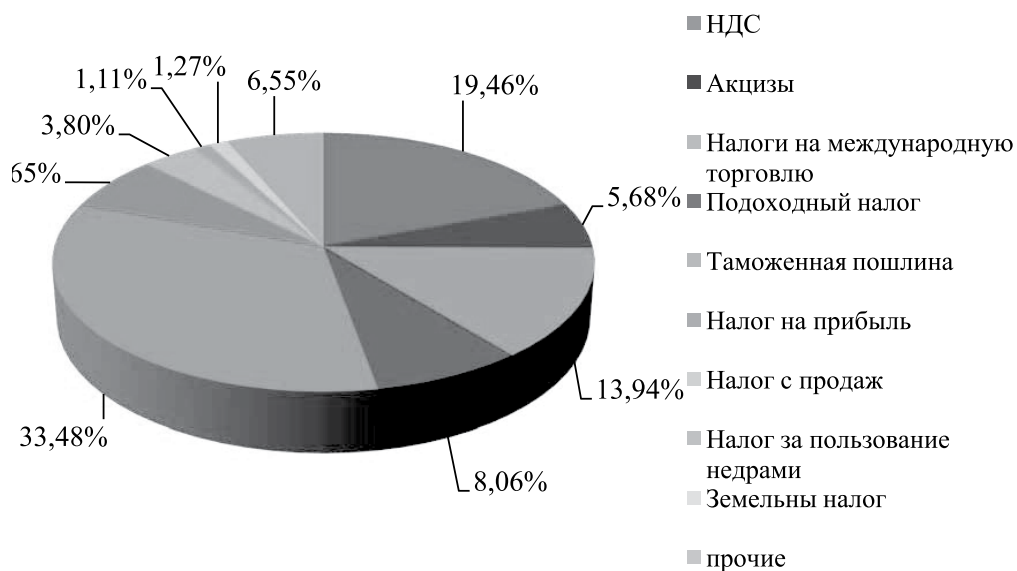
Рассмотрим также долю налоговых доходов в совокупных доходах бюджета стран Евразийского экономического союза (рис. 7).

Если рассматривать совокупные доходы бюджетов стран, то доля налоговых доходов у всех стран выше 50%. Наименьшая доля — у Казахстана (50,2%), наибольшая — у Армении (93,7%). Все показатели существенно большие, но они различаются именно структурой и видами налогов и сборов в разных странах ЕАЭС. Также, если мы рассмотрим

Источник: [7].

Рис. 5. Структура налоговых доходов в Армении, 2017 год (%)

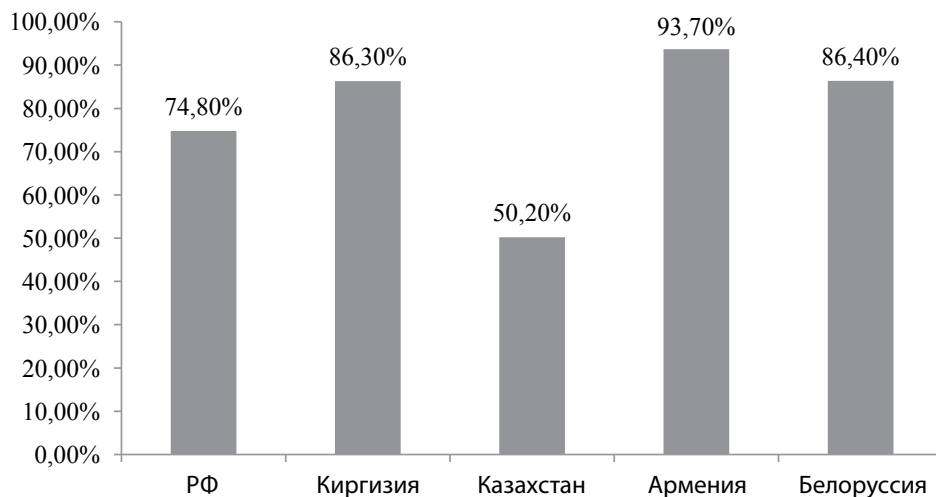
Источник: [7].

Рис. 6. Структура налоговых доходов в Киргизии, 2017 год (%)

налог на добавленную стоимость, то у каждой страны-участницы он различается. Так, например, общая ставка НДС у России — 18% (минимальная 10%), у Казахстана — 12%, в Белоруссии — 20%, в Армении — 20% и в Киргизии — 12%.

Можно утверждать, что основные элементы и принципы налогообложения едины, хотя наблюдаются некоторые различия в подходах к определению величины налогооблагаемого дохода и его составляющих, к установлению налогового периода, сроков уплаты налогов. Во всех странах ведутся теоретические поиски научного обоснования налоговой политики и практические изыскания в отношении эффективной и справедливой модели налогообложения. Налоговые механизмы постоянно трансформируются и изменяются в поисках совершенной формы регулирования общественных взаимоотношений. Перед странами ЕАЭС встает задача по дальнейшей гармонизации налогового законодательства, устранению диспропорций и созданию равных экономических условий в сфере налогообложения доходов физических лиц [4].

Дальнейшее развитие интеграционных процессов ЕАЭС и соответствующая гармонизация налоговой политики необходимы для повышения конкурентоспособности стран-участниц на мировом рынке. Для достижения общих целей страны должны выполнить ряд действий. Такие, как: сформулировать основные принципы гармонизации налогообложения физических и юридических лиц на территории стран-членов ЕАЭС, повысить уровень обмена информацией и сотрудничества между налоговыми органами стран ЕАЭС в области как косвенного, так и прямого налогообложения, установить единую терминологию по основным видам налогов; установить основные положения и принципы,

Источник: [7].

Рис. 7. Доля налоговых доходов в совокупных доходах бюджетов стран ЕАЭС, 2017 год (%)

касающиеся всех налогов, не двусторонними соглашениями и конвенциями, а международными договорами ЕАЭС.

Однако при гармонизации налоговых систем необходимо учитывать также значительные различия в экономической структуре стран ЕАЭС. Эти различия во многом определяются уровнем социально-экономического развития, географического положения стран и имеющихся у них ресурсов. Тем не менее, интеграционные процессы в ЕАЭС, в том числе и в налоговой сфере, будут способствовать росту благосостояния населения и повышению общего уровня конкурентоспособности каждой из стран на мировом рынке.

В связи с доминирующей ролью экономики России в производстве ВВП и во внешней торговле ЕАЭС, гармонизация налоговых систем государств объединения позволила бы выровнять условия ведения бизнеса, создать базовую предпосылку для синхронного экономического развития. Однако сделать это возможно только при условии компенсации бюджетных доходов, выпадающих при таком снижении ставок социальных взносов и НДС, путем радикального повышения собираемости налогов и расширения потенциальной налоговой базы. Сейчас она значительно сужена вследствие наличия огромного теневого сектора, включающего внутренние и внешнеэкономические незаконные операции. Для этого необходимо провести унификацию в странах союза перечня документов и сроков возмещения НДС, определения налоговой базы для его уплаты.

Необходимо обеспечить согласованность систем налогового, таможенного, валютного, банковского и финансового регулирования и контроля. Например, в России после либерализации валютных операций движения капитала система органов валютного регулирования и валютного контроля работает во многом формально.

Целесообразно также проведение ревизии всех соглашений в целях избежания двойного налогообложения, в том числе, с офшорными юрисдикциями, чтобы они не были

использованы для уменьшения налоговых обязательств резидентов ЕАЭС. Это позволит выровнять условия конкуренции в государствах-членах союза в налоговой сфере.

Библиографический список

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан 29.05.2014; ред. от 08.05.2015, с изм. и доп., вступил в силу с 12.08.2017.) – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/.
2. Едрнова В.Н. Подходное налогообложение в странах Евразийского экономического союза: идентичность и различия // Финансы и кредит. 2016. – Т. 22. – Вып. 19. – С. 26–40.
3. Иванова К.С. О перспективах и проблемах валютно-финансовой интеграции стран ЕАЭС // Российский экономический журнал. – 2017. – № 3. – С. 81–90.
4. Петросян Е.Г. Пути гармонизации систем налогообложения в странах Евразийского экономического союза // Экономическая политика. – 2016. – Т. 11. – № 6. – С. 222–241.
5. Ткачук С.П. От ТС-ЕЭП к собственно ЕАЭС: по поводу согласования промышленной политики стран-участниц (концептуальные соображения) // Российский экономический журнал. – 2015. – № 6. – С. 35–44; 2016. – № 1. – С. 54–65.
6. Ткачук С.П. Конвергенция по-казахстански (о книге С.А. Усенова «Идеи Нурсултана Назарбаева – идеология независимого Казахстана») // Российский экономический журнал. – 2016. – № 6. – С. 44–56.
7. Статистические публикации Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Pages/default.aspx.
8. URL: <http://armstat.am/ru/>.
9. URL: <http://www.belstat.gov.by/>.
10. URL: <http://www.gks.ru/>.
11. URL: <http://www.stat.gov.kz/>.
12. URL: <http://www.stat.kg/>.

Опыт Китая

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КНР: КОЛОССАЛЬНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Ше С.Г.,

кандидат экономических наук, специалист по оптико-автоматизированному контролю качества в электронике «Hankook I.S.» Co. Ltd. (г. Ансан, Республика Корея)

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена недостаточным количеством работ в России на предмет исследования развития предпринимательства в Китайской Народной Республике. Результаты анализа затрагивают экономические, социальные и экологические стороны промышленной политики КНР.
Ключевые слова: КНР, предпринимательская деятельность, сельское хозяйство, электроника.

BUSINESS ACTIVITY IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA: ENORMOUS ACHIEVEMENTS AND CONTRADICTIONS

She Son Gun,

PhD in Economics, Expert in automated optical inspection in electronics, «Hankook I.S.» Co. Ltd. (City of Ansan, Republic of Korea)

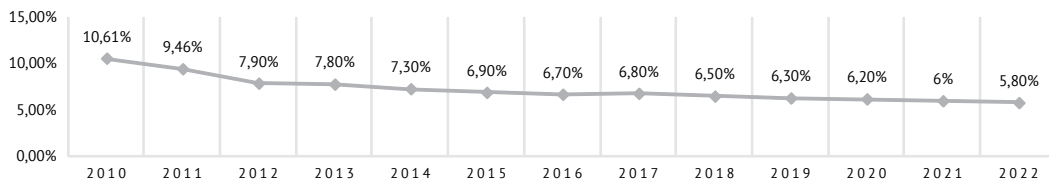
Abstract. The relevance of the article is due to the insufficient number of works in Russia to study the development of entrepreneurship in the People's Republic of China. The results of the study affect the economic, social and environmental aspects of China's industrial policy.

Keywords: China, entrepreneurial activity, agriculture, electronics.

Анализ основных показателей народного хозяйства Китая

Китайская Народная Республика (КНР) имеет самое многочисленное население в мире (около 1,384 млрд чел. в 2017 г.) [6]. Но в результате принятой правительством КНР в 1979 г. политики «Одна семья — один ребенок» темпы роста населения страны значительно снизились, доля занятого населения страны сократилась на 2,8%, с 69,9% в 2006 до 67,1% в 2017 г. [5]. Такой подход к регулированию социальных процессов, по мнению многих ученых, должен был привести к росту валового внутреннего продукта. Так, с момента введения в экономике рыночных принципов управления, доля Китая в мировом ВВП постоянно увеличивается. Однако в то время, как большинство развитых стран связывают свои экономики с развитием инноваций, экстенсивный упор на развитие промышленного сектора в КНР является чересчур жестким. В статье исследованы последствия «парадигмы экстенсивного ресурсоемкого развития» [2, с. 78].

Поднебесная — крупнейший мировой экспортер, в 2016 г. она заняла первое место в мире среди стран-экспортеров с показателем в 2,098 трлн долл., после нее идут США (1,454 трлн долл.), Германия (1,339 трлн долл.) и Япония (644,93 млрд долл.) [27]. Тем не менее она намерена снизить экспортную зависимость и сосредоточиться на производстве промышленных товаров для внутреннего потребления, поскольку значитель-

* Прогноз МВФ

Рис. 1. Китай: темпы роста реального валового внутреннего продукта (ВВП) за 2010–2022 гг. (показатели за 2018–2022 гг. – прогноз МВФ)

Источник: [13].

ный прирост промышленной валовой продукции ингибирует¹ внедрение инноваций, прямо связан с загрязнением природной окружающей среды и усилением социально-экономических противоречий.

В статье предпринята попытка раскрыть приведенный тезис на основе обработки статистических данных порталов Statista.com, knoema.ru; результатов исследований китайских государственных статистических органов, японского научно-исследовательского института «Yano», научных работ южнокорейского научно-исследовательского центра «I.S. Innovation» Co. Ltd и др. Анализируются системные показатели в сельском хозяйстве и электронике КНР. Автором статьи приводятся социально-экономические особенности развития сельскохозяйственных общин. Исследована организация предпринимательских структур в производстве печатных плат и полупроводников. В работе использован статистический метод обработки экономической информации и метод социологического интервьюирования, которое проходило в Китае и на предприятиях электронной промышленности в Южной Корее.

В 2017 г. Китайская Народная Республика входила в тройку лидеров мировых стран по наибольшему валовому внутреннему продукту, уступая лишь США (см. табл. 1). При этом структура распределения рабочей силы демонстрирует постепенный переход от промышленной экономики к экономике, основанной на сфере услуг. В 2016 г. 27,7% рабочей силы было занято в сельском хозяйстве (в 2014 г. в АПК КНР было занято 34,8% рабочей силы); 28,8% — в промышленности (29,5% в 2014 г. соответственно); 43,5% — в сфере услуг (35,7% в 2014 г.) [17]. Однако народное хозяйство Поднебесной все еще зависит от экспорта промышленной продукции. Так, торговый баланс Китая в течение последнего десятилетия демонстрирует значительный рост положительного сальдо с 177,52 млрд долл. в 2006 г. до 509,71 млрд долл. в 2016 г. [15].

Таблица 1

ВВП в странах с наибольшим размером валового внутреннего продукта в 2017 г., млрд долл.

США	КНР	Япония	Германия	Франция	Великобритания	Индия	Бразилия
19362,13	11937,56	4884,49	3651,87	2574,87	2565,05	2439,01	2080,92

Источник: [24].

¹ Ингибирование (от лат. *inhibeo* — удерживаю), процесс торможения (подавления) жизненных процессов организма внешними факторами (физического, химического или психического характера) (Источник: Википедия).

Из представленных на рис. 1 данных следует, что изменения в реальном валовом внутреннем продукте Китая за 2010–2017 гг. показывают значительное замедление прироста с 10,61% до 6,8%, при этом показатели за 2018–2022 гг. отражают пессимистический прогноз МВФ [13].

Достижения и основные проблемы сельского хозяйства КНР

Китайская Народная Республика является одним из крупнейших производителей сельскохозяйственной продукции в мире. Она, например, — ведущая страна по выпуску коровьего молока, в 2016 г. КНР заняла четвертое место (36,02 млн тонн) после стран Евросоюза (151 млн тонн), США (96,34 млн тонн) и Индии (68 млн тонн) [21]. КНР являлась лидером по производству яиц в 2014 г. — 452,17 млрд яиц и выращиванию кур — 4,540 млрд цыплят; в США, соответственно, — 100,88 млрд яиц [20] и 1,983 млрд цыплят [22]. В 2017 г. в КНР насчитывалось самое большое поголовье свиней — 435,04 млн голов; в странах Европейского союза — 147,24 млн голов; в США — 68,92 млн голов [23]. КНР заняла в 2016–2017 гг. первое место по производству шлифованного риса — 144,95 млн тонн; второе место — Индия (110,15 млн тонн); третье — Индонезия (36,86 млн тонн риса) [19].

Между тем Поднебесная испытывает острый дефицит пахотных земель. Для решения данной проблемы сельское хозяйство перешло на промышленную форму организации сельскохозяйственного производства путем применения синтетических и минеральных удобрений. Это ускорило индустриализацию и привело к увеличению выбросов парниковых газов в стране [14]. По выбросу диоксида углерода (CO₂) КНР заняла первое место в мире (28,21%) в 2016 году [26]. Статистические данные, приведенные на рис. 2, отражают вклад крупнейших мировых промышленных производителей в глобальную эмиссию CO₂.

Несмотря на все колоссальные достижения в народном хозяйстве КНР, стоит обратить внимание на противоречивые социально-экономические процессы, происходящие в Поднебесной. Прежде всего следует отметить то, что при достаточно эффективном государственном регулировании экономики по уровню ВВП на душу населения Китай все еще очень сильно отстает от развитых капиталистических стран (табл. 2).

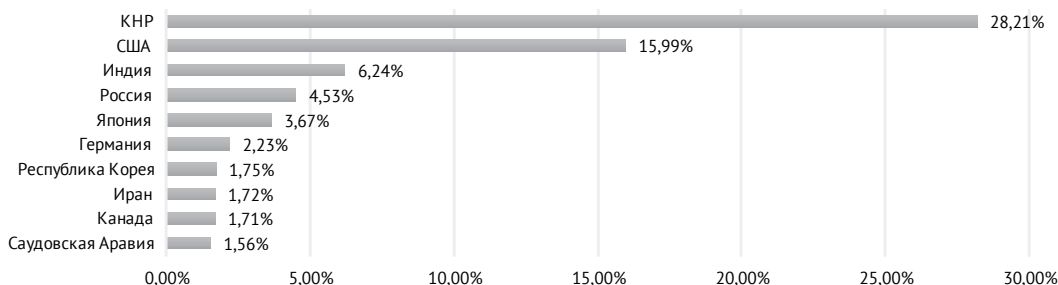

Рис 2. Крупнейшие производители выбросов CO₂ в мире в 2016 г., исходя из глобальной структуры загрязнения атмосферы

Источник: [26].

Таблица 2

ВВП на душу населения в мире за 2017 г., долл.

Люксембург	Швейцария	Норвегия	Исландия	Ирландия	Катар	США	КНР
107708,22	80836,66	73615,15	73092,2	68604,38	60811	59495,3	8583

Источник: [25].

Успехи в сельском хозяйстве отнюдь не улучшили положение китайских крестьян. Согласно Конституции Китайской Народной Республики, вся земля в сельских и пригородных районах, за исключением территорий, предназначенных для государственных нужд, принадлежит коллективам. Общинная собственность на землю дает право фермерам использовать пахотные угодья в личных целях, однако взамен каждая сельская семья должна нести определенную общинную нагрузку. Например, крестьяне могут засеивать поля только такими сельскохозяйственными культурами, посев которых был одобрен управлением общины.

Значительная часть пожилых людей, достигших пенсионного возраста и проживающих в деревнях, не получает пенсий по старости. Заботятся о них в преклонном возрасте их дети, как это традиционно принято в азиатских странах. Большинство крестьянских школьников учатся в школах-интернатах, в которых они находятся шесть дней в неделю, лишь по воскресеньям приезжая домой на побывку.

Проблема урбанизации решается еще проще — китайским крестьянам запрещено проживать на постоянной основе в Пекине и в других крупных мегаполисах Поднебесной. Однако молодежь имеет право выезжать на заработки в малые и средние города. Если же это семейная пара, то малолетних детей они оставляют на воспитание своим родителям, причем на достаточно длительное время.

С 2003 г. по 2016 г. доля населения, проживавшего в городах, увеличилась с 40,53% (структура населения в 2003 г. составила 768,51 млн чел. сельского и 523,76 млн чел. городского населения [28]) до 56,8% [4] (в 2016 г., соответственно, сельского — 589,73 млн чел. и городского — 792,98 млн чел. [28]). Следует отметить, что такой общинный уклад привел не только к внутренней, но и к международной миграции. Так, в США численность нелегальных мигрантов — выходцев из Китая в 2012 г. насчитывала около 210 тыс. чел. [18].

Проблемы модернизации электронной промышленности КНР и перспективы российско-китайского сотрудничества

Электронная промышленность КНР — достаточно продуктивная сфера предпринимательской деятельности. Согласно данным доклада «СЕО», опубликованного Корейской ассоциацией электроники и информационных технологий (далее — КЕА), доходы, полученные в китайской электронике в 2017 г., составили 682,491 млрд долл., ее доля на мировом рынке была оценена в 38,1% и 55,48% среди ведущих стран в данной сфере, на втором месте — США (234,1 млрд долл.) с мировой долей производства 13,1% и 19,03% среди стран-лидеров соответственно. Следует отметить, что рост рынка мировой электроники был во многом обусловлен ростом индивидуального уровня доходов населения и растущей урбанизацией в КНР (табл. 3) [7].

Таблица 3

**Показатели стран-лидеров по объемам промышленного производства
и потребления электронной продукции в мире, 2017 г. (по данным КЕА)**

Показатели		КНР	США	Южная Корея	Япония	Тайвань	Итого
Производство электронной про- дукции	млрд долл.	682,5	234,1	121,7	116,4	75,4	1230,1
	%	55,48	19,03	9,89	9,46	6,13	100
Показатели		КНР	США	Япония	Германия	Южная Корея	Итого
Структура мирового рынка потребления электроники	млрд долл.	470,8	425,2	128,1	64	50,5	1138,6
	%	41,35	37,34	11,25	5,62	4,44	100

Источник: [7].

Развитие электронной промышленности и производство печатных плат (далее — РСВ-продукция)² имеют прямую зависимость. В Азиатско-Тихоокеанском регионе производится до 90% всех печатных панелей в мире, из которых 81,6% выпускают четыре страны: КНР, Тайвань, Южная Корея и Япония (рис. 3). Так, предпринимательские структуры Китая в 2017 г. заняли первое место в регионе по выпуску данной продукции (46,3%); второе — Южная Корея (13,3%); третье — Тайвань (13%); четвертое — Япония (8,9%) [8].

Из приведенных на рис. 3 данных следует, что среднегодовое производство печатных плат в КНР в 2017 г. составило 27 млрд долл., при том, что в 2000 г. выпуск печатных панелей в Поднебесной не достигал и 3,4 млрд долл. В 2013 г. разработкой РСВ-продукции было занято около 1500 малых и средних фирм, до 90% которых сконцентрированы в бассейнах рек Чжуцзян и Янцзы, в так называемом «золотом треугольнике Янцзы» [9]. Однако в 2017 г. по количеству таких компаний КНР заняла 4 место (11%); первое — Тайвань (31,4); второе — Япония (23,1%); третье — Южная Корея (15,4%) [8].

Современная тенденция в производстве микроэлектронных компонентов заключается в том, что глобальные производственные сети перемещаются в Азию, т. к. Азиатско-Тихоокеанский регион обладает большими технологическими преимуществами и трудолюбивой рабочей силой. И с этой позиции Китаю отводится ведущая роль, поскольку внутренний рынок КНР имеет уникальный потенциал для привлечения инвестиций.

Российский сектор производства печатных панелей состоит из следующих предприятий: PSElectro ООО «Электроконнект» (производство многослойных печатных плат), ЗАО Предприятие «ОСТЕК», ПТК «Печатные платы», ФГУП «Рязанский приборострои-

² Одними из основных комплектующих элементов в производстве электронных продуктов, помимо полупроводников (чипов), являются печатные платы (Printed Circuit Board (далее — PCB)). Печатная плата — это пластина из диэлектрика, на поверхности или в объеме которой сформированы электропроводящие цепи электронной схемы. Печатная плата предназначена для электрического и механического соединения различных электронных компонентов, которые соединяются своими выводами с элементами проводящего рисунка (Источник: Википедия).

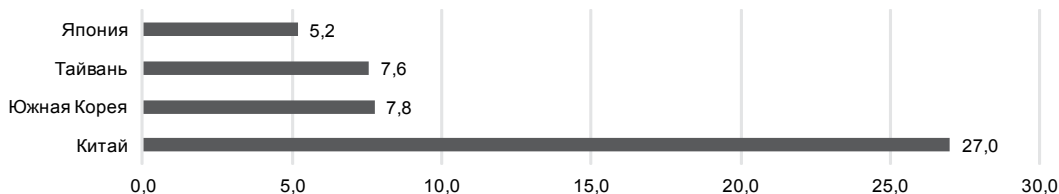

Рис. 3. Стоимость выпущенной РСВ-продукции в АТР в 2017 г., млрд долл.

Источник: [8].

тельный завод» (производство гибких печатных плат), ОАО «ОРКК» — «НИИ КП», СПб-ГЭТУ «ЛЭТИ», ФГУП «Ростовский-на-Дону НИИ радиосвязи» (РНИИРС) и др. [1, с. 25–26]. Следует отметить, что китайская электроника по сравнению с российской достигла колоссальных результатов.

Организация заводов по выпуску электронной продукции требует значительных затрат, поскольку это очень капиталоемкий и материалоемкий вид производства. Для того чтобы, например, создать одно рабочее место в южнокорейской электронике, необходимо затратить около 100 тыс. долл. В чем причины высокой капиталоемкости производства? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим проблему модернизации в электронной промышленности и оценку мирового рынка полупроводников.

Вместе с ростом производства печатных плат рынок полупроводников в настоящее время испытывает настоящий бум. Так, в 2016 г., согласно исследованию Института статистики мировой торговли полупроводниками (далее — WSTS), рынок полупроводников оценивался в 406,9 млрд долл., что на 20,6% больше, чем в предыдущем году. В 2016 г. объем мирового рынка впервые превысил отметку в 400 млрд долл. и по прогнозу WSTS продолжит рост по всем показателям в 2018 г. (табл. 4) [11].

Таблица 4

Оценка и прогноз мирового рынка полупроводников (по данным WSTS)

Показатели	2017 (оценка, млрд долл.)	2018 (прогноз, млрд долл.)	2018/2017, %
Дискретные полупроводниковые компоненты (МОП-транзисторы)	21,498	22,490	4,6
Оптоэлектроника (светодиоды)	34,467	37,302	8,2
Сенсоры, датчики	12,537	13,439	7,2
Аналоговые полупроводники	52,711	55,909	6,1
Микропроцессоры	63,147	65,331	3,5
Логические элементы	101,413	108,467	7
Память	122,918	134,327	9,3
Итого	408,691	437,265	7

Источник: [11].

Причиной такого роста стало развитие памяти, которое привело к быстрому росту данного сектора. С расширением облачной инфраструктуры спрос на серверную память резко возрос. В 2017 г. ее продажи выросли на 60,1% по сравнению с 2016 г. По прогнозу WSTS, в 2018 г. объем данного рынка увеличится на 9,3% [11].

Поскольку мировые производители электроники (Samsung Electronics, Intel, SK Hynix, Micron Technology и др.) нарастили объем продаж, они стали все больше инвестировать в модернизацию производственных линий. Так, развитие индустрии оборудования, используемого в электронной промышленности, демонстрирует непрерывный рост (табл. 5). По данным Международной ассоциации полупроводникового оборудования (далее — SEMI), этот рынок, как ожидается, вырастет до 55,93 млрд долл. в 2017 г. [11].

Таблица 5

Мировой объем рынка полупроводникового оборудования (по данным SEMI, млрд долл.)

2014	2015	2016	2017 (оценка)	2018 (прогноз)
37,5	36,53	41,23	55,93	60,1

Источник: [11].

Следует отметить, что модернизация полупроводникового оборудования связана с улучшением качества электронной продукции; увеличением эффективности использования расходных материалов; оптимизацией переделов в электротехническом производстве; повышением скорости завершения отдельных процессов в электронике при сохранении качества выпускаемых компонентов; ростом производительности производственных линий; расширением технологических возможностей и т. д. Такой подход к модернизации отражает интенсификацию производства по принципу «сокращения ширины производственных линий», поскольку его логика заключается в том, что темпы роста инвестиций в высокотехнологичное оборудование должны быть выше темпов роста производственных мощностей. Между тем электронная промышленность КНР показывает совершенно противоположный сценарий развития.

В КНР широко используется государственная поддержка предпринимательских структур в рассматриваемой сфере. Согласно данным консалтинговой фирмы «Vain & Company», китайское правительство уже инвестировало в 130 полупроводниково-сборочных заводов в 15 провинциях Китая и далее планирует инвестировать еще 150 млрд долл. к 2025 г., с целью увеличения коэффициента выпуска отечественных полупроводников до 70%. Такая государственная поддержка обусловлена тем, что ежегодное потребление данных материалов в КНР составляет около одной трети от общего мирового объема (100 млрд долл.), при том, что уровень производства в стране не превышает 6–7% от разработки всех полупроводников в мире [10].

Но достаточно ли этих средств для того, чтобы обогнать Японию и США? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим объемы инвестиций в НИОКР по развитию полупроводников и полупроводникового оборудования в 2017 г., осуществленные компаниями, которые вошли в мировой рейтинг «Топ-1000 ведущих компаний в области НИОКР (R & D)». Так, в Китае данные расходы составили 0,3 млрд долл. (1 компания, вошедшая в данный рейтинг); в Южной Корее — 1,6 млрд долл. (1 компания); в Японии — 2,7 млрд долл. (7 компаний); в США — 33,3 млрд долл. (36 компаний) [29]. Из приведенных результатов исследования следует, что если электронная промышленность КНР получит упомя-

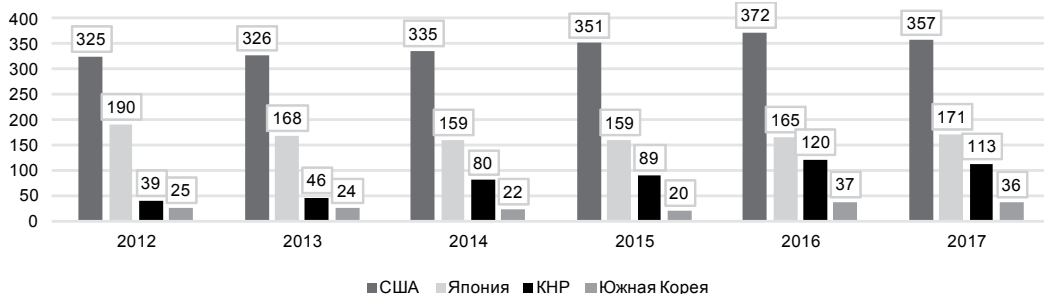

Рис. 4. Структура рейтинга «Топ-1000 ведущих компаний в области НИОКР (R & D)» в АТР, (компаний)
 Источник: [12, 29].

нутую государственную поддержку, то вполне вероятно, что в 2025 г. китайская электроника опередит японскую, но обогнать США ей будет весьма затруднительно, поскольку в 2017 г. американские корпорации нарастили объем инвестиций в НИОКР в 1,76 раза (18,9 млрд долл. в 2011 г.) и увеличили разрыв по данной статье расходов относительно китайских капиталовложений в 111 раз [29]. По этим причинам мы можем утверждать, что инновации в электронике КНР еще не стали основным фактором экономического роста.

Актуальность модернизации всегда проявляется тогда, когда очевидно отставание от развитых стран. Рассмотрим тот же рейтинг «Топ-1000 ведущих компаний в области НИОКР (R & D)», в котором приводятся совокупный объем международных инвестиций в корпоративные НИОКР и результаты исследования глобальной деловой активности (рис. 4). Так, в 2017 г. на долю США приходилось 43,5% от общего мирового объема инвестиций в НИОКР. Далее следуют Япония (15,2%), Германия (7,7%) и КНР (6%). В Китае количество таких предприятий постоянно растет: если в 2012 г. в рейтинг «R & D» вошли 39 компаний, то в 2017 г. их число увеличилось в 2,9 раза (113 компаний) [12, 29]. Между тем следует отметить, что по количеству таких предприятий и инвестициям в НИОКР КНР все еще в разы отстает от развитых капиталистических стран (рис. 5).

Рассмотрим представленную работу с позиции концепции глобальных производственных цепочек, согласно которой система национальных экономик в высокотехнологичных отраслях имеет иерархическую структуру. Так, из приведенного анализа видно, что электронная промышленность Китая успешно заняла в мировой производственной

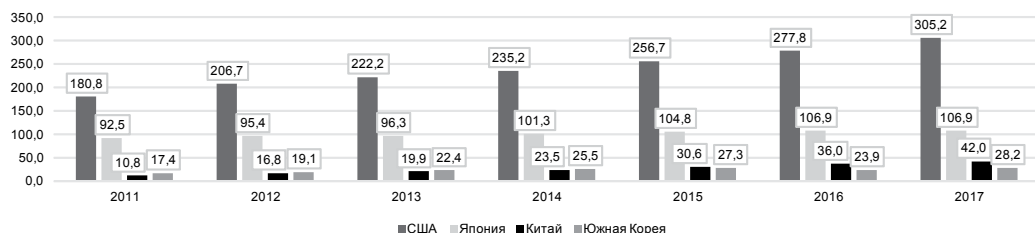

Рис. 5. Структура рейтинга «Топ-1000 ведущих компаний в области НИОКР (R & D)» по объемам инвестиций в НИОКР, млрд долл.
 Источник: [29].

цепи свою технологическую нишу. Следует отметить, что такой успех был достигнут в результате эффективной государственной поддержки, высвобождения крестьян из сельского хозяйства и ростом внутреннего потребления. Низкие затраты на рабочую силу и относительно современная инфраструктура сделали КНР мировым лидером в производстве. Что же касается России, то повторять, что ей отводится роль сырьевого придатка, не совсем корректно, поскольку США, находясь на вершине глобальной технологической цепи (НИОКР, патентование, юридическое обеспечение), пытаются окончательно вывести из игры российскую электронику. Осуществляется это путем расширения санкций, а именно посредством ограничения доступа к современным технологиям и необходимым химическим материалам, блокировки выхода на внешние и финансовые рынки оборонно-промышленных и электронных предприятий.

Между тем, несмотря на оказываемое давление, не развивать высокотехнологичные отрасли нельзя. Российскому предпринимательству следует перейти к освоению кооперативных отношений с азиатскими ТНК. По этой причине на государственном уровне должны осуществляться поддержка предпринимательской деятельности в электронной отрасли и содействие в заключении соглашений о производственной кооперации российского бизнеса с китайскими корпорациями. Предметом российско-китайского сотрудничества может стать раздел сфер предпринимательской деятельности в отдельных высокотехнологичных звеньях, которые связали бы, например, производственные цепочки в «золотом треугольнике Янцзы» южного Китая и отечественные промышленные центры Сибири, Урала, Дальнего Востока посредством организации свободных экономических зон с современной трансграничной логистической системой. Ведущие китайские корпорации могли бы передать на аутсорсинг российскому предпринимательству отдельные процессы производства электронной продукции посредством организации кластерообразующих компаний, которые построили бы производственные сети, состоящие из российских предприятий малого бизнеса. Взамен они могли бы получить эффект масштаба посредством освоения новых российских рынков и возможность сконцентрироваться на производстве для внутреннего сегмента.

Рассмотренные в статье плюсы и минусы китайского опыта организации народного хозяйства, исследованные индикаторы мировой электронной отрасли подтверждают гипотезу об экстенсивной экспортоориентированной промышленной политике КНР. Следует отметить, что такой подход к организации народного хозяйства при колоссальных достижениях не может привести к улучшению состояния природной окружающей среды, усиливает социальное отчуждение крестьян в сельском хозяйстве и сдерживает инновационное развитие, как это было показано на примере развития китайской электронной промышленности.

Библиографический список

1. Закирова Э.А. Исследование печатных плат с многослойными диэлектрическими подложками и разработка микрополосковых СВЧ-устройств на их основе [Текст]: дис. ... канд. тех. наук: 05.12.07: защищена 20.11.2014 / Закирова Эльмира Алексеевна. — М., 2014. — 178 с. Библиогр.: с. 25–26.
2. Новоселова Л.В. Сможет ли Китай стать локомотивом глобального экономического роста (по поводу достижений и проблем реализации антикризисной политики в КНР) // Российский экономический журнал. — 2010. — № 1. — С. 66–78.

3. Китай – ВВП на душу населения в 2017 г. / knoema.ru // Retrieved from: <https://knoema.ru/atlas/%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9/%D0>.
4. Китай – доля городского населения, за 2006–2017 гг. / knoema.ru // Retrieved from: <https://knoema.ru/atlas/%d0%9a%d0%b8%d1%82%d0%b0%d0%b9>
5. Китай – отношение занятых к численности населения, за 2006–2017 гг. / knoema.ru // Retrieved from: <https://knoema.ru/atlas/%d0%9a%d0%b8%d1%82%d0%b0%d0%b9>.
6. Китай – численность населения в 2017 г. / knoema.ru // Retrieved from: <https://knoema.ru/atlas/%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9/%D0>.
7. Пак Ч.М. Южнокорейская электронная промышленность – на третьем месте по промышленно-му производству и на пятом – по рыночному потреблению электронной продукции. 2018 г. // Retrieved from: <http://daily.hankooki.com/lpage/economy/201801/dh20180126114746138060.htm>.
8. Статистический доклад ассоциации корейских компаний-производителей электроники (КРСА). 2016 г. // Retrieved from: http://www.kpca.or.kr/kr/data/briefing_03.php.
9. Статистический доклад КНР. 2014 г. // Retrieved from: <http://market.chinabaogao.com/dianzi/10161953A2014.html>.
10. Фунбу. США беспокоятся о китайском полупроводниковом расширении. 2017 г. // Retrieved from: <http://www.etnews.com/20170117000226>.
11. Хан Д.Й. В этом году бум на рынке полупроводников продолжается. 2018 г. // Retrieved from: <http://www.etnews.com/20171226000091>.
12. Хе Ен. В рейтинге «Топ-1000 ведущих компаний в области НИОКР» – всего 20 корейских компаний. 2017 г. // Retrieved from: <http://www.etnews.com/20170111000274>.
13. China: growth rate of real gross domestic product (GDP) from 2010 to 2022 / Statista // Retrieved from: <https://www.statista.com/statistics/263616/gross-domestic-product-gdp-growth-rate-in-china/>.
14. China: statistics and market data / Statista // Retrieved from <http://www.statista.com/topics/753/china/>.
15. China: trade balance from 2006 to 2016 / Statista // Retrieved from: <http://www.statista.com/statistics/263632/trade-balance-of-china/>.
16. Degree of urbanization in China from 2006 to 2016 / Statista // Retrieved from: <http://www.statista.com/statistics/270162/urbanization-in-china/>.
17. Distribution of the workforce across economic sectors in China from 2006 to 2016 / Statista // Retrieved from: <http://www.statista.com/statistics/270327/distribution-of-the-workforce-across-economic-sectors-in-china/>.
18. Estimated number of illegal immigrants in the U. S. in 2012, by country of origin (in 1,000) / Statista // Retrieved from: <http://www.statista.com/statistics/269365/origin-of-illegal-immigrants-in-the-us/>.
19. Leading countries based on the production of milled rice in 2016/2017/ Statista // Retrieved from: <http://www.statista.com/statistics/255945/top-countries-of-destination-for-us-rice-exports-2011/>.
20. Leading egg producing countries worldwide in 2014 (in number of eggs in billions) / Statista // Retrieved from: <http://www.statista.com/statistics/263971/top-10-countries-worldwide-in-egg-production/>.
21. Major producers of cow milk worldwide in 2016, by country (in million metric tons) / Statista // Retrieved from: <http://www.statista.com/statistics/268191/cow-milk-production-worldwide-top-producers/>.

22. Number of chickens worldwide in 2014, by country / Statista // Retrieved from: <http://www.statista.com/statistics/263961/top-countries-worldwide-by-chicken-stock-2007/>.
23. Number of pigs worldwide in 2017, by leading country (in million animals) / Statista // Retrieved from: <http://www.statista.com/statistics/263964/number-of-pigs-in-selected-countries/>.
24. The 20 countries with the largest gross domestic product (GDP) in 2017 / Statista // Retrieved from: <https://www.statista.com/statistics/268173/countries-with-the-largest-gross-domestic-product-gdp/>.
25. The 20 countries with the largest gross domestic product (GDP) per capita in 2017/ Statista // Retrieved from: <http://www.statista.com/statistics/270180/countries-with-the-largest-gross-domestic-product-gdp-per-capita/>.
26. The largest producers of CO2 emissions worldwide in 2016, based on their share of global CO2 emissions / Statista <http://www.statista.com/statistics/271748/the-largest-emitters-of-co2-in-the-world/>.
27. Top 20 export countries worldwide in 2016 / Statista // Retrieved from: <https://www.statista.com/statistics/264623/leading-export-countries-worldwide/>.
28. Urban and rural population of China from 2006 to 2016 (in million inhabitants) / Statista // Retrieved from: <http://www.statista.com/statistics/278566/urban-and-rural-population-of-china/>.
29. 2017 Global Innovation 1000 / Strategy & Global Innovation Study // Retrieved from: [studyhttps://www.strategyand.pwc.com/innovation1000](https://www.strategyand.pwc.com/innovation1000).

**АКАДЕМИЯ
МБА**
www.a-mba.ru

**АНО «Академия менеджмента
и бизнес-администрирования»**

**Журнал
«Менеджмент
и бизнес-администрирование»**

Предоставление комплексной
и систематизированной информации
по теории и практике, направленной
на повышение качества
и эффективности управленческих
процессов на различных уровнях
хозяйствования.

Журнал включен в перечень ВАК
www.mba-journal.ru

ПОДПИСКА

- Через интернет-каталог «Российская периодика»: www.arpk.org
- В редакции: (499) 152-0490; podpiska@ideg.ru
- В любом отделении почтовой связи по Объединенному каталогу «Пресса России»

РЕКЛАМА

Современный капитализм

**ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ СТИМУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ
ПОСРЕДСТВОМ НАЛОГОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Козенкова Т.А.,

*доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ,
член Президиума Вольного экономического общества России,
первый заместитель генерального директора АО ИД «Экономика и жизнь»,
ректор Академии менеджмента и бизнес-администрирования,*

Тетерятников К.С.,

*доктор юридических наук, академик Международной академии менеджмента,
член Правления Вольного экономического общества России,
генеральный директор ООО «Группа независимых консультантов»*

Аннотация. Статья посвящена анализу возможностей использования налогового регулирования для стимулирования экономического развития в России и за рубежом. Рассмотрены предпосылки для налоговой реформы в России, особенности налоговых реформ 2017 года в США и Индии, современные тенденции налогообложения в мире. Авторы полагают, что зарубежный опыт налоговых реформ может быть востребован и в России, где снижение ключевой ставки при одновременном осуществлении масштабных государственных инвестиций в инфраструктуру, проведении комплексной налоговой реформы, подразумевающей не рост налоговой нагрузки на средний и малый бизнес и население, а ее дифференцированное снижение для отдельных компаний, способных производить конкурентоспособную продукцию и услуги, а также дерегуляция могли бы способствовать росту инвестиционного и потребительского спроса и ускорению экономического роста. При этом достичь высоких темпов экономического роста можно только при наличии эффективного аппарата государственного управления.

Ключевые слова: налоговая реформа, глобализация, экономический рост, финансирование государственных программ развития.

**INTERNATIONAL PRACTICE OF BOOSTING ECONOMY
THROUGH TAXATION POLICY**

Kozenkova T.A.,

*Doctor of Economics, Professor, Honored Economist of the Russian Federation,
Presidium Member of the Free Economic Society of Russia,
First Deputy Director General Ekonomika I Zhizn' Publishing House,
Rector of the Academy of Management and Business Administration,*

Teteryatnikov K.S.,

*LL.D, Full Member of the International Academy of Management,
Member of the Management Board of the Free Economic Society of Russia,
General Director of Independent Consulting Group*

Abstract. The article is devoted to the analysis of potential use of taxation for boosting economic development in Russia and other countries of the world. The authors examine prerequisites for tax reforms

in Russia, specifics of 2017 tax reforms in the USA and India, as well as modern trends of taxation globally. The authors come to the conclusion that international practice of economic reforms may be high in demand also in Russia, where reducing the key rate while making large scale public investments in infrastructure and performing a comprehensive tax reform designed to reduce the tax burden both for the population and for SMEs, especially differentiated for some companies capable of producing highly competitive products and rendering high quality services, as well as deregulation could contribute to investment and consumers' demand growth and to economic growth acceleration. A highly efficient public governance machinery is a must for achieving high rates of economic growth.

Keywords: tax reform, globalization, economic growth, financing public programs of development.

Налоговая нагрузка и экономическое развитие в России

В настоящее время в Администрации Президента Российской Федерации активно идет работа над указом главы государства о среднесрочных целях развития России. Разработка проекта документа должна завершиться к 15 апреля с. г. Ожидается, что в указ будет включено положение о вхождении России в пятерку крупнейших мировых экономик, а также обеспечении темпов экономического роста, превышающих общемировые показатели. Кроме прочего, национальные идеи развития должны включать в себя рост численности населения страны и увеличение продолжительности жизни граждан (до 78 лет к 2024 году и 80 лет к 2030 году). Проект указа также будет определять национальные идеи и конкретные цели по таким направлениям, как жилье, образование, демография, здравоохранение, малый бизнес, экология, дорожное строительство и другие.

По оценкам руководителя Счетной палаты РФ Т. Голиковой (должность указана на момент написания статьи — ред.), стоимость реализации этой программы развития составит более 8 трлн руб. за шесть лет — примерно по 1,3 трлн руб. в год. Причем речь идет о дополнительных бюджетных расходах, а не традиционном перераспределении консолидированного бюджета, как это имело место в прошлом. Естественно, что финансирование госрасходов подразумевает соответствующие поступления в бюджет, причем самым простым способом, по мнению финансового блока Правительства РФ, является повышение ставок различных налогов (как действующих, так и новых) — на доходы физических лиц (НДФЛ), на добавочную стоимость (НДС), на прибыль, с продаж и т.д.

В 2017 г. поступления налогов в консолидированный бюджет России увеличились по сравнению с предыдущим годом на 20% — до 17,3 трлн руб. В федеральный бюджет было зачислено 9,2 трлн руб. налогов (рост на 32%), что на 228 млрд руб. больше предусмотренной законом о бюджете планки. При этом не нефтегазовые доходы обеспечили 60% прироста поступлений (или 1,7 трлн руб.). Драйверами роста стали налог на прибыль — 3,3 трлн руб. (рост на 18,8%) и НДС — 3,1 трлн руб. (рост на 15,5%). Поступление акцизов выросло на 17,6% до 1,5 трлн руб., имущественных налогов — на 11,9% до 1,2 трлн руб., НДФЛ — на 7,7% до 3,3 трлн руб. Однако рост налоговой нагрузки на бизнес способствует замедлению деловой активности и, следовательно, снижению темпов роста ВВП. Нередко за повышением налоговых поступлений в бюджет стоит прекращение или приостановление деятельности многих тысяч средних и малых предприятий, не выдерживающих высокой налоговой нагрузки.

Вместе с тем, уже в ближайшее время 5 неналоговых платежей (плата за систему «Платон», утилизационный, экологический и курортный сборы, а также обязательные отчисления операторов сети связи общего пользования) могут войти в Налоговый кодекс РФ. Все эти платежи за 2017 год принесли в федеральный бюджет 255 млрд руб. Однако когда контроль за их сбором перейдет в ведение Федеральной налоговой службы РФ, эта сумма

наверняка существенно вырастет, так как ответственность за неуплату налогов намного выше обычных выплат.

В конце марта 2018 года в Госдуму внесен законопроект о введении прогрессивно-го налогообложения физлиц [1]. Документ предполагает внесение соответствующих изменений в Налоговый кодекс РФ — для лиц с доходом менее 100 тыс. руб. в год ставку налога на доходы физических лиц (НДФЛ) предполагается установить на уровне 5%. Граждане, получающие доход от 100 тыс. до трех млн руб., будут платить фиксированную часть НДФЛ в 5 тыс. руб., а также налог по ставке 13% с суммы, превышающей 100 тыс. руб. С лиц, доход которых — от трех до десяти млн руб. в год, предполагается взимать 382 тыс. руб. плюс 18% от суммы, превышающей три млн руб. С доходов выше десяти млн будет взиматься фиксированная часть налога в 1,642 млн руб. и еще 25% от суммы, превышающей десять млн руб. Как указано в пояснительной записке, за период с 2001 года, когда была введена плоская шкала НДФЛ, по настоящее время плательщики налога с высокими доходами получили дополнительные доходы и увеличили свое состояние. «В законопроекте предлагается ставку НДФЛ 13% сохранить в отношении большинства налогоплательщиков — 58,02 млн человек, что составляет 86,08% от общей численности плательщиков НДФЛ. По данным категориям налогоплательщиков порядок представления налоговых деклараций в налоговые органы не изменится», — отмечают авторы законопроекта — представители фракции Коммунистической партии РФ.

Впрочем, законопроекты о введении прогрессивной шкалы налогообложения уже несколько раз вносились различными фракциями на рассмотрение Госдумы с неизменным результатом — отклонить по тем или иным основаниям.

Правительство РФ также начало обсуждать возможные изменения налоговой системы с повышения ставки НДФЛ, зондируя почву для увеличения ставки с 13% до 15%. С учетом существующей налоговой базы такое повышение может принести в госбюджет примерно 600 млрд руб. в год, однако гарантировать, что эти деньги пойдут на программы развития при нынешней системе бюджетирования практически невозможно.

Обсуждение налоговых новаций в РФ продолжается на всех уровнях. И пока решений не принято, было бы целесообразно рассмотреть зарубежный опыт стимулирования экономики за счет налогового регулирования.

Глобализация и налоговые реформы в США

Начиная с 2000-х годов, процессы глобализации экономики, т. е. создания единой мировой системы хозяйства на основе международного разделения труда и тесного переплетения национальных экономик, координации экономических и политических отношений, обеспечивали экономию ресурсов и стимулировали мировой прогресс. Однако, облегчая хозяйственное взаимодействие между государствами, создавая условия для доступа развивающихся стран к передовым достижениям человечества, глобализация, с одной стороны, способствовала резкому подъему экономики стран Юго-Восточной Азии (Китай, Сингапур, Южная Корея), одновременно замедляя темпы экономического роста США, Евросоюза и Японии.

В результате по итогам 2017 года Китай стал второй экономикой мира. В частности, ВВП страны достиг отметки в 12,2 трлн долл. США. Первое место все еще занимают США, которые обошли Пекин на 7 трлн долл. США, а на третьем месте находится Япония, отстающая от Китая на те же 7 трлн. Однако именно Китаю удалось значительно укрепить

свои позиции во всех регионах мира, реализуя масштабную программу инфраструктурных инвестиций общей стоимостью около 8 трлн долл. США в 68 странах мира.

В этих условиях перед ведущими странами «золотого миллиарда», испытавшими глубокую рецессию после мирового финансового кризиса 2007–2009 годов, встал вопрос, каким образом обеспечить такие темпы роста экономики, которые бы позволяли сохранить сложившуюся долю на мировом рынке товаров и услуг. Учитывая, что программы количественного смягчения уже полностью исчерпали возможности обеспечения хотя бы минимального роста экономики, не говоря уже о росте доходов населения, первым из западных политиков, уловивших протестные настроения граждан своей страны, стал тогда еще кандидат в президенты США Дональд Трамп. Именно он положил в основу своей предвыборной кампании идеи налоговой и регулятивной реформ.

В ходе своей избирательной кампании 2016 года Трамп использовал два лозунга, предельно четко и кратко отражающих его восприятие роли США в мире и способ решения существующих проблем. Первый лозунг — «Вернем Америке былое величие!» (*Make America Great Again!*) уже ранее использовался Рональдом Рейганом еще в 1980 году, однако именно Трамп зарегистрировал эти слова как торговую марку еще в 2012 году. Лозунг предназначался для того, чтобы подчеркнуть негативные результаты пребывания демократов у власти и обозначить цель изменений.

США лидируют в списке как по количеству миллиардеров (565), так и по размеру их общего состояния (\$ 2,8 трлн) при размере ВВП страны \$ 18,6 трлн. Самый богатый человек в мире и в США — Билл Гейтс (с состоянием в \$ 86 млрд). При этом президент США Дональд Трамп 28 февраля 2017 года в своем первом после избрания обращении к Конгрессу заявил следующее: «94 млн американцев — безработные, более 43 млн людей живут в бедности, и более 43 млн живут на талонах на питание. Один из пяти трудоспособных человек не работает» [2]. Установленный в 2009 году федеральными властями МРОТ в размере 7,25 долл. в час в 2017 году не обеспечивает населению США даже минимальный прожиточный уровень, поэтому с начала 2017 года в 18 штатах и 22 городах вне этих штатов региональные и муниципальные власти ввели своими законодательными актами МРОТ размере от 11 до 15 долл. США. При этом нижняя планка доходов населения со средним уровнем доходов начинается с 25 долл. США в час.

По-видимому, говоря о возврате Америке величия, Трамп имел в виду именно подъем уровня жизни населения страны за счет своего второго лозунга: «Америка превыше всего!» (*America First*). Трамп не побоялся взять этот старый лозунг начала 1940-х годов, чтобы попытаться полностью изменить представления американцев о своей стране и мире, основанном на идеях глобализации. Ведь от процессов глобализации мировой экономики выиграли далеко не все. Так, например, в США количество занятых в промышленности сократилось за последние десять лет на пять млн, а зарплаты низкоквалифицированных рабочих снизились более чем на 20% в реальном выражении по сравнению с 1980 годом. Как заявил Трамп в своей первой речи в Конгрессе 28 февраля 2017 года: «Мы потеряли 60 000 заводов с 2001 года, когда Китай вступил в ВТО». В этих условиях Трампу удалось вдохновить многих американцев, поверивших, что он сможет вернуть стране не только высокие темпы экономического роста, но и рабочие места, а также провести давно назревшие реформы во всех сферах общественной жизни.

К моменту избрания Трампа президентом возможности использования инструментов монетарной политики для стимулирования экономики были явно исчерпаны. Ни низкая ставка рефинансирования, ни инфляция около нуля, ни три раунда количествен-

ного смягчения (*quantitative easing, QE*), хотя и помогли вывести экономику США из кризиса, но так и не смогли придать ей импульс для ускорения темпов роста, и уж тем более для улучшения материального состояния рядовых американцев. Несмотря на некоторые улучшения на рынке труда и жилищном рынке, серьезные экономические проблемы (торговый дисбаланс, устаревшая инфраструктура, снижение реальных доходов «синих воротничков» и т.д.) требовали принятия решительных мер и смены вектора проводимой экономической политики.

В развитие своей программы Трамп подписал множество указов, призванных стимулировать экономический рост. Так, например, 18 апреля 2017 года им был подписан документ под названием «Покупай американское и нанимай американцев» (*Buy American and Hire American*), направленный на изменение визовой политики, а также условий госзакупок и международных торговых соглашений. В частности, он предусматривает увеличение доли произведенных в США товаров в ходе государственных закупок правительственными структурами, а также пересмотр имеющихся соглашений с зарубежными поставщиками, если в них указано приобретение слишком больших объемов импортных товаров. Помимо этого, указ разрешил американским компаниям продавать товары правительствам торговых партнеров США на тех же условиях, что и у иностранных фирм, действующих на внутреннем рынке США.

8 июня 2017 года Трамп обнародовал план обновления инфраструктуры под названием «Перестроим Америку» (*Rebuild America*). Бюджетные расходы по этому плану составят 200 млрд долл. США ежегодно в течение 10 лет. Реализация этого документа приведет к дополнительным расходам частного бизнеса в размере 800 млрд долл. и созданию новых рабочих мест.

Наиболее же важным аспектом трампономики стала налоговая реформа. После длительных согласительных процедур новое налоговое законодательство было принято Конгрессом и подписано президентом Трампом 22 декабря 2017 года. Новый закон сохранил семь ставок подоходного налога (10, 12, 22, 24, 32, 35 и 37 процентов), но существенно снизил уровень этих ставок в зависимости от уровня получаемых доходов. Так, например, 10% подоходный налог теперь взимается с индивидуального дохода до 9,5 тыс. долл. США, а максимальная ставка используется при доходе свыше 500 тыс. долл. США в год. Увеличены суммы доходов, с которых производятся налоговые вычеты, — до 12 тыс. долл. США для индивидуальных налогов и до 24 тыс. долл. США для доходов семейных пар.

Вырос и размер налоговых вычетов из медицинских расходов в 2017 и 2018 годах. Это позволит снизить налогооблагаемую базу доходов, идущих на медицинские расходы, на 7,5%. Налоговые вычеты для доходов, идущих на ипотеку, теперь лимитированы суммой в 750 тыс. долл. США. Вместе с тем, согласно новому закону, в 2019 году будет отменен налог на граждан без медицинской страховки, что приведет к уменьшению числа застрахованных американцев на 13 млн человек. Механизм компенсации этих потерь для населения пока не выработан.

Закон увеличил стоимость освобождаемой от налогообложения недвижимости в сумме до 11,2 млн долл. США для одного владельца и до 22,4 млн для семейных пар. От принятия этого положения выиграют 1,5 млн самых богатых американцев.

Для бизнеса самым главным нововведением стало снижение налога на прибыль корпораций — его максимальный уровень снижен с 35 до 21%, то есть до самого низкого уровня с 1939 года. На самом деле и ранее корпоративный налог по максимальной ставке не платил практически никто. Крупнейшие американские компании, в том числе и тех-

нологические гиганты типа Facebook, Amazon, Apple, Netflix, Google (Alphabet), успешно уводили свою прибыль в налоговые гавани по всему миру, в том числе и в Ирландию. В этой связи Закон позволяет репатриацию активов в размере до 2,6 трлн долл., хранящихся в офшорных зонах. В этом случае владельцы должны заплатить единовременный налог в размере 15,5% на финансовые активы и 8% налог на оборудование.

Однако проблема заключается в том, что большая часть активов этих компаний хранится за пределами США не в денежных депозитах, а в ценных бумагах. Для того чтобы инвестировать в предприятия на территории США, как это предполагал Трамп, необходимо сначала продать эти ценные бумаги, что не так просто сделать, поскольку часть из них находится в залоге у банков-кредиторов, как американских, так и зарубежных. Тем не менее, некоторые американские компании уже заявили о своей готовности репатриировать часть своих капиталов в США. Правда, не исключен и риск того, что репатриированный капитал будет использован не на инвестиции для развития высокотехнологических компаний, а для выплаты дополнительных дивидендов акционерам этих компаний.

Несмотря на эти опасения, Трамп рассчитывает, что снижение налогов будет способствовать оживлению деловой активности бизнеса, что приведет к ежегодному увеличению прироста ВВП на 1,7%. Это позволит создать 338 тыс. новых рабочих мест и увеличить заработную плату в среднем на 15%. По прогнозу Министерства финансов США, новый закон в итоге приведет к росту поступлений в бюджет в размере 1,8 трлн долл. США и к росту ВВП в среднем на 2,9% в год (в 2017 году — 2,4%).

Индийский опыт стимулирования экономики за счет налогообложения

1 июля 2017 года в Индии по инициативе правительства Нарендры Моды (Narendra Modi) была запущена реформа системы налогообложения, предназначенная существенно стимулировать рост национальной экономики. В результате введения режима взимания налога на товары и услуги (*goods-and-services tax, GST*) упразднению подлежат более 10 косвенных налогов. На федеральном уровне это федеральный акцизный сбор, дополнительный акцизный сбор, налог на услуги, дополнительная таможенная пошлина и специальная дополнительная таможенная пошлина. На уровне штатов речь идет о замене НДС, налога на развлечения, ввозной пошлины, налога на покупки, налога на роскошь и налогов на лотереи, пари и азартные игры.

Поскольку речь шла о налогах, затрагивающих интересы не только самого бизнеса, но и связанных с ним чиновников на местном и региональном уровнях, очень быстро с подачи лидера оппозиционной партии Конгресса Рауля Ганди (*Rahul Gandhi*) данный налог получил название налога Габбара Сингха («*Gabbar Singh Tax*») по имени известного болливудского злодея. Этот налог не имеет никакого отношения к налогу Робин Гуда (*Robin Hood Tax*), известному также как налог Тобино, предложенному еще в 1978 году американским экономистом Джеймсом Тобином (*James Tobin*; 1918–2002), впоследствии, кстати, ставшим нобелевским лауреатом по экономике (1981 г.). Налог Робин Гуда изначально предполагалось ввести только на операции по конвертации валют на биржах в размере 0,5% от суммы сделки, однако потом, после мирового финансового кризиса, нобелевские лауреаты Пол Кругман и Джозеф Стиглицего предложили распространить его на все межбанковские транзакции с целью охлаждения спекулятивных appetites банкиров и предотвращения образования пузырей на финансовых рынках.

Индийский же налог назван по имени разбойника Габбара Сингха по другой причине. Он переносит обязанность по его уплате на конечного потребителя и является аналогом российского НДС. Вместе с тем для индийской системы налога на товары и услуги характерен целый ряд уникальных особенностей. Все поставки, за исключением поставок, на которые не распространяется обязанность по уплате налога, облагаются центральным налогом на товары и услуги и налогом на товары и услуги штата. В случае заключения соответствующих сделок между штатами Центр взимает и собирает интегрированный налог на товары и услуги (по сути, речь идет о сумме центрального налога на товары и услуги и налога на товары и услуги штата). Поскольку налог на товары и услуги является налогом, взимаемым по принципу места назначения, налоги на товары и услуги штатов, по общему правилу, уплачиваемые с конечного продукта, поступают в казну штата-потребителя. А поступления от уплаты центрального налога на товары и услуги получает Центр.

В рамках режима GST действуют 4 налоговые ставки. С большинства товаров и услуг соответствующий налог взимается по двум основным ставкам (в размере 12% и 18%). Пониженная пятипроцентная ставка налога действует для ряда товаров, не являющихся первоочередными, а в случае продажи табачной продукции и «товаров, являющихся предметами роскоши» придется заплатить уже 28%. Кроме того, плюс к указанной двадцативосьмипроцентной ставке налога является вероятность уплаты налога локального характера с определенных объектов налогообложения, что означает, что косвенные сборы с поставок определенных товаров и услуг могут превышать 28%. Товары первой необходимости облагаются налогом по нулевой ставке, а в отношении услуг, по общему правилу, действует налоговая ставка в размере 18%. С экспортируемых товаров налог взимается по ставке в 0%, что в полной мере отвечает действующим международным стандартам.

Процесс сбора налога разделен между штатами и Центром. Штаты оценивают налогоплательщиков с оборотом ниже 15 млн индийских рупий, а Центр и штаты оценивают налог, подлежащий уплате предпринимателями, оборот которых превышает указанное пороговое значение. Налоговые поступления разделяются в равной пропорции между Центром и штатами (50 на 50). Большинство налогоплательщиков должны направлять четыре отчета по своим поставкам и покупкам, а также подавать отчетность за месяц и годовую отчетность. Мелким налогоплательщикам разрешается подавать отчетность на квартальной основе в электронной форме.

По заявлениям правительства Моди, введение единого налога на товары и услуги способствовало ускорению роста ВВП до 7,2% в 2017 году, опередив Китай. Система налогообложения стала проще, прозрачность ценообразования для потребителей способствовала оживлению товарообмена и падению цен, вырос товарообмен между штатами.

Современные тенденции налогообложения в мире

Налоговые реформы Трампа и Моди подталкивают многие страны мира к пересмотру действующих национальных систем налогообложения для стимулирования роста экономики, причем за счет не повышения, а снижения налоговой нагрузки на бизнес и физических лиц. За последние 10 лет эффективная налоговая ставка для крупнейших корпораций снизилась на 10%. Причем мировые лидеры по капитализации — транснациональные высокотехнологичные компании группы FAANG (Facebook, Amazon, Apple, Netflix, Google) — стали также и ведущими компаниями по минимизации налогов, выплачивая налоги по ставке 0,005% в Ирландии и Люксембурге. Не случайно в настоящее время в Евросоюзе

активно обсуждается возможность введения так называемого цифрового налога (*digital tax*) не на прибыль, а на общий оборот этих компаний. Естественно, введение такого налога вызовет ответную реакцию со стороны США, которая, скорее всего, ударит по европейской автомобильной промышленности, чья продукция поступает с дочерних заводов в Канаде и Мексике и пользуется льготным налоговым режимом NAFTA.

В целом в мире помимо традиционных функций налогов (фискальной, социальной и стимулирующей) появилась новая — конкурентная. Современная система налогообложения должна создавать условия, способствующие выигрышу национальных производителей товаров и услуг в борьбе против зарубежных конкурентов. Особую роль при этом играет государственная поддержка в виде льготного налогообложения высокотехнологичных компаний, которые, в свою очередь, выступают в роли драйверов развития и иных отраслей и производств. Так, например, с 2001 года компания Google совершила более 200 поглощений. В 2015 году после реорганизации в холдинг под названием Alphabet фокус этой компании был переориентирован на такие направления, как здравоохранение (компания Calico), роботизация и автоматизация автомобилей (Google X, Boston Dynamics) и индустрия умных домов (Nest). Все эти компании сейчас эффективно работают в качестве отдельных подразделений в рамках холдинга Alphabet. В 2017 году Google вложил \$ 86 млн в программу жилищного кредитования населения с низким уровнем доходов, создав совместный с US Bancorp кредитный фонд.

Воспользовавшись льготами Д. Трампа на репатриированный капитал, американская корпорация Apple в начале 2018 года заявила о своем намерении инвестировать в экономику США более \$ 350 млрд, а также открыть вторую штаб-квартиру. Компания планирует инвестировать в США в центры обработки больших объемов данных, в поставщиков и производителей продукции Apple, а также в учрежденный компанией фонд технологий будущего. Apple уже создала более 2 млн рабочих мест в США и намерена расширить свой штат еще на 20 тыс. человек уже в текущем году.

Amazon инвестирует в видеоконтент (Prime Instant Video) и в облачные вычисления (Amazon Web Services, AWS). В Европе и США набирает силу Amazon Fresh — компания по доставке свежих овощей местного производства в течение часа. Facebook осуществляет большие инвестиции в программы искусственного интеллекта и виртуальной реальности. Впрочем, на долю налогов с прибыли корпораций в США приходится лишь 7% налоговых поступлений. Большая же часть бюджетных доходов поступает за счет налогов на доходы физических лиц.

Главным же налогоплательщиком США выступает средний класс, доля которого составляет около 70% населения США. Во-первых, именно эта категория граждан является не только платежеспособной, но и законопослушной, поэтому они исправно платят подоходный налог, налог на движимое и недвижимое имущество и т. д. Во-вторых, они, располагая свободными средствами, зачастую пробуют себя в частном бизнесе, создавая новые компании и рабочие места, пополняя местный, региональный и федеральный бюджеты налогами. Кроме того, рынок товаров для среднего класса — самый массовый, активный и объемный. В начале 2016 года темпы прироста среднего класса в США и Евросоюзе (0,5% в год) были в 12 раз ниже аналогичного показателя Китая (6,0% в год). Не случайно именно средний класс составил основную долю избирателей Д. Трампа, обещавшему ему процветание.

Кстати, в мире есть целый ряд государств, граждане которых вообще не платят налог на доходы физических лиц. Это прежде всего жители богатых нефтедобывающих стран

(ОАЭ, Саудовской Аравии, Катара, Кувейта), Багамских и Бермудских островов, княжества Монако и др. Наполнение бюджета государства происходит за счет иных источников. В некоторых государствах в настоящее время проводится эксперимент по внедрению безусловного базового дохода (*basic income*). Эта концепция предполагает, что государство регулярно и на безвозмездной основе выплачивает своим гражданам сумму, достаточную для удовлетворения базовых потребностей (в жилье, еде и одежде). Впрочем, в той же Швейцарии проведенный в 2016 году референдум не подтвердил готовность ее жителей делиться своими налоговыми отчислениями с теми, кто не готов принимать трудового участия в жизнедеятельности страны.

Интересным примером влияния налогового стимулирования на развитие отрасли промышленности является Норвегия, где в 2017 году был принят соответствующий закон, освобождающий владельцев электромобилей от транспортного налога. В результате доля электромобилей среди всех продаваемых автомашин составила 52% по итогам прошедшего года (самым популярным авто стал Tesla-3). Власти Норвегии исходят не только из экологических соображений, планируя с 2025 года полностью запретить автомобили с бензиновым двигателем, но из чисто прагматичного подхода (больше добываемой нефти и газа может пойти на экспорт, принося дополнительные доходы в бюджет страны). Кроме того, Норвежский фонд благосостояния является одним из инвесторов компании Tesla Илона Маска. Для стимулирования спроса на электромобили, помимо налоговых льгот, норвежские законодатели также предусмотрели субсидии муниципальным властям на такси и общественный транспорт на электрической тяге, бесплатные муниципальные парковки, бесплатное использование выделенных полос в час пик и т. д.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы:

Общемировой тенденцией наиболее развитых стран является не повышение, а снижение налоговой нагрузки на бизнес и всемерная поддержка населения со средним уровнем доходов.

Необходим диверсифицированный подход к налогообложению различных отраслей и компаний, особенно тех, которые могут принести больше пользы обществу. Так, например, наряду с компанией Space X Илона Маска, запустившей в начале 2018 года сверхтяжелую ракету Falcon Heavy, американское правительство предоставило налоговые каникулы на пять лет также и трем его конкурентам, тоже создающим на собственные и заемные средства новые ракеты и космодромы.

В развитых странах происходит сокращение прямых налогов и рост косвенных.

Уже к 2020 году уровень цифровизации в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) позволит полностью контролировать все налоговые поступления в рамках плана действий этой влиятельной международной организации по противодействию размыванию налогооблагаемой базы и выводу прибыли из-под налогообложения (Base Erosion and Profit Shifting, BEPS) [3]. Несмотря на приостановление в 2014 году процесса вступления России в ОЭСР, наша страна продолжает внедрять лучшие практики и базу знаний, существующие в ОЭСР. Россия полностью поддерживает инициативу BEPS и должна быть готова к обмену соответствующей налоговой информацией.

Реформированием системы налогообложения в интересах стимулирования экономики должны заниматься не фискальные органы и министерство финансов, а законодательный орган страны с привлечением широкого круга экспертов.

Налогообложение в современной системе государственного управления в России не гарантирует развития ее экономики. Высокий уровень налогообложения доходов как фи-

зических, так и юридических лиц, а также отсутствие гарантий целевого использования бюджетных средств, предназначенных для реализации программ развития, не позволяют перейти к устойчивым темпам роста национальной экономики и, соответственно, налогооблагаемой базы.

В условиях низких доходов населения России переход к прогрессивной шкале налогообложения станет существенным тормозом экономического роста. По-видимому, сначала необходимо создать условия для увеличения налогооблагаемой базы, сконцентрировав усилия на качестве государственного управления, координации денежно-кредитной, валютной, бюджетной и институциональной политики в рамках единой стратегии социально-экономического развития, исполнение которой обеспечит постоянный рост благосостояния населения страны.

Библиографический список

1. Законопроект № 427315-7. О внесении изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации в части введения прогрессивной шкалы ставки налога на доходы физических лиц. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=427315-7>.
2. President Trump's First Address to Congress. Available at: <http://time.com/4686621/trump-congress-address-transcript/> (20.03.2018).
3. Tax Challenges Arising from Digitalization – Interim Report 2018. Inclusive Framework on BEPS. Available at: <http://www.oecd.org/tax/tax-challenges-arising-from-digitalisation-interim-report-9789264293083-en.htm>.
4. Charles Adams. For Good and Evil. The Impact of Taxes on the Course of Civilization. Second Edition. MADISON BOOKS, Lanham. – 2001. – P. 568.
5. Ernst von Weizsäcker and Anders Wijkman, Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome. Springer Science+Business Media LLC. – 2018. – P. 249.

АНО «Академия менеджмента
и бизнес-администрирования»

РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

www.re-j.ru

Журнал включен в перечень ВАК

Подписка

► В редакции: (499) 152-0490;
podpiska@ideg.ru

► Через интернет-каталог
«Российская периодика»: www.argk.org

► В любом отделении почтовой связи по Объединенному каталогу «Пресса России»;
по каталогу Агентства «Роспечать» — «Газеты. Журналы»; по каталогу МАП «Почта России»

Международные отношения

**РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА
КАК ФАКТОР ИНКЛЮЗИВНОГО РОСТА В РЕГИОНЕ АТЭС**

Алиев Т.М.,
*старший научный сотрудник,
Российский центр исследований АТЭС РАНХ и ГС при Президенте РФ,
Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России*

Аннотация. В статье проведен сравнительный анализ основных параметров развития человеческого капитала в регионе АТЭС, в том числе посредством такого интегрального показателя, как Индекс инклюзивного развития, который был разработан экспертами Всемирного экономического форума. Особое место в работе занимает обзор особенностей социально-экономических систем ведущих экономик АТЭС, влияющих на возможности по обеспечению инклюзивного роста.

Ключевые слова: АТЭС, инклюзивный рост, человеческий капитал, бедность, безработица, неравенство, индекс инклюзивного развития, структурные реформы.

**HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT
AS A FACTOR OF INCLUSIVE GROWTH IN THE APEC REGION**

Aliev T.M.,
*Senior Researcher, Russian APEC Study Center,
Russian Foreign Trade Academy*

Abstract. The article provides a comparative analysis of the main parameters of human capital development in the APEC region, including a complex indicator such as the Inclusive Development Index created by experts of the World Economic Forum. The review of peculiarities of the socio-economic systems in the largest APEC economies affecting the opportunities to make growth more inclusive occupies a special place in the study.

Keywords: APEC, inclusive growth, human capital, poverty, unemployment, inequality, Inclusive Development Index, structural reforms.

Инклюзивная экономика и инклюзивный (или социально ориентированный) экономический рост в последние годы стали центральной темой многих международных организаций, таких как Всемирный банк, МВФ, ОЭСР и др. Фактор человеческого капитала является важнейшим источником современного экономического роста. Так, исследование Всемирного банка «Where is the Wealth of Nations? Measuring Capital for the 21st Century» подтвердило, что человеческий капитал играет главную роль в процессе создания национального и мирового богатства. На рубеже XX–XXI вв. в структуре мирового богатства на нематериальный капитал приходилось 78%, производственный (реальный или физический) капитал — 18%, природные ресурсы — 4% [7].

Сегодня многие международные организации признают три основные проблемы, сохранившиеся после стремительного развития мировой экономики на протяжении последних двух-трех десятилетий: бедность, неравенство и безработицу. Результаты недавнего исследования, которые были представлены на Совещании Министров АТЭС в ноябре 2015 г. в Маниле (Филиппины), показали, что, несмотря на существенное снижение

абсолютной нищеты и увеличение среднего подушевого дохода в регионе АТЭС, выгоды от экономического роста распределяются неравномерно, и разрыв между бедными и богатыми возрастает [3]. В этой связи возникает необходимость в анализе тенденций, характеризующих развитие человеческого капитала в экономиках АТЭС: важно понять, насколько экономический рост в регионе транслируется в повышение уровня и качества жизни населения.

В последние годы мировая (и региональная) экономика сталкивается с препятствиями, связанными с устойчивой макроэкономической неопределенностью и волатильностью, низкими ценами на сырьевые товары и сокращением торговых потоков, возрастающей нестабильностью валютных курсов и потоков капитала, застоём в инвестициях и уменьшением роста производительности труда, продолжающимся разрывом между финансовым и реальным секторами экономики.

До недавнего времени снижение темпов экономического роста в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах вместе с незначительным ростом развитых экономик обуславливали снижение показателей роста мировой экономики. Объяснением этому служили три переходных процесса:

- 1) замедление экономического роста в Китае в результате переориентации его экономики с инвестиций и обрабатывающей промышленности на потребление и услуги;
- 2) снижение цен на энергоресурсы и другие биржевые товары;
- 3) ужесточение денежно-кредитной политики США и ее смягчения в большинстве других развитых стран.

С середины 2016 г. начинают поступать обнадеживающие экономические новости, которые сигнализируют о начале долгожданного подъема глобальной экономики и формируют общую картину улучшения ближайших перспектив ее развития. Текущая макроэкономическая картина отражает глобальное восстановление (см. табл. 1). Подъему экономической активности в мировом масштабе в 2017 г. оказали поддержку монетарная политика и повышение цен на сырьевые товары. Но возобновление роста мировой экономики является неполным, так как он остается слабым во многих странах мира, прежде всего в странах-экспортерах биржевых товаров, в которых продолжается процесс адаптации к резкому сокращению объемов экспортной выручки.

Таблица 1

**Динамика ВВП в различных странах и регионах мира в 2015–2018 гг.
(в % к предыдущему году)**

Регион (страна)	2015	2016	2017	2018*
Мировой ВВП	3,4	3,2	3,6	3,7
Развитые страны	2,2	1,7	2,2	2,0
США	2,9	1,5	2,2	2,3
ЕС	2,3	2,0	2,3	2,1
Страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны	4,3	4,3	4,6	4,9
Китай	6,9	6,7	6,8	6,5
Индия	8,0	7,1	6,7	7,4
Россия	-2,8	-0,2	1,8	1,6
Бразилия	-3,8	-3,6	0,7	1,5

Регион (страна)	2015	2016	2017	2018*
Мексика	2,6	2,3	2,1	1,9
Саудовская Аравия	4,1	1,7	0,1	1,1
ЮАР	1,3	0,3	0,7	1,1
Справочно:				
Мировая торговля товарами и услугами (в физическом выражении)	2,8	2,4	4,2	4,0
Мировые цены на нефть	-47,2	-15,7	17,4	-0,2
Мировые цены на нетопливные биржевые товары	-17,5	-1,8	7,1	0,5

* — прогноз.

Источник: [9].

Эксперты МВФ указывают также на ограниченность перспектив среднесрочного роста по причине сокращения отрицательных разрывов объема производства (оставляющего меньше возможностей для циклического улучшения) и сдерживания потенциального экономического роста под воздействием демографических факторов и слабого роста производительности [9].

Так, в регионе АТЭС происходит трансформация возрастной структуры населения и обостряется проблема его старения, что негативным образом сказывается на производственном потенциале, бюджетных и социальных показателях, создавая дополнительную фискальную и социальную нагрузку. Наиболее остро проблема старения населения стоит в Японии. Уже сегодня в стране почти четверть населения — люди старше 65 лет, а к 2100 г., по прогнозам ООН, пенсионерами будут более трети японцев, тогда как, согласно разработанному в демографии Положению об оптимальной структуре населения, показатель не должен превышать 15%. Для сравнения, в 1950 г. на долю лиц пожилого возраста приходилось всего 5%. Медианный возраст в Японии за 1950–2015 гг. вырос вдвое — с 22,3 до 46,5 лет, а к 2100 г. превысит 51 год [10]. Уровень пенсионной нагрузки в Японии — самый высокий в регионе (42% в 2015 г.), в ряде развитых стран — Австралии, Канаде, Новой Зеландии, США — он превышает 20% [4]. При невысоком уровне производительности труда высокая пенсионная нагрузка, так же, как общая демографическая нагрузка (отношение лиц младше 16 лет и старше 65 лет к трудоспособному населению), обеспечивает низкий уровень подушевых доходов населения. В этой ситуации правительства некоторых стран вынуждены идти на непопулярные меры по повышению пенсионного возраста.

Рассматривая проблему обеспечения занятости в АТЭС, можно отметить наметившуюся в последние годы положительную тенденцию. Однако в ряде экономик она остается высокой (около 7–8%) [8]. На региональном рынке труда недостаточно вакантных мест для молодежи. Высокая безработица среди молодежи связана, в том числе, с увеличением пенсионного возраста. В этих условиях рынок труда сталкивается с ситуацией, когда опытные специалисты «досиживают» на своих рабочих местах до выхода на пенсию, ограничивая возможности для трудоустройства лиц молодого возраста. В регионе статистически фиксируется повышение уровня экономической активности пожилых людей [2].

Для сравнительного анализа основных параметров развития человеческого капитала в экономиках АТЭС обоснована целесообразность использования комплексных (инте-

гральных) показателей как обобщающих индикаторов оценки уровня социально-экономического развития. Оценка этих показателей необходима с точки зрения выработки социально-экономической политики, направленной на повышение уровня благосостояния населения в экономиках АТЭС. Всемирный экономический форум (ВЭФ) недавно представил новый Индекс инклюзивного развития (Inclusive Development Index; IDI), который публикуется в ежегодном докладе «The Inclusive Growth and Development Report» («Инклюзивный рост и глобальное развитие»). IDI базируется на 12 ключевых показателях всестороннего развития, которые объединены в три группы:

- рост и развитие (growth): подушевой ВВП, производительность труда, ожидаемая продолжительность здоровой жизни, уровень занятости;
- вовлеченность (inclusion): медианный доход домохозяйств, уровень бедности, равенство в распределении доходов и богатства;
- равенство между поколениями и устойчивость (intergenerational equity): скорректированные чистые сбережения, уровень демографической нагрузки, государственного долга и загрязнения окружающей среды [5].

Индекс инклюзивного развития характеризует уровень экономического развития стран с учетом его социальной ориентированности (инклюзивности). Из-за разных подходов к определению уровня бедности ВЭФ составляет два рейтинга — для 29 развитых стран и 78 развивающихся стран.

Лидерами инклюзивного роста среди развитых экономик АТЭС, за исключением Гонконга, Сингапура и Тайваня, которые не вошли в рейтинг ВЭФ, являются Австралия и Новая Зеландия, аутсайдерами — США и Япония. Среди развивающихся экономик АТЭС выраженных лидеров нет, первые позиции в региональном рейтинге последовательно занимают Чили, Таиланд, Россия, Перу, Китай и Малайзия, но при этом с большим отрывом от остальных следуют Филиппины, замыкающие ранжированный список (см. рис. 1).

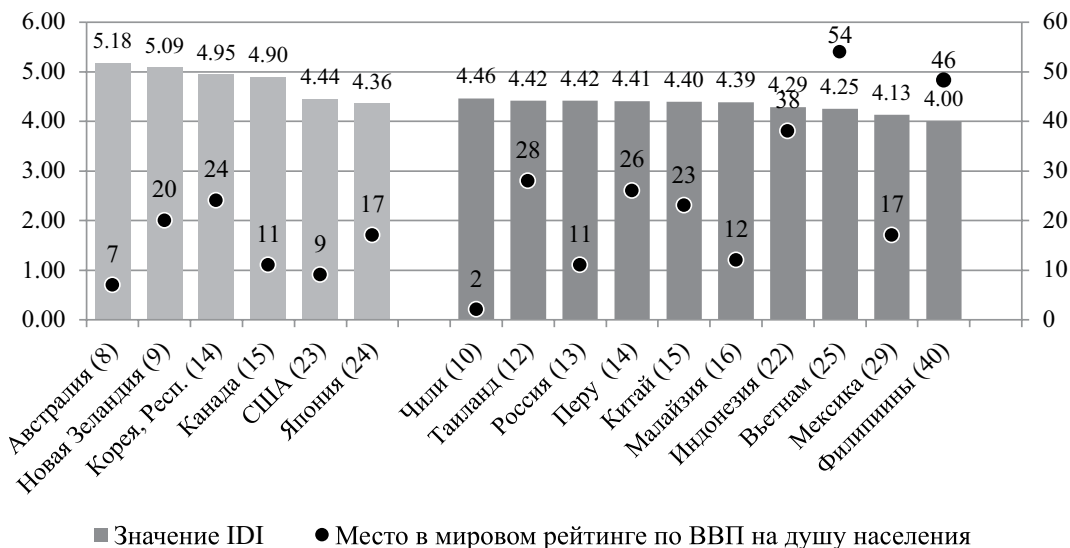

Рис. 1. Ранжирование экономик АТЭС по индексу инклюзивного развития, 2017 г.
Примечание: данные по Брунею, Гонконгу, Папуа-Новой Гвинее, Сингапуру и Тайваню отсутствуют.
Источник: [5].

Для некоторых экономик АТЭС характерен значительный разрыв между подушевым ВВП и индексом инклюзивного развития. Так, США, обладающие самым большим экономическим и инновационным потенциалом, находятся на 9 месте по уровню ВВП на душу населения, но занимают только 23 место в ранжировании развитых стран по индексу ВЭФ. В Японии, Мексике и Чили это соотношение также высокое. В других экономиках — в Новой Зеландии, Республике Корея, Таиланде, Перу, Индонезии и Вьетнаме, — напротив, относительно низкий уровень ВВП на душу населения сочетается с высокими показателями IDI, а в Австралии, Канаде, России и Малайзии оба показателя близки по значению.

Авторы доклада ВЭФ отмечают, что американская модель развития не обеспечивает инклюзивного роста, отражаясь на качестве трудовых ресурсов и потенциальном экономическом росте. В США расходы на профподготовку и содействие в трудоустройстве составляют всего 0,11% ВВП, тогда как средний показатель по ОЭСР достигает 0,6% и более 1% у стран-лидеров рейтинга IDI. Несмотря на неплохие показатели роста ВВП, США входит в тройку развитых стран мира с самым высоким уровнем бедности и неравенства в доходах. Высокий уровень задолженности страны ставит под сомнение ее финансовую устойчивость.

При всей сложности и многообразии системы социального обеспечения США, она является менее всеобъемлющей, чем во многих других странах с развитой экономикой, что не только ограничивает уровень жизни населения, но и создает определенные риски, необходимые для инноваций. Несколько областей требуют особого внимания. Реформа семейной политики, в частности, в сфере предоставления отпусков по уходу за ребенком, может повысить участие женщин в рабочей силе и укрепить кадровый резерв. Повышение заработных плат будет способствовать увеличению потребления, которое было ограничено после финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Хотя налоги на наследство, собственность и капитал оказывают некоторое влияние на сокращение неравенства, в целом налогообложение остается регрессивным.

Япония занимает в рейтинге 24-е место среди 29 стран с развитой экономикой. Некоторые из ее сильных сторон — это самая высокая продолжительность здоровой жизни и относительно низкая концентрация богатства. С другой стороны, страна борется с высоким уровнем бедности: 16% японских домохозяйств зарабатывают менее половины медианного дохода. Кроме того, высокие показатели задолженности и коэффициента долговой зависимости указывают на отсутствие справедливости в отношениях между поколениями в качестве одной из основных проблем. Несмотря на эти неудовлетворительные результаты, Японию по-прежнему отличает наличие системы высококачественного справедливого образования, высококвалифицированной рабочей силы, низкого уровня неформальной занятости и безработицы. Проблемы в области гендерного разрыва, вызывающие озабоченность, — улучшение условий по уходу за ребенком, которое может стимулировать более широкое участие женщин в рабочей силе, что будет иметь решающее значение для страны с усугубляющейся демографической (половозрастной) структурой. Несмотря на высокий уровень активности патентной деятельности, технологическую готовность и значительные частные расходы на НИОКР, в Японии регистрируется относительно небольшое количество новых предприятий, что может быть связано с административными барьерами или негативным отношением к неудачам в бизнесе. Продвижение сильной культуры предпринимательства также будет иметь важное значение для стимулирования экономического роста в стране.

Республика Корея заметно улучшила свое положение в рейтинге за последние пять лет, несмотря на недавние политические потрясения. Для страны характерны высокая норма сбережений, значительные расходы на образование и благоприятная демография. Тем не менее, Республику Корея отличает высокий уровень бедности при высокой занятости, а также один из самых низких в странах с развитой экономикой показатель участия женщин в рабочей силе и значительный разрыв в оплате труда мужчин и женщин. К числу проблем, вызывающих озабоченность, относится борьба крупных семейных финансово-промышленных групп (чеболей), конкурирующих за доступ к ренте.

Китай также улучшил свои позиции в субрейтингах ВЭФ по ряду индикаторов, в первую очередь благодаря относительно высокому росту подушевого ВВП и производительности труда. Но КНР имеет один из худших показателей углеродоемкости ВВП среди развивающихся стран (67-е место), а неравенство по доходам достигло чрезвычайно высоких уровней. Из сильных сторон китайской экономики можно отметить улучшение в сфере занятости благодаря развитию конкуренции, поддержке малого и среднего бизнеса. За последние десятилетия в стране произошло значительное сокращение бедности, однако Китай мог бы сделать больше за счет расширенной системы социальной защиты и целевых бюджетных трансфертов. В будущем основные приоритетные области социально-экономической политики страны будут включать инвестиции в производственную инфраструктуру, а также улучшение здравоохранения и доступа к образованию.

Россия занимает 13 место среди развивающихся стран по индексу инклюзивного развития. Ее медианный уровень жизни относительно высок, а уровень бедности — низок по стандартам развивающихся стран. При сравнительно благополучной ситуации с безработицей, многие вынуждены работать в неформальном секторе, а рабочих мест для молодежи недостаточно. При универсальной и доступной системе образования, требуется повышение ее качества. Еще одной областью для улучшения является финансовый сектор, особенно финансирование МСП. Повышение прогрессивности налогообложения и расширение социальной защиты также улучшат возможности России по обеспечению инклюзивного роста.

* * *

Помимо последствий, связанных с замедлением темпов роста глобальной экономики, и разного рода макроэкономических рисков, экономики АТЭС сталкиваются с рядом проблем, которые могут оказать существенное негативное влияние на темпы и «качество» их экономического роста. Эти проблемы связаны с трансформацией демографической структуры населения, усилением социального неравенства, низкой продолжительностью жизни и невысокими доходами (бедностью), ограниченными возможностями в сфере образования и медицины, цифрового доступа и экологии, увеличением числа стихийных бедствий, обострением продовольственной проблемы и др.

Достижение высоких темпов роста не может рассматриваться как стратегическая цель развития, да и сам экономический рост в современных условиях приобретает новое качество. Далеко не однозначна, как показывают данные исследований, связь между торговлей и инклюзивным ростом [3]. Необходимым условием устойчивого, сбалансированного и инклюзивного роста является повышение жизненного уровня населения и обеспечение социального прогресса, а модернизация экономики должна предполагать значимые

инвестиции в развитие человеческого капитала (в том числе в доступность образования, гибкость рабочего рынка и гендерное равенство).

В АТЭС ведется значительная работа, связанная со структурными реформами, которые будут способствовать повышению потенциального и инклюзивного роста путем увеличения производительности труда, повышения уровня жизни населения и сокращения неравенства, обеспечивая для их реализации необходимые политические рамки. Так, на встрече министров экономик АТЭС, координирующих вопросы реализации структурных реформ, в сентябре 2015 г. в Себу (Филиппины) была достигнута договоренность о стимулировании экономического роста в регионе посредством структурных реформ, приоритеты которой определены в Обновленной повестке дня АТЭС по структурным реформам [6].

Тем не менее, остается необходимость приложения больших усилий для продвижения комплексных реформ в регионе, нацеленных на достижение положительных результатов в экономической, социальной и экологической сферах, создания новых драйверов для инклюзивного развития за счет повышения качества роста и развития человеческого потенциала, как это отражено в Стратегии АТЭС по укреплению качественного роста, разработанной в 2015 г. [1]. Особое место в повестке АТЭС должна занимать проблема социального неравенства. Как считают авторы доклада ВЭФ, рост неравенства во многих странах связан «с недостаточным вниманием к этой проблеме, а не с железным законом капитализма» [5].

Библиографический список

1. APEC Strategy for Strengthening Quality Growth [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.apec.org/Meeting-Papers/LeadersDeclarations/2015/2015_aelm/2015_AnnexA.aspx. – Загл. с экрана.
2. Exploring Quantitative Indicators for Effective Monitoring of APEC-wide Progress on Structural Reform under RAASR 2016-2020. APEC PSU, 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://publications.apec.org/publication-detail.php?pub_id=1768. – Загл. с экрана.
3. Key Trends and Developments Relating to Trade and Investment Measures and their Impact on the APEC Region // APEC Policy Support Unit, November 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://publications.apec.org/publication-detail.php?pub_id=1678. – Загл. с экрана.
4. StatsAPEC [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://statistics.apec.org/>. – Загл. с экрана.
5. The Inclusive Growth and Development Report 2017. WEF, January 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.weforum.org/reports/the-inclusive-growth-and-development-report-2017>. – Загл. с экрана.
6. The Renewed APEC Agenda for Structural Reform (2016-2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (http://www.apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/StructuralReform/2015_structural/AttachmentA.aspx). – Загл. с экрана.
7. Where is the Wealth of Nations? Measuring Capital for the 21st Century // The World Bank, Washington, D.C., 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://siteresources.worldbank.org/INTEEI/214578-1110886258964/20748034/All.pdf>. – Загл. с экрана.
8. World Economic Outlook Database, October 2017. IMF, 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2017/02/weodata/index.aspx/>. – Загл. с экрана.

9. World Economic Outlook, October 2017. Seeking Sustainable Growth: Short-Term Recovery, Long-Term Challenges [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2017/09/19/world-economic-outlook-october-2017>. – Загл. с экрана.
10. World Population Prospects: The 2015 Revision [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/en/development/desa/population/events/other/10/index.shtml>. – Загл. с экрана.

АКАДЕМИЯ МБА
www.a-mba.ru

Академия менеджмента и бизнес-администрирования
ЖУРНАЛЫ ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛОВ

«Российский экономический журнал»
www.re-j.ru

Всестороннее освещение хода реформы в России, пропаганда современных экономических знаний, содействие подготовке экономистов нового поколения — теоретиков и практиков.
Журнал включен в перечень ВАК.

«Финансовая жизнь»
www.flife-online.ru

Научно-практическое аналитическое издание объединяющее интересы профессионалов финансовой, банковской и налоговой сферы, а также сближающее науку, образование и бизнес.
Журнал включен в перечень ВАК.

«Менеджмент и бизнес-администрирование»
www.mba-journal.ru

Предоставление комплексной и систематизированной информации по теории и практике, направленной на повышение качества и эффективности управленческих процессов на различных уровнях хозяйствования.
Журнал включен в перечень ВАК.

Подписка

► В редакции: (499) 152-0490;
podpiska@ideg.ru

► Через интернет-каталог
«Российская периодика»: www.arpk.org

► В любом отделении почтовой связи

РЕКЛАМА

БЮДЖЕТНЫЕ И НАЛОГОВЫЕ ИНСТИТУТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Лыкова Л.Н.,

*доктор экономических наук,
главный научный сотрудник Института экономики РАН*

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы использования бюджетных и налоговых институтов в процессе модернизации отечественной экономики. Дается общая характеристика динамики и основных направлений программных расходов федерального бюджета в последние годы. Показано, что динамика программных расходов отстает от непрограммных, а доля программных расходов имеет тенденцию к сокращению. Рассмотрены некоторые аспекты формирования институтов управления имеющимися программами на федеральном уровне. Дана характеристика основных действующих элементов налоговых институтов поддержки модернизации и сформулированы предложения по возможному расширению их круга и модификации.

Ключевые слова: бюджетная политика, институты модернизации, налоговые льготы, инвестиционные льготы, программные расходы бюджета.

FISCAL INSTITUTIONS OF THE ECONOMY MODERNIZATION

Lykova L.N.,

*Doctor of Economic Sciences,
Principal Researcher of the Institute of Economics of the RAS*

Abstract. The article deals with some issues of the fiscal institutions engaged in the domestic economy modernization. General characteristics of the dynamics and main directions of the Federal budget program expenditures in recent years are given. It is shown that the dynamics of program expenditures lags behind non-program ones, and the share of program expenditures tends to decrease. Several aspects of the building of the institutions of the existing programs at the federal level are considered. Characteristic of the main elements of the tax institutions of support the economy modernization is given and some proposals to possible expansion of their circle and modification are formulated.

Keywords: budget policy, modernization institutions, tax incentives, investment tax incentives, program budget expenditures.

Формирование и проведение последовательной государственной экономической политики, нацеленной на модернизацию отечественной экономики, предполагает разработку и взаимную увязку значительного перечня различных инструментов, взаимодействие государственных структур и целой сети институтов как государственных, так и общественных, а также институтов частного сектора. Однако все это теряет смысл, если не опирается на четкое определение целей проводимой политики, выделенных национальных приоритетов в этой области и определения социальных последствий проводимой политики для населения.

В качестве цели экономической политики, направленной на социально-экономическое развитие не только в долгосрочном, но и в среднесрочном и особенно — в краткосрочном аспекте, должно рассматриваться повышение уровня и качества жизни населения. Таким образом, именно влияние на уровень и качество жизни основной части населения должно выступать в качестве критерия принятия решений и выбора кон-

кретных направлений развития и инструментов реализации экономической политики. Причем названные критерии должны применяться как в отношении целей, так и в отношении средств их достижения. В этих условиях проведение модернизации экономики в ущерб или за счет качества жизни населения в принципе недопустимо.

Различные аспекты и подходы к процессам модернизации отечественной экономики как с практико-ориентированной, так и с теоретической точки зрения рассматриваются в отечественной экономике уже более десяти лет. Основное внимание авторов сосредоточено на теоретических проблемах структурной модернизации и оценках текущей экономической ситуации и макроэкономической динамики через призму проблем модернизации [6, 8, 13, 14]. Существенное внимание уделяется региональному аспекту модернизации [4, 7, 9, 11], а также институциональным аспектам [10].

Рассмотрим некоторые элементы системы бюджетных и налоговых институтов поддержки модернизации отечественной экономики. Имеющиеся инструменты государственной экономической политики можно сгруппировать в два блока — финансовый и административный. Указанное разграничение весьма условно, поскольку мероприятия финансового блока всегда нуждаются в административном и институциональном сопровождении, а мероприятия административного блока предполагают зачастую весьма существенные финансовые ресурсы. Финансовый и административный аспекты присущи как бюджетным институтам, так и налоговым. Далее вопросы бюджетной и налоговой поддержки модернизации экономики будут рассматриваться через призму соотношения этих двух блоков или аспектов.

1. Бюджетные институты

Проблемы формирования институтов модернизации отечественной экономики в рамках бюджетных инструментов могут быть рассмотрены через призму двух ключевых явлений или аспектов. Во-первых, с точки зрения характеристик прямых и косвенных расходов бюджетной системы на реализацию целей и задач модернизации. Во-вторых, с точки зрения институциональной организации этих расходов. Применительно к сложившейся в настоящее время бюджетной модели в обоих случаях ключевую роль будут играть программные расходы бюджетов и их организационный аспект. Остановимся на некоторых элементах этих двух аспектов — на динамике программных расходов и некоторых вопросах бюджетного планирования применительно к ним.

Программные расходы

Реализация приоритетов модернизации отечественной экономики предполагает разработку, увеличение объемов и четкое последовательное финансирование государственных программ (через которые осуществляется проведение в первую очередь промышленной политики). На протяжении последних лет программные расходы федерального бюджета росли более медленными темпами, чем непрограммные. Так, по сравнению с 2014 г. непрограммные расходы увеличились на 16,3%, в то время как программные только на 5,4%. Соответственно изменилось и соотношение — если в 2014 г. программные расходы составляли 51,1% всех расходов федерального бюджета, по итогам 2015 г. их доля составляла 49,4%, а в 2017 г. — уже только 48,6%. Отчасти это является следствием ускоренного роста объема социальных расходов и прямых и косвенных трансфертов населению.

В таблице 1 представлены расходы федерального бюджета по итогам 2017 г. в части программных расходов по укрупненным блокам программ и по программам в части блока «Инновационное развитие и модернизация экономики», в состав которого входят 18 программ.

Таблица 1

**Программные расходы федерального бюджета
(фактическое исполнение, 2017 г., млн руб.)**

	Млн руб.	% к итогу	Темпы роста к 2014 г., %
Программные расходы – всего	7 989 375,97	100	105,44%
в том числе:			
Новое качество жизни (12 прогр.)	3 273 559,89	40,97	95,17
Инновационное развитие и модернизация экономики (18 прогр.)	2 224 409,60	27,84	103,01
В том числе:			
Государственная программа Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы	160 302,08	2,01	105,25
Государственная программа Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика»	103 172,35	1,29	54,49
Государственная программа Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»	266 987,11	3,34	173,84
Государственная программа Российской Федерации «Развитие авиационной промышленности на 2013–2025 годы»	55 508,85	0,69	93,91
Государственная программа Российской Федерации «Развитие судостроения и техники для освоения шельфовых месторождений на 2013–2030 годы»	12 379,72	0,15	50,11
Государственная программа Российской Федерации «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности на 2013–2025 годы»	9 891,65	0,12	67,33
Государственная программа Российской Федерации «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности на 2013–2020 годы»	10 901,94	0,14	80,83
Государственная программа Российской Федерации «Космическая деятельность России на 2013–2020 годы»	153 165,01	1,92	101,12
Государственная программа Российской Федерации «Развитие атомного энергопромышленного комплекса»	69 592,49	0,87	47,69

	Млн руб.	% к итогу	Темпы роста к 2014 г., %
Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)»	118 305,30	1,48	95,14
Государственная программа Российской Федерации «Развитие транспортной системы»	844 691,37	10,57	106,07
Государственная программа Российской Федерации «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы»	233 775,42	2,93	125,29
Государственная программа Российской Федерации «Развитие рыбохозяйственного комплекса»	10 890,40	0,14	103,80
Государственная программа Российской Федерации «Развитие внешнеэкономической деятельности»	84 793,26	1,06	114,21
Государственная программа Российской Федерации «Воспроизводство и использование природных ресурсов»	47 901,57	0,60	75,02
Государственная программа Российской Федерации «Развитие лесного хозяйства на 2013–2020 годы»	27 537,27	0,34	86,18
Государственная программа Российской Федерации «Энергоэффективность и развитие энергетики»	7 938,52	0,10	58,12
Государственная программа Российской Федерации «Развитие оборонно-промышленного комплекса»	6 675,29	0,08	85,36*
Обеспечение национальной безопасности (1 прогр.)	2 039,01	0,03	93,01
Сбалансированное региональное развитие (5 прогр.)	999 272,13	12,51	119,37
Эффективное государство (4 прогр.)	1 490 095,34	18,65	136,45

* 2017 г. в % к 2016 г.

Источник: рассчитано по [15, 17, 18].

В общем объеме программных расходов в 2017 г. на блок программ, связанных с инновационным развитием и модернизацией экономики (по формальным признакам), приходится 27,8%. Основной объем программных расходов осуществляется в рамках блока «Новое качество жизни» (12 программ). За три последних года сформировалась тенденция к сокращению и доли этой группы программ, и их абсолютного значения. Так, объемы финансирования этих программ за четыре года сократились на 4,8% или на 166,3 млрд руб.

Устойчиво растут расходы по блоку программ «Эффективное государство» (4 программы), доля которых в общем объеме программных расходов федерального бюджета увеличилась с 14,4% в 2014 г. до 18,7% в 2016 г. В целом за четыре года финансирование этого блока программ увеличилось на 36,5% (рис. 1).

В блоке программ «Инновационное развитие и модернизации экономики» основной объем финансирования приходится на программу «Развитие транспортной системы» (10,6% программных расходов), а также «Космическая деятельность России на 2013–2020 годы» (2,5%), «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы» (2,9%) и программу «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» (3,3%). В последние годы наиболее быстрыми темпами в рамках данного блока росло финансирование сельского хозяйства (на 25,3% к уровню 2014 г.) и программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» (на 73,8%).

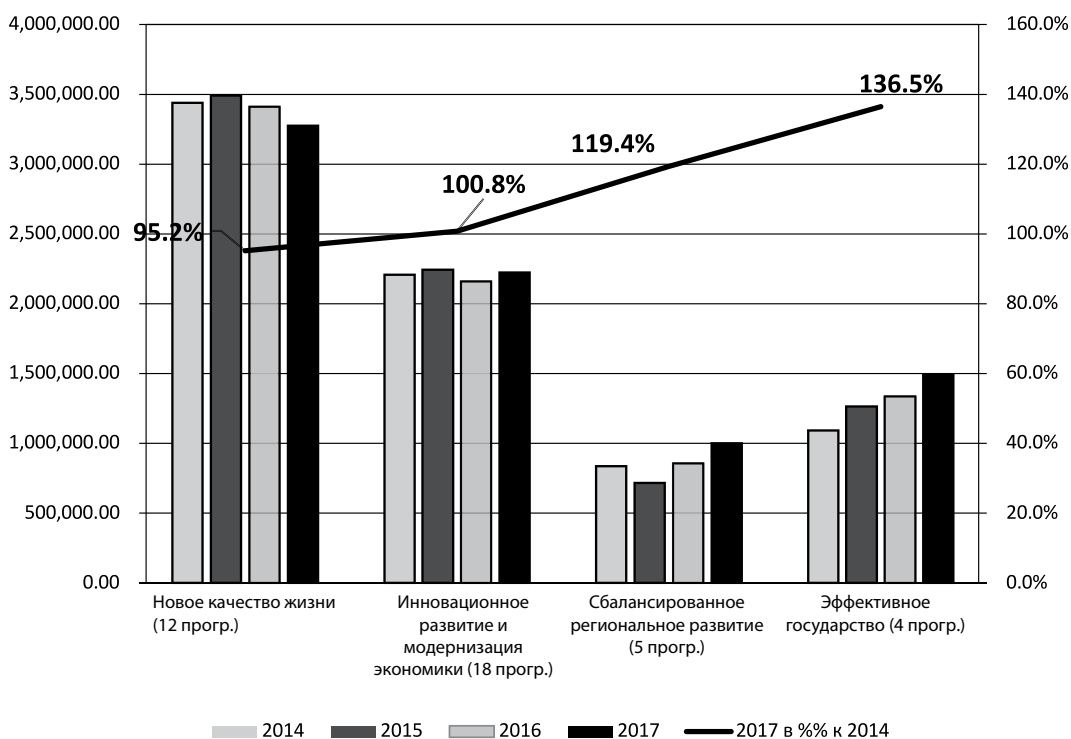

Рис. 1. Динамика программных расходов федерального бюджета (по блокам программ) в 2014–2017 гг., млн руб.

Источник: [15, 16, 17, 18].

В целом же по блоку программ, нацеленных на инновационное развитие и модернизацию экономики, объемы финансирования растут крайне незначительно (на 0,8% за четыре года), что существенно ниже инфляции. Существенное сокращение объемов финансирования на протяжении последних лет наблюдается по таким программам, как «Экономическое развитие и инновационная экономика» (на 45,5%); «Развитие судостроения и техники для освоения шельфовых месторождений на 2013–2030 годы» (на 49,9%); «Энергоэффективность и развитие энергетики» (на 41,9%).

Динамика объемов финансирования и всего блока программных расходов и отдельных программ не дает информации о степени достижения установленных в рамках программ целей и может лишь служить иллюстрацией объема и динамики ресурсов, которые могут быть задействованы в рамках данного процесса.

Бюджетное планирование в системе бюджетно-налоговых институтов

К числу бюджетных инструментов административного блока может быть отнесена долгосрочная бюджетная стратегия и система стратегического планирования, базирующаяся на [1]. Однако имеющийся в настоящее время в РФ опыт стратегического планирования носит ограниченный и достаточно проблемный характер [5, 12].

В настоящее время в рамках прогноза долгосрочного социально-экономического развития РФ (в частности — на период до 2030 г.) прогноз основных параметров бюджетной системы является простым результатом прогноза динамики различных секторов отечественной экономики и российских регионов. Фактически не учитывается обратное влияние бюджетных параметров на динамику социально-экономических процессов. Параметры бюджетной системы, с одной стороны, являются следствием динамики макрохозяйственных и социальных процессов в экономике, а с другой — оказывают на эти процессы весьма существенное влияние. Даже в рамках системы целеполагания бюджетная стратегия и бюджетные процессы играют весьма активную роль. Это относится как к макропоказателям уровня налоговой нагрузки и ее двух ключевых компонентов (нагрузки на нефтегазовый сектор и ненефтегазовый сектор), так и к масштабам расходной части бюджетной системы и долговой нагрузки на экономику.

Задачами долгосрочного бюджетного планирования являются:

- обеспечивать стабильность и устойчивость программных расходов бюджетной системы (бюджета расширенного правительства) в соответствии с определяемыми целями и приоритетами;
- обеспечивать стабильность и устойчивость программных расходов региональных бюджетов в рамках системы межбюджетных отношений и бюджетного выравнивания;
- обеспечивать уточнение параметров бюджетной системы с учетом изменяющихся макроэкономических глобальных трендов (в частности, долгосрочного тренда динамики цен на энергоносители);
- определять сравнительную эффективность/целесообразность использования тех или иных балансирующих систему элементов (выбор между сокращением/ростом расходов, повышением/снижением налоговой нагрузки, ростом/сокращением объемов госдолга, изменением параметров суверенных фондов) применительно к конкретной прогнозируемой социально-экономической ситуации. В рамках данного блока необходимо установление обоснованных контрольных значений названных выше бюджетных параметров (доходы, расходы, долг, фонды);
- устанавливать «потолки» программных расходов, включающих в себя прямые бюджетные расходы и налоговые расходы. Должна быть предусмотрена возможность и механизм пересмотра «потолков» расходов с учетом оценок эффективности реализации программы в целом (степень достижения целей программы) и эффективности расходов в рамках программы (по общей сумме и отдельно по прямым расходам и по налоговым расходам). При этом «потолки» программных расходов могут различаться в рамках различных сценариев экономического развития (консервативный, инновационный);

- допускать введение новых программ (агрегирования действующих программ, формирование блоков программ) в среднесрочном и долгосрочном периоде на основе четко закрепленного механизма;
- предусматривать в качестве самостоятельного блока оценку рисков долгосрочного социально-экономического развития в рамках каждого из сценариев бюджетной стратегии (в первую очередь, внешних рисков) и степени подверженности бюджетной системы внешним шокам.

Программный подход к бюджетному планированию позволяет четко определить цели, на выполнение которых направлено бюджетное финансирование, а значит, и оценить степень приближения к заявленной цели и эффективность осуществленных расходов. При этом сформированные в настоящее время госпрограммы, которые распадаются на подпрограммы, а некоторые включают в себя и федеральные целевые программы, носят достаточно укрупненный характер. В этих условиях цели программ отчасти размываются, что затрудняет оценку их достижения и увязку конкретных категорий расходов с установленными целями. Интегрирование разработанных федеральных целевых программ в состав госпрограмм приводит к существенному «понижению» статуса сформированных целей и показателей этих программ.

Против полноценной реализации программного бюджетирования работает также существенная доля трансфертов физическим лицам в структуре некоторых программ. Имеющие место в настоящее время попытки (стремление) максимизировать долю программных расходов в структуре расходов бюджетной системы (федерального бюджета, в первую очередь) приводит к подрыву возможностей реализации собственно программного метода управления и финансирования. Как было показано выше, эти попытки пока существенными успехами не увенчались, поскольку в силу необходимости наращивания прямых трансфертов населению, доля программных расходов не растет и даже несколько снижается. Отчасти сегодняшние программы представляют собой просто иную форму представления бюджетных планов и бюджетной отчетности, а не реализацию программного-целевого метода как такового.

В этих условиях задачей является более четкая формализация уже разработанных программ и вывод за их пределы (или недопущение включения) определенных категорий расходов непрограммного характера. Вопрос разграничения в рамках бюджетной системы программных и непрограммных расходов сегодня стоит достаточно остро. Фактически в рамках бюджета (федерального, бюджета субъекта федерации, бюджета муниципального образования) должны выделяться программная и непрограммная части, режим управления которыми должен существенно различаться по всем стадиям (прогнозирования, планирования, текущего управления, отчетности и аудита).

Используемый в настоящее время подход к формированию госпрограмм ставит вопрос и об органах управления программами. Сегодня ими выступают отдельные министерства, а по некоторым программам — несколько министерств (по подпрограммам). Фактически орган управления программой не формируется, а его функции возлагаются на сформированный для реализации совершенно иных целей институт. Для этого института вопросы управления программами являются вторичными и фактически поглощаются иными функциями. В настоящее время для большинства сформированных из нескольких блоков госпрограмм практически невозможно сформировать полноценный

орган программного управления, госпрограммы управляются не как программы, а как прямые бюджетные расходы.

Существенной проблемой является сложившаяся система необязательности финансирования программ. Отчасти эта необязательность компенсирует существенные недоработки и прямые ошибки при формировании отдельных программ, но может и препятствовать достижению целей программ.

В этих условиях на повестку дня может быть поставлен вопрос о формировании в рамках федерального бюджета (а также бюджета субъекта федерации) не подлежащей переутверждению программной части — части, сформированной программными расходами в рамках соответствующих законов о госпрограммах. Такой подход позволит обеспечить безусловное финансирование в текущем бюджетном году утвержденных программ, но потребует существенного (принципиального) повышения качества разработки программ и формирования механизма управления программами со стороны специального органа управления конкретной программой.

Самостоятельную проблему представляет оценка эффективности управления бюджетными расходами, которая предполагает выстраивание двух моделей оценки — для программной части бюджета и для непрограммной.

Для программной части необходим мониторинг текущего исполнения программ, который включает оценку эффективности реализации целей программы со стороны органа управления программой и со стороны независимого аудитора (Счетной палаты или иного органа). В рамках мониторинга должны отслеживаться не только отдельные программы и их показатели, но и близкие по целям или связанные по ресурсам и/или исполнителям (или бюджетополучателям) программы.

Необходим также учет общей и сравнительной эффективности расходов по программам. При этом сравнительная эффективность предполагает оценку и сравнение эффективности прямых и налоговых расходов в рамках каждой из программ и между связанными программами.

Налоговые институты модернизации экономики

Основными налоговыми инструментами, нацеленными на модернизацию и реструктуризацию отечественной экономики, являются особенности налогообложения в различных секторах экономики (которые формируют отраслевые налоговые режимы, формально функционирующие в рамках общего налогового режима) и налоговые льготы и преференции, которые предоставляются в соответствии с действующим федеральным и региональным законодательством. Остановимся более подробно на некоторых особенностях налоговых льгот и налоговых режимов, которые могут быть задействованы в процессе модернизации отечественной экономики.

В рамках формирования системы налоговой поддержки модернизации экономики могут быть задействованы налоговые льготы и преференции по таким налогам, как налог на прибыль организаций, налог на имущество организаций, налог на добычу полезных ископаемых и НДС. На долю этих налогов сегодня приходится более 60% всех доходов консолидированного (расширенного) бюджета.

Действующая в настоящее время модель налогообложения прибыли базируется на принципе пропорционального налогообложения и не предполагает выраженных объемов налоговых льгот для предприятий и организаций, осуществляющих активный инвестиционный процесс или инновационную деятельность. Наиболее значительными по

объемам налоговыми льготами по налогу на прибыль (связанными с инвестиционными процессами) являются применение повышающих коэффициентов к нормам амортизации (расчетное снижение суммы налога на прибыль составило 6,2%¹), нелинейной амортизации (снижение на 1,4%) и амортизационной премии обоих видов (снижение на 9,1%).

Модель пропорционального налогообложения нейтральна к циклическим колебаниям доходов экономических агентов. Это приводит к тому, что в условиях кризисов (негативных шоков) возникает необходимость перехода на «ручное управление» (ярким примером этого является необходимость понижения ставки налогов в 2009 г.).

Налоговые льготы представляют собой один из наиболее часто упоминаемых и активно используемых инструментов поддержки инновационной активности, поэтому на этой форме мы остановимся чуть более подробно.

С определенной долей условности можно выделить следующие формы налоговых льгот, которые могут быть в той или иной форме задействованы в процессе формирования модели налоговой поддержки модернизации экономики:

- особые режимы амортизационных отчислений в рамках налоговой амортизации;
- инвестиционные налоговые кредиты;
- инвестиционная налоговая льгота по налогу на прибыль как альтернатива или расширение возможностей использования амортизационной премии;
- льготы по налогу на имущество;
- расширение перечня вычитаемых расходов по формированию инвестиционных фондов.

В настоящее время налоговое законодательство устанавливает довольно широкий перечень видов оборудования, по которым *амортизационные отчисления* могут начисляться с повышающими коэффициентами. Однако в реальности повышающие коэффициенты активно применяются организациями:

- по оборудованию, эксплуатируемому в агрессивной среде (79% общей суммы амортизации);
- по оборудованию, эксплуатируемому на условиях лизинга (9%);
- по оборудованию, используемому в условиях повышенной сменности (10%).

В отношении же основных средств, относящихся к объектам, имеющим высокий класс энергетической эффективности, в 2016 г. повышающие коэффициенты использовали всего 18 налогоплательщиков, а доля амортизации в общем объеме амортизации с повышающими коэффициентами составляла 0,1%. В расчете же на одного налогоплательщика сумма амортизации по данной «льготной позиции» составила 67 млн руб., в то время как по «агрессивной среде» — 246 млн руб., а по повышенной сменности — 525 млн руб.

Сегодня остается открытым вопрос о формировании специальных режимов амортизационных отчислений, которые могут предоставляться по основным средствам, используемым при проведении НИОКР; по оборудованию, задействованному в технологических процессах, являющихся результатом собственных разработок с использованием запатентованных компонентов; в технологических процессах, использующих приобретенные патенты.

¹ Здесь и далее рассчитано по [19].

Российское налоговое законодательство не предусматривает иного, чем общий (Ст. 259 НК РФ), режима амортизационных списаний для оборудования, используемого в процессе научных исследований и опытно-конструкторских разработок. В то же время предусмотренный в Ст. 259 п. 7 Налогового кодекса РФ повышающий коэффициент амортизационных отчислений (3) можно было бы распространить на основные средства, используемые при проведении НИОКР, а также на основные средства, используемые при производстве запатентованных товаров и (или) в технологических процессах, получивших патентную защиту.

Самостоятельным направлением использования налоговых льгот, которое сегодня практически не задействуется российским налоговым законодательством, являются *инвестиционные налоговые кредиты*.

В настоящее время инвестиционный налоговый кредит, предусмотренный Ст. 66 и 67 Налогового кодекса РФ, представляет собой специфически отечественное изобретение — разновидность кредитного соглашения между налогоплательщиком и государством в лице налогового органа. В соответствии с этим кредитным соглашением имеет место отсрочка налогового платежа на срок до пяти лет с установлением процентной ставки по такому кредиту не менее $\frac{1}{2}$ и не более $\frac{3}{4}$ ставки рефинансирования Центрального Банка (см. п. 6 Ст. 67 НК РФ). Налоговый кредит может предоставляться при наличии одного из трех оснований — проведения организацией НИОКР или технического перевооружения собственного производства, при осуществлении организацией внедренческой или инновационной деятельности и при выполнении организацией особо важного заказа по социально-экономическому развитию региона (п. 1. Ст. 67 НК РФ).

В значительной мере Ст. 66 и 67 Налогового кодекса являются «преемниками» действовавшего до 1999 г. закона [2]. В целом эффективность и старого закона, и его последующей редакции в качестве статей Налогового кодекса показали невысокую эффективность. Так, еще до введения Кодекса по старому закону инвестиционный налоговый кредит по местным и региональным налогам предоставлялся преимущественно по третьему основанию — выполнение «особо важного заказа», строго говоря, не имеющего отношения к инновационной, а зачастую даже и к инвестиционной деятельности.

Сегодня статьи Налогового кодекса, определяющие порядок предоставления инвестиционного налогового кредита, в значительной мере устарели и требуют существенной корректировки.

В российское налоговое законодательство термин «налоговый кредит» первоначально попал из англоязычного налогового законодательства США, Канады и Великобритании. В этих странах он представляет собой налоговые вычеты — вычеты некоторой части доходов или расходов из суммы налогового платежа, а отнюдь не форму рассрочки. Строго говоря, объединяет эти две «разновидности» налогового кредита только название — в отношении второй модели оно представляет собой просто некорректный перевод англоязычного термина *investment tax credit*, исторически закрепившееся в отечественной литературе.

Представляется, что в рамках отечественного налогового законодательства в целях поддержки инновационной активности можно было бы использовать аналогичный механизм — бесплатный и безвозвратный налоговый «кредит» — вычет. В этом случае он будет представлять собой государственное участие в финансировании инвестиционных расходов или расходов на НИОКР частных компаний. Так, например, возможно доленое государственное участие в виде вычета из суммы начисленного налогового платежа (по налогу на

прибыль организаций) 20% фактически произведенных расходов на НИОКР в рамках указанной государственной Программы. Это на деле будет означать, что при налогообложении прибыли экономический агент, участвующий в программе, получает право на суммарный вычет не 100% фактически осуществленных расходов на НИОКР (или 150% с учетом поправочного коэффициента, установленного п. 7 Ст. 262), а почти 183% осуществленных расходов по тем видам расходов (объектам), которые определены программой. Введение этой формы налогового кредита требует существенной редакции Ст. 66, в частности, п. 1. Относительно более простым образом этот же результат может быть достигнут за счет дополнения Ст. 286 «Порядок исчисления налога и авансовых платежей» соответствующими положениями. На основе этой конструкции налоговых вычетов может быть сконструировано довольно значительное число конкретных вариантов налоговых льгот.

Так, начиная с 2018 г. вводится в действие «инвестиционный налоговый вычет», предусмотренный Ст. 286.1 НК РФ, в соответствии с которым организация может вычесть до 100% фактически осуществленных инвестиций в объекты, относящиеся к III-VIII амортизационным фондам. При этом сумма налога, поступающего в региональный бюджет, должна быть не менее 5% облагаемой прибыли (может быть вычтено до 90% инвестиций), а поступления в федеральный бюджет могут быть сокращены до 0 (может быть вычтено 10% инвестиций). Для этого необходимо принятие соответствующего закона субъекта федерации, который может установить иные значения предельной суммы вычитаемых расходов. Так, в апреле 2018 г. законодательством Республики Карелия был введен инвестиционный налоговый вычет в сумме 50% расходов на приобретение (модернизацию) основных средств, при этом минимальная ставка составляет 8,5% [3].

Действующая в настоящее время модель стимулирования модернизации экономики и поддержки инвестиционной активности в рамках налогообложения прибыли носит двойственный характер. Федеральное законодательство определяет ключевые инструменты, а виды деятельности, виды производств, отраслевые характеристики и иные конкретные направления стимулирования определяют субъекты РФ исходя из фактически региональных приоритетов. В результате единой стратегии с точки зрения конкретных направлений стимулирования не просматривается.

Еще раз подчеркнем, что в основе всех конструкций налоговых льгот, нацеленных на поддержку инновационного процесса в экономике, должны лежать государственные приоритеты. Учет региональных целей и задач необходим, однако вторичен.

В качестве относительно самостоятельного направления расширения возможностей поддержки инновационной активности может быть предложено расширение круга льгот (права на доналоговый вычет расходов) по перечислению средств в государственные научные фонды (РФТР и др.). Имеющаяся в действующем Налоговом кодексе льгота (Ст. 262 Налогового кодекса РФ) может быть расширена как за счет расширения круга фондов, в которые могут производиться указанные отчисления, так и за счет повышения норматива с 1,5% доходов (валовой выручки) налогоплательщика от реализации до 2%. В основе такого расширения должны лежать положения государственной Программы.

Для целей поддержки инновационной активности возможно также применение льгот по налогу на имущество организаций в отношении основных средств, используемых в научных целях, при осуществлении НИОКР, опытно-экспериментальной базы и т.п.

Это может быть сделано в виде исключения из состава облагаемой базы нового установленного и введенного в действие оборудования этих категорий, в течение первых двух лет его эксплуатации. Эта льгота может быть:

- введена как установленная Налоговым кодексом в качестве обязательной, так и допускаемой Налоговым кодексом в качестве региональной налоговой льготы;
- установлена для определенных видов оборудования, используемого при осуществлении НИОКР, в некоторых технологических процессах (определенных программой).

Наиболее предпочтительной схемой выглядит предоставление в рамках Налогового кодекса субъектам федерации права устанавливать такую льготу на своей территории. Это позволит не перегружать Кодекс излишними деталями и подробностями, а вывести их в региональное налоговое законодательство, которое позволит более точно и корректно учесть специфику отдельных производств.

Здесь могут возникнуть определенные бюджетные проблемы в том случае, если субъекты федерации будут активно использовать предоставленное им право — некоторое сокращение доходов, поступающих в бюджеты соответствующих регионов (некоторые из которых являются реципиентами дотаций на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности). Действующий механизм расчета трансфертов приводит к тому, что подобного рода льготы предоставляются за счет регионального бюджета и не компенсируются федеральным бюджетом. Отсюда велика вероятность того, что субъекты федерации с напряженным бюджетом и значительной долей льготлируемых видов деятельности в целом в региональной экономике будут воздерживаться от предоставления подобных льгот (хотя имевшаяся практика льготирования по региональным налогам этой версии ранее не подтверждала). В этом случае можно использовать механизмы межбюджетных отношений для корректировки возникающих проблем. Эти проблемы скорее могут коснуться отдельных муниципальных образований, на территории которых расположены соответствующие объекты. И здесь может возникнуть ситуация, при которой субъект Федерации будет вынужден (если сможет) компенсировать «выпадающие» доходы, что чревато опасностью возникновения конфликта интересов субъекта Федерации и муниципалитета.

Принимая решение о формировании системы налоговых льгот, следует учитывать ряд обстоятельств, взвешивая все «за» и «против».

Большая часть приведенных выше налоговых льгот по сути представляют собой государственное финансирование определенной части расходов на НИОКР и капиталовложений, осуществляемых в частном секторе. Поэтому введение льгот в открытом виде приведет к тому, что основная часть «налоговых расходов» будет уходить в крупные компании, которые имеют достаточно собственных средств для финансирования НИОКР (Газпром, нефтедобывающие компании). Проблема поддержки инноваций в отраслях, где существенную часть составляют относительно небольшие компании и фирмы, сохранится. Их доля в общей сумме такой поддержки будет существенно меньше их доли в общем объеме производства. Это хорошо известная проблема построения бюджетных расходов, которая возникает при использовании пропорциональных грантов, компенсирующих фактические расходы в соответствии с установленными нормативами — основной объем помощи уходит самым богатым (регионам, фирмам, отдельным реципиентам). В этих условиях рано или поздно неизбежно возникнет проблема дополнительной поддержки малых предприятий, осуществляющих инновационную деятельность.

Одним из направлений в рамках долгосрочной реструктуризации экономики с целью сокращения зависимости доходов бюджетной системы от нефтегазового сектора может стать:

1. Отказ от налоговых льгот по налогу на добычу полезных ископаемых при разработке новых месторождений (в том числе, на континентальном шельфе). На основании тщательной ревизии выданных лицензий и долгосрочных контрактов, гарантированных Прави-

тельством, необходима разработка концепции ограничения наращивания нефте- и газодобычи, а также отказ от скрытого (через налоговые льготы) субсидирования этих отраслей.

2. Постепенный поэтапный переход от полного возмещения «входящего» НДС при экспорте углеводородов к возмещению по нормативу 30%. Например, переход в 2019 г. к расчету суммы НДС, выставляемого к возмещению при экспорте сырой нефти, с коэффициентом 0,9 (при сохранении нулевой ставки НДС при экспорте), с доведением данного коэффициента до 0,3 к 2030 г. Данная мера ограничит посленалоговую доходность в этом сегменте и увеличит доходы бюджета (федерального).

Эта мера также может повысить интерес компаний к переработке углеводородов на территории страны и экспорту продукции уже более высоких переделов.

Реализация данных мер должна сопровождаться жестким контролем за динамикой цен на внутреннем рынке нефтепродуктов. Опыт последних лет показывает, что все тенденции к некоторому сокращению доходности в нефтегазовом сегменте автоматически транслируются в повышательную динамику цен. В результате сложившегося механизма ценообразования нефтегазовый сектор сохраняет исходный (более высокий) уровень доходности за счет остальной части экономики.

Большинство названных выше мероприятий предполагает пересмотр всей сформировавшейся на протяжении последних лет концепции налоговой политики. Прежде всего, речь идет об отказе от минимизации налоговых льгот и тенденции сформировать единое налоговое поле, не предполагающее выделения зон и сегментов с пониженным уровнем налогообложения. Не возражая против подхода, нацеленного на минимизацию налогового маневрирования и сокращение легальных возможностей снижения налоговых платежей, отметим, что в рамках концепции налоговой политики, отрицающей налоговые льготы, поддержка инновационного сектора экономики возможна только через систему прямых бюджетных субсидий. А это не столько решает проблему, сколько переводит ее в другую плоскость.

Большая часть из описанных выше мероприятий адресуется институтам федерального уровня, но некоторые из них могут формировать компоненты и рычаги, осуществляемые на региональном уровне.

Подводя итоги сказанному выше, необходимо еще раз подчеркнуть, что бюджетные и налоговые институты поддержки модернизации отечественной экономики на базе инновационных процессов должны базироваться на четком определении приоритетов развития экономики, ее отраслей, сегментов и видов экономической активности. При этом социальный аспект последствий тех или иных мер и мероприятий должен учитываться и оцениваться как на стадии их (мероприятий) разработки, так и на стадии реализации.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru/70684666/>. Дата обращения: 07.06.2018.
2. Закон РФ «Об инвестиционном налоговом кредите» от 20 декабря 1991 г. № 2071-1 в редакции закона от 16.07.92 № 3317-1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194. Дата обращения: 07.06.2018.
3. Закон Республики Карелия от 04.04.2018 № 2225-ЗПК «О внесении изменений в Закон Республики Карелия «О налогах (ставка налогов) на территории Республики Карелия». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1000201804050001>. Дата обращения: 23.05.2018.

4. Бахтизин А.Р., Акиндеева Е.В. Сравнительные оценки инновационного потенциала регионов Российской Федерации. // Проблемы прогнозирования. – 2013. – № 3. – С.73–81.
5. Ермилина Д.А. Стратегическое планирование в России: история и современность // Проблемы рыночной экономики. – 2016. – № 1. – С.4–10.
6. Курнышева И.Р. Структурная модернизация российской экономики в контексте современной конкурентной среды. // Современная конкуренция. – 2017. – Том. 11. – № 5 (65). – С. 33–45.
7. Малкина М.Ю., Пыхтеев Ю.Н. Структурные сдвиги и проблемы модернизации экономики региона (на примере Нижегородской области). // Региональная экономика: теория и практика. – 2011. – № 21 (204). – С. 7–16.
8. Мингалева Ж.А. Политика структурной модернизации // Журнал экономической теории. – 2012. – № 2. – С. 109–115.
9. Полтерович В.М. Региональные институты модернизации // Экономическая наука современной России. – 2011. – № 4 (55). – С. 17–29.
10. Полтерович В.М. Стратегии модернизации, институты и коалиции. // Вопросы экономики. – 2008. – № 4. – С. 4–24.
11. Романова О.А. Условия и факторы структурной модернизации региональной промышленной системы // Экономика региона. – 2011. – № 2. – С. 40–49.
12. Стратегическое планирование в Российской Федерации: состояние методического обеспечения. Аналитический доклад (по результатам мониторинга реализации Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»). [Текст]: препринт WP8/2016/02 / А.В. Клименко, В.А. Королев, Д.Ю. Двинских, Н.А. Рычкова, И. Ю. Сластихина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – (Серия WP8 «Государственное и муниципальное управление»). – 60 с.
13. Филатов В.И. Структурная модернизация экономик России и Беларуси как фактор преодоления последствий мирового финансов-экономического кризиса // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2014. – № 2. – С. 87–96.
14. Ясин Е.Г. Модернизация российской экономики: что в повестке дня // Экономический журнал ВШЭ. – 2001. – № 2. – С. 157–178.
15. Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. 2014. // Министерство финансов РФ. URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2015/09/main/KNIGA_2014_Izdano.pdf. Дата обращения: 15.02.2018.
16. Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. 2015. // Министерство финансов РФ. URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2016/09/main/Ispolnenie_budzheta_2015.pdf. Дата обращения: 15.02.2018.
17. Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. 2016. // Министерство финансов РФ. URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2017/04/main/0454_Ispolnenie-2017_preview.pdf. Дата обращения: 15.02.2018.
18. Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. 2017. // Министерство финансов РФ. URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=122395. Дата обращения: 15.02.2018.
19. Отчет о налоговой базе и структуре начислений по налогу на прибыль организаций. Форма статистической налоговой отчетности № 5-П. По состоянию на 1.01.2017. URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/6101819/. Дата обращения: 15.02.2018.

От редакции

Некороткий перечень посвященных «лихим девяностым» книг, написанных непосредственными свидетелями и участниками тогдашних событий¹, пополнен: в начале сего года в издательстве «АСТ: CORPUS» увидела свет монография П.О. Авена (в указанное десятилетие — одного из совладельцев и топ-менеджеров «Альфа-Банка» и министра внешнеэкономических связей РФ) «Время Березовского» [2]. Объемистый, более чем в 60 печатных листов, том аннотирован следующим образом: «Для истории 1990 годы в России стали эпохой Горбачева и Ельцина, которые, несмотря на свой прижизненный антагонизм, так и останутся в ней братьями-близнецами, сокрушившими советскую власть. Но для очень многих людей того поколения символом 90-х была фигура Бориса Абрамовича Березовского. Почему именно он воплотил в себе важные черты своего времени — времени становления второго российского капитализма?»

Этот вопрос автор книги, Петр Авен, обсуждает с двумя десятками людей, хорошо знавших Березовского в разные периоды его жизни. Среди собеседников автора — Валентин Юмашев и Александр Волошин, Михаил Фридман и Анатолий Чубайс, Сергей Доренко и Владимир Познер. У каждого из них — собственная версия ответа на вопрос, почему невысокий энергичный доктор наук из академического института вдруг взлетел до статуса символа эпохи, воплотив в себе ее смелые дерзания и неприглядные падения. Жизнь Березовского окончилась трагедией, но история страны продолжается. И то, в какую сторону она повернет на следующем историческом перекрестке, зависит от ее готовности усвоить уроки, преподанные недавним прошлым» [2, с. 2].

Названную книгу комментирует наш давний и активный автор, член редколлегии журнала.

ВРЕМЯ БЕРЕЗОВСКИХ (О КНИГЕ П.О. АВЕНА «ВРЕМЯ БЕРЕЗОВСКОГО»)

Любинин А.Б.,

доктор экономических наук, профессор, член совета директоров АО «Бизнес-Альянс»

Аннотация. Статья представляет собой читательский отклик на книгу П.О. Авена «Время Березовского», составленную на основе бесед с людьми, близко знавшими Березовского в личном и деловом плане в течение длительного времени. Для некоторых, в том числе для Авена, Березовский был «символом эпохи». Для подавляющего большинства россиян — одним из ее наиболее одиозных и отвратительных проявлений. На основе анализа материалов книги рецензент прослеживает созревание феномена Березовского с «перестроечного» времени до его ухода из жизни. Показываются: а) беспрецедентное честолюбие и своеобразный талант, продвигавшие героя книги к вершинам финансового и политического могущества; б) неизбежность бескомпромиссного столкновения с высшей государственной властью, приведшего Березовского к личному краху.

Ключевые слова: «перестройка», либеральные реформы, президент страны, М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин, В.В. Путин, Б.А. Березовский, Е.Т. Гайдар, А.Б. Чубайс.

¹ В этом ряду — и выпущенные ИД «Экономическая газета» монографические работы руководителей последних советских правительств [1, 3, 5, 6], представленные на страницах «Российского экономического журнала». См., например: [4, 7].

**THE BEREZOVSKIES TIMES
(ON THE BOOK BY P.O. AVEN
“THE BEREZOVSKY’S TIMES”)**

Lyubin A.B.,

*Doctor of Economic Sciences, Professor,
member of the Board of Directors of JSC “Business-Alliance”*

Abstract. This is a reader’s response to the book by P. Aven “Berezovsky Time”. P. Aven compiled this book based on interviews with people who knew Berezovsky in private and business for a long time. For some of them, including P. Aven, Berezovsky was a “symbol of the era”, for the vast majority he was one of its most odious and disgusting manifestations. The publication traces the maturation of the Berezovsky phenomenon from the perestroika period to his death. The author shows (a) unprecedented ambition and a unique talent, promoting to the heights of financial and political power, (b) a certain stage the inevitability of an uncompromising clash with the supreme state power, which led to Berezovsky’s personal collapse.

Keywords: «*perestroika*», liberal reforms, president of the country, M.S. Gorbachev, B.N. Yeltsin, V.V. Putin, B.A. Berezovsky, E.T. Gaidar, A.B. Chubais.

Петр Авен подготовил книгу о человеке, имя которого в 90-х и в начале нулевых годов было на слуху у всего взрослого населения страны. Его жизнь закончилась в Англии в 2013 г., где он поселился после отъезда из России, попросив и получив в 2010 г. у британского правительства политическое убежище. Сейчас это имя, можно сказать, забыто и вспоминается только в мемуарах. Березовский не стал ни для власти, ни для ее оппонентов, подобно Б. Немцову, символом протестных устремлений и знаковой фигурой, память о которой расчетливо, с прицелом на властное будущее, хранят политические последователи. Несмотря на сыгранную крупную роль и внушительное влияние на деловую и политическую жизнь, Березовский после смерти был быстро забыт и как бы исчез, целиком затерялся в ушедшем прошлом, ничего общественно значимого для будущего страны не оставив.

Но Березовский был, несомненно, неординарной фигурой. И в этом своем качестве он, конечно, представляет определенный историко-биографический интерес. П.О. Авен, который, по его словам, «много лет близко дружил с Березовским — очень давно» [2, с. 9], попытался соотнести прожитую Березовским бурную жизнь с характерными социально-политическими особенностями времени его уникальной активности. Житие этого неугомонного человека, начиная с советского времени, предстает через беседы П. Авена со многими близко знавшими героя книги людьми, входившими в его узкий круг: друзьями, сослуживцами, партнерами, членами семьи. Так что жанр книги можно определить как журналистское расследование или исследование.

Похоже, и интервьюер, и его собеседники откровенны в своих высказываниях по затрагиваемым вопросам, в том числе самым острым. Собеседники нередко не соглашались с П. Авеном, как, впрочем, и он с ними. Березовский не приукрашен и не очернен намеренно, хотя этого вполне можно было ожидать. По отзывам многих собеседников П. Авена, да и по его собственным, Березовский был человек сильно необязательный: «легко и непринужденно» забывал о денежных долгах и других серьезных обещаниях, готов был на ходу пересматривать договоренности или вообще отказываться от таковых. Как итог, незаслуженно и сильно обижал (даже обирал — такое тоже было) некоторых, включая хорошо знакомых ему людей.

Но, как свидетельствуют эти же люди, Березовскому было присуще и другое: добровольное бескорыстное дружеское участие (в том числе материальное). Такие вот контрасты совершенно органично сочетались в этом человеке, свидетельствуя о специфическом его душевном устройстве.

Из книги ясно, что Березовский не был, так сказать, борцом идеологического фронта. Он не делал броских политических заявлений, не возглавлял шествия, не выступал на митингах, ругая власть. Он никогда не заморачивался на идеологические детали и тонкости. Это совершенно не было его «чашкой чая». Отсутствие широкой идеологической публичности — достаточная причина того, что Березовский отсутствует в пантеоне идейных вдохновителей российской оппозиции. Не случайно в книге дискутируется инициированный П. Авеном, казалось бы, совсем уж странный для данного случая вопрос: «А был ли Березовский либералом?» В итоге все опрошенные создателем книги приходят к твердому выводу: «Да, конечно, был». Был, потому что не мог не быть. Как же иначе? Ведь его роль в постсоветской России исключалась бы вне становления частнокапиталистической системы отношений.

Однако появление, казалось бы, риторического вопроса: «Кто вы, мистер Березовский?» нельзя не отметить особо, настолько сам по себе этот вопрос примечателен. И возник он оттого, что все отвечавшие на него знали: доктор физико-математических наук, член-корреспондент Академии наук Березовский был во всех своих проявлениях откровенный прагматик, в первую очередь, прагматик, непревзойденный и признанный всеми, как участниками книги П. Авена, так, смело можно сказать, и оставшимися за ее пределами, гений прагматизма, чего бы это ни касалось (науки, экономики, политики), но прежде всего, разумеется, — обретения финансовых и властных возможностей.

По оценке П. Авена, Березовского отличал «бесконечный уровень амбиций. В основе которого лежало глубокое, столь же бесконечное уважение к себе» [2, с. 2]. Не получив престижную премию ЦК ВЛКСМ для молодых ученых с первого раза, он добился ее вручения со второго. Государственная и даже Ленинская премии его серьезно не увлекали, лауреатов этих премий в стране было много. Естественным заслуживающим его внимание делом было получение Нобелевской премии. «Сам план получения Нобелевской премии, — отмечает биограф Березовского, — включающий организацию цитирования его работ, пока не существующих, обработку членов Нобелевского комитета, саму процедуру выдвижения и т. п., был им уже написан» [2, с. 18]. Теоретиком талантливый математик Березовский был лишь в той ограниченной вспомогательной мере, которая давала выигрышную позицию для реализации сугубо прагматических целей, прежде всего — коммерческих и властных. «Мне иногда казалось, — пишет П. Авен, — что он специально заставляет окружающих поверить, что «все позволено», правил нет, и следовать обычным представлениям о правильном и возможном — глупо и неэффективно. И нет слова «нельзя» [2, с. 8].

Конечно, Березовский был сторонником частной собственности и того, что называется свободой предпринимательства. Но он никогда не теоретизировал на этом поприще, для него это не имело значения, он действовал, считая, по словам П. Авена, что «демократия — это разводка для лохов» [2, с. 18]. Идеологическую дискуссию — и, надо сказать, весьма напряженную, — ведут в книге как раз П.О. Авен и А.Б. Чубайс. Это дискуссия между людьми, вошедшими в состав первого постсоветского правительства. Но через несколько месяцев Авен ушел из правительства в бизнес, а Чубайс продолжал занимать в нем различные ответственные посты. В этой связи у сторон спора «между своими людьми

ми» сформировались различные жизненные позиции, а с этим — полное несогласие в деталях либеральных чувств, в чем с течением времени каждый укреплялся все больше. Но данный спор не имеет никакого отношения к Березовскому, и на этом нет смысла останавливаться. Отмечу лишь, что П. Авен для популяризации, надо думать, своей позиции поместил в книжке три собственные статьи, вышедшие в «Коммерсанте» в 1999 г. и 2000 г., а также в журнале «Русский пионер» в 2011 г.

В советское время, свидетельствует автор книги, Березовский, работая в академическом институте, активно практиковал подготовку «левых» диссертаций для должностных лиц, обменивая интеллектуальные услуги на деньги, различного рода дефицит и «правильные», полезные связи. Из потакания любви руководящих работников к ученым степеням и званиям во многом сложились отношения Березовского с АвтоВАЗом, а затем родился и ЛогоВАЗ, ставший оплотом делового и политического влияния Березовского в российском обществе.

Как-то неожиданно, однако, читать, что П. Авен, по его собственным словам, участвующий в диссертационном бизнесе, как самостоятельно, так и в творческих коллективах, организуемых Березовским, будучи сам ученым, не находит в подобном обмане и подлоге ничего предосудительного. Он даже не стесняется вспоминать об этом открыто и откровенно. Что собственного плохого он делал, обманывая ВАК и наводняя страну псевдоучеными? Можно еще как-то понять лидеров «Альфа-банка», которые, не соглашаясь, по словам П. Авена, с отдельными экономико-политическими акциями государства, тем не менее, становились соучастниками соответствующих процессов. Место в крупном бизнесе обязывало. Так, в 1999 г., не считая правильным вмешательство в ход предвыборной кампании на стороне Ельцина, «Альфа-банк», однако, предоставил свою часть денег в предвыборной фонд. Якобы не одобряя идею залоговых аукционов, грубо нарушающих принципы экономического либерализма (что является статус-символом его лидеров), банк принял в них деятельное участие. И если бы счастье улыбнулось, и он победил, — то что, следуя своим принципам, вернул бы приз в казну? Конечно, нет. Но такая двойственность — результат столкновения внутреннего убеждения с внешними обстоятельствами. А вот «помощь» в написании диссертаций — чистый добровольный криминал.

Считается, что Березовский является автором оригинального подхода к «зарабатыванию больших денег» в начале постсоветского периода. Не надо приватизировать предприятие, становиться его собственником и влезать в связанную с этим опасную борьбу. Достаточно коррумпировать, подкупить старший менеджмент предприятия и приватизировать его прибыль. Знавшие Березовского говорят, что все это, сопровождаемое уникальным даром Березовского убеждать, «решать вопросы», действительно реально работало в его мастерском исполнении и как эффективное новаторское решение должно быть оценено высшим баллом. Думается, эта «управленческая новация», требующая куража и умения манипулировать людьми, была придумана Березовским еще в перестроечный период, когда был налажен обмен научных услуг на различного рода полезные блага. Этот прием был перенесен автором в более подходящие условия распада советской системы хозяйства.

Как свидетельствуют собеседники Авена, Березовский отдавал себе отчет в том, что в силу очевидной национальной принадлежности он никогда не займет высших государственных постов в России. А ему очень хотелось быть президентом страны. Вот его откровения будущему биографу: «Мешает отчество. Был бы Александрович — стал бы

точно. Про национальность никто бы и не вспомнил. А «Абрамович» уж слишком режет слух» [2, с. 19]. Не имея шансов, фигурально говоря, стать королем, он решил стать «создателем королей». Березовский многого достиг в этой увлекательной игре. Достаточно сказать, что он серьезно помог Ельцину стать в 1996 г. президентом страны; а Лебедю в 1998 г. выиграть выборы губернатора Красноярского края. Березовский серьезно способствовал созданию «Единой России», используя ОРТ и Доренко. В 1999 г. он успешно боролся против коалиции Лужкова и Примакова, опуская «ниже плинтуса» ее авторитет и влияние перед парламентскими выборами; потом затеял интригу против Примакова, завершившуюся его отставкой, когда тот был назначен Председателем правительства. Роль продюсера общественно-политических процессов стала страстью Березовского. Он был в ней неподражаем и производил впечатление человека, который может все.

Но окрыляемый волной успеха, Березовский переиграл. Удачливый манипулятор вообразил, что именно он явился ведущим действующим лицом в победе проельцинских сил на парламентских выборах 1999 г. и в последующем выдвижении Путина к вершинам российской власти. После этого, учитывая, как он думал, свои особые отношения с Путиным, в которых его позиция доминирует, Березовский посчитал, что его политическое будущее как влиятельнейшего лица российского государства надежно обеспечено, и, имея в своем кармане «контрольный пакет», он может, наконец, расслабиться, отдыхать и заслуженно наслаждаться своей удавшейся жизнью.

Это было роковой ошибкой. Одно дело — помогать власти и за ее счет обогащаться. Совсем другое дело — контроль над властью. Если, не имея высоких распорядительных полномочий в структуре собственности и управления, можно было в начальной фазе постсоветского периода с помощью ловких организационных маневров и «дружеских» услуг обеспечивать присвоение финансовых результатов деятельности объектов госуправления, то в системе самого государственного управления это исключалось. Нет должности — нет контроля, нет достаточных рычагов влияния на принимаемые властью решения. Столкновение частных амбиций с властью на почве попыток внешнего опекунства неизбежно и всегда заканчивалось подавлением амбиций. Примером плачевного для такого рода амбиций исхода является не только крах Березовского, но также история Гусинского и Ходорковского. Все эти люди оказались выдавлены властью за пределы страны. А ведь какими неуязвимыми они казались самим себе!

Собеседники Авена и он сам по-разному оценивают причины ухода Березовского из жизни. Не было причин для самоубийства, говорят одни, указывая на то, что Березовский любил жизнь во всех ее проявлениях, был жизнерадостен, его не мучили угрызения совести и переживания по поводу неудачно принятых решений. Аутодафе для таких натур, не без известных оснований, полагают сторонники насильственной смерти Березовского, исключено по определению. Другие считают, что самоубийство для него стало возможным в качестве выхода из невыносимой пустоты, к которой пришла его полная борьбы и побед жизнь. Он, как отмечают соавторы П. Авена, склонные к такому пониманию, особенно остро почувствовал эту пустоту в себе и вокруг себя после проигрыша в Высоком суде Лондона дела, затеянного им против Р.А. Абрамовича, в выигрыше которого он был несокрушимо уверен. После этого удара судьбы поникший Березовский хотел вернуться в Россию, писал действующему президенту покаянные письма с признанием своих ошибок, организовывал их доставку адресату, но не нашел отклика. Эта версия представляется более обоснованной. Она тоже основана на знании характера Березовского, но учитывает и главную черту его психофизического типа, как он описыва-

ется всеми участниками опрошенного П. Авеном сообщества. Из каждого свидетельства проступает образ природного эгоиста редкой чистоты, Человека, пораженного самой тяжелой и неизлечимой формой эгоизма. Для такого поведенческого типа как раз характерны отмечаемые многими рассказчиками несокрушимая уверенность в себе и в своем интеллектуальном превосходстве (любимая отличительная фраза, на которую указывают все корреспонденты: «Ты не понимаешь»), способность убедить и переубедить любого, неограниченные амбиции, отсутствие стеснительности и угрызений совести, лихость и даже своего рода храбрость (начальник службы безопасности Березовского даже полагает, что он сам организовал покушение на себя — взрыв в собственном автомобиле). Это сильные качества, способные вознести человека к вершинам власти и богатства (что, собственно, и произошло с Березовским). Но они же могут и разрушить его жизнь, предопределив скорбный финал, когда неукротимый внутренний жизненный посыл на превосходство, победу и выигрыш в азартно затеянной игре наталкивается на непреодолимые жизненные препятствия. Быть лузером такой человек не может, не может абсолютно и категорически. И дело здесь даже не в дефиците денег, как справедливо подчеркивают некоторые соавторы П. Авена, сама жизнь утратила для поставленного в подобное положение Березовского смысл. Для счастья не стало более перспектив, словно вокруг кончился воздух и дышать оказалось уже нечем.

Несмотря на название «Время Березовского», Березовский — не единственный герой этой книги. Он, конечно, выдающийся талант и оригинал, единственный в своем роде. Но время действия книги П. Авена не было только временем Березовского. Березовский оказался примечательным и заметнейшим явлением своего времени, начавшегося с перестройкой, «крутился» в нем. Он активно и порой результативно реагировал на развивающиеся политические процессы, но находился не над ними, а внутри них, не формировал их общий стратегический смысл, а влиял на тактические аспекты (такую оценку дает, например, В.Б. Юмашев). Если уж связывать те или иные периоды поздней и постсоветской трансформаций с именами конкретных персонажей, то выделять надо «время Горбачева», «время Ельцина», «время Путина». «Время Березовского» — вне этого логического ряда. Наряду с Березовским, ловя свой шанс, действовали многочисленные «мини-Березовские», которые в меру своих способностей и везения реализовывали себя в экономике и политике. Таким образом, П.О. Авен фактически написал книгу об особенном «времени Березовских», когда, как указывается в авторском предисловии к книге, открылись «новые, огромные возможности — новые, немислимые призы. Главные из которых, как обычно, — богатство и власть. Которые к тому же слились воедино. И огромное искушение быстро стать богатым и сильным. Для тех, кто вчера не мог об этом и мечтать. Любой ценой» [2, с. 8]. В стране была «золотая лихорадка» со всеми ее правдами и неправдами. В определенной мере практически все собеседники Авена, да и он сам со своим банковским (и не только) бизнесом, в той или иной мере — тоже представители этого времени «бури и натиска» на государственное имущество, бюджетные средства и близость к власти.

В качестве единственной основы правильного устройства общественной жизни П.О. Авен полагает свободу политической и экономической деятельности, что является традиционной либеральной риторикой, ее броским лозунгом. После всего написанного по поводу либерализма и его всемирно-исторической эволюции выдвигать тезис свободы в качестве решающего аргумента уже нельзя, уже теоретически несостоятельно. Любая свобода проявляется в способе реализации и никогда не свободна от него.

Свобода частной собственности и рыночного хозяйства (а именно такую свободу имеет в виду П. Авен) автоматически порождает неравенство, а с этим — многообразные формы внешней зависимости. Поэтому указанием на необходимость свободы либерал сегодня может взбодрить только самого себя, тогда как общество наряду со свободой ощущает императивную необходимость других конкретных характеристик современной системы социально-экономических отношений, в том числе — сопряженных с социальной справедливостью.

Библиографический список

1. Абалкин Л.И. Россия: осмысление судьбы. — М.: ИД «Экономическая газета», 2012. — 864 с.
2. Авен П.О. Время Березовского. — М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2018. — 816 с.
3. Павлов В.С. Верю в Россию. — М.: ИД «Экономическая газета», 2005. — 668 с.
4. По поводу мемуарно-аналитической книги В.И. Щербакова «Катастрофы могло и не быть. Гибель СССР: взгляд изнутри последнего Союзного правительства» // Российский экономический журнал. — 2016. — № 4. — С. 78–82.
5. Рыжков Н.И. На рубеже эпох. Размышления. — М.: ИД «Экономическая газета», 2013. — 464 с.
6. Щербаков В.И. Катастрофы могло и не быть. Гибель СССР: взгляд изнутри последнего Союзного правительства. — М.: ИД «Экономическая газета»: АНО АМБА, 2016. — 434 с.
7. Якутин Ю.В. Ревнитель России (штрихи к портрету Николая Рыжкова. Фрагменты вступительной статьи к книге Н.И. Рыжкова «На рубеже эпох. Размышления» // Российский экономический журнал. — 2013. — № 4. — С. 96–115.

Академия менеджмента и бизнес-администрирования

- **Ко нсалтинг**
- **Бизнес-образование**
- **Научно-практические журналы**
- **Международный бизнес-клуб «Деловое партнерство»**

www.a-mba.ru

реклама

НАГРАЖДЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ ВСЕРОССИЙСКОГО КОНКУРСА НАУЧНЫХ РАБОТ МОЛОДЕЖИ «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ РОССИИ»

16 мая в Большом зале медицентра «Российской газеты» состоялась торжественная церемония награждения победителей и лауреатов XXI Всероссийского конкурса научных работ молодежи «Экономический рост России». Конкурс организован Вольным экономическим обществом России при поддержке Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Института экономики РАН, Издательского дома «Экономическая газета».

Президент ВЭО России Сергей Бодрунов напомнил гостям и участникам церемонии, что Вольное экономическое общество России проводит конкурс с 1996 года. Больше 20 лет ВЭО России ведет работу по выявлению молодых талантов. За эти годы из победителей и лауреатов конкурса выросло немало ученых, практиков, общественных и государственных деятелей. ВЭО России не теряет с ними связь, радуется их успехам как на научном, так и на государственном, общественном и практическом поприщах. Сергей Бодрунов подчеркнул, что конкурс носит название «Экономический рост России» не случайно: «Разве возможен рост, модернизация экономики без вовлечения молодых людей? Основной движущей силой развития, источником новых знаний были и остаются люди. Кто, если не они, поставит Россию на рельсы нового индустриального общества?»

Маргарита Ратникова, вице-президент, директор ВЭО России, рассказала о широкой географии конкурса: «Во всероссийский этап Конкурса после серьезного отбора на первом региональном этапе вышли работы из 70 городов, 8 сельских поселений 56 субъектов Российской Федерации».

Алексей Савин, член Правления ВЭО России, заместитель главного редактора «Российской Газеты», отметил, что такая широкая география конкурса радует: «Иногда кажется, что мысль бьется в 5-6 «университетских» городах, но, как вы слышали, работы пришли из 56 субъектов РФ, и все они сильные, зрелые, профессиональные и актуальные — то есть всюду мысль, и это очень приятно».

Руслан Гринберг, вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, в приветственном слове отметил высокий уровень работ, пришедших на конкурс, и то, что в них было много свежих и оригинальных идей. Руслан Гринберг выразил надежду, что молодые люди, победители конкурса, смогут найти новые нестандартные решения — как вывести российскую экономику на устойчивую траекторию развития — и предложат их людям, принимающим решения.

С приветственным словом выступил и один из руководителей Российского исторического общества — партнера ВЭО России, исполнительный директор Фонда «История Отечества» Константин Могилевский. Он отметил, что высоко ценит партнерские отношения между ВЭО России и Российским историческим обществом и считает их закономерными, потому что экономика и история испокон веков идут рука об руку.

Награды победителям и лауреатам конкурса, дипломы, денежные премии и памятные подарки вручили президент ВЭО России Сергей Бодрунов и научный руководитель Института экономики РАН Руслан Гринберг.

Высшая награда конкурса — премия имени академика Л.И. Абалкина — была присуждена в этом году Попову Андрею Васильевичу, младшему научному сотруднику Вологодского научного центра Российской академии наук, за работу «Распространение неустойчивой занятости как ограничитель экономического роста России».

Издательский дом «Экономическая газета» в специальной номинации «Экономика и духовность» наградил Курганскую Марию Юрьевну, студентку 1-го курса магистратуры Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (г. Санкт-Петербург), за работу «Внедрение гендерно-трудовой проблематики в систему общего образования как фактор экономического роста России». Диплом и подарок победителю вручила генеральный директор ИД «Экономическая газета», член Президиума ВЭО России **Татьяна Козенкова**.

Дмитрий Сорокин, вице-президент ВЭО России, научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ, а также бессменный руководитель Абалкинских чтений, продолжая дело выдающегося ученого Леонида Ивановича Абалкина, который много лет был научным руководителем ВЭО России, вспомнил слова Леонида Ивановича о том, что главное условие устойчивого экономического развития — это не инновации, не технологии, а то, что каждое следующее поколение должно быть немного умнее предыдущего. «И если будет так, то залог прогресса нашей с вами родины обеспечен», — подытожил Дмитрий Сорокин.

Судя по географии конкурса и уровню поданных работ, у России есть все шансы на светлое будущее — на преодоление технологического отставания, на то, чтобы вырваться в мировые лидеры.

Списки победителей конкурса размещены на сайте www.veorus.ru.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ АКАДЕМИИ МЕНЕДЖМЕНТА

31 мая 2018 года в Октябрьском зале Дома Союзов состоялось ежегодное общее Собрание Международной Академии менеджмента.

Открыл Собрание Президент Международной Академии менеджмента, председатель Совета директоров Группы компаний «Автотор», д. э. н., профессор **В.И. Щербаков**. Он прокомментировал видеопрезентацию с отчетом о работе Академии в 2017–2018 гг. и рассказал о дальнейших планах ее работы.

В своем докладе В.И. Щербаков осветил основные направления деятельности Академии: проведение заседаний Круглого стола «Проблемы менеджмента в XXI веке» и Ученого Совета по присуждению степени доктора экономики и менеджмента, новый формат проекта «Менеджер года», результаты информационно-издательской и организационной деятельности.

На Собрании с приветственным словом выступила **М.А. Ратникова**, вице-президент Вольного экономического общества России и Международного Союза экономистов.

С Отчетом о финансово-хозяйственной деятельности Академии выступил **Р.Р. Сароян**, председатель Ревизионной комиссии, академик Международной Академии менеджмента.

В ходе собрания прошло обсуждение и принятие новой редакции Устава Академии. Обсуждение вел **В.А. Раевский**, главный ученый секретарь, председатель комиссии Президиума Академии по Уставу.

Модератором научной части Собрания в формате Open Space Management Fest «**Менеджмент в условиях цифровой трансформации экономики и общества**» выступил **В.Е. Усанов**, директор Международной Академии менеджмента, академик Российской академии образования, д. ю. н., профессор.

С основными докладами выступили:

М.Л. Хазин — российский экономист, аналитик, Президент Фонда экономических исследований Михаила Хазина;

Г.Г. Малинецкий — заведующий отделом нелинейных процессов Института прикладной математики РАН им. М.В. Келдыша, д. ф-м. н., профессор;

Е.Н. Ведута — заведующая кафедрой экономической политики МГУ им. М.В. Ломоносова, д. э. н., профессор;

Н.Р. Аракелян — научный руководитель программ МВА ФГУ МГУ и МФТИ, к. э. н. ;
С.В. Хайниш — директор Центра «IMI-Консалтинг» Международного научно-исследовательского института проблем управления (МНИИПУ), д. т. н., профессор;
Д.А. Камболин — директор компании Systematic Alpha Management, Inc. ;
Л.А. Колесова — эксперт «Сретенского клуба», к. ф. н., доцент Государственного академического университета гуманитарных наук.

Все они представили свое видение проблем управления в условиях современности и предлагали собственные рецепты их решения.

В дискуссии приняли активное участие:

Н.В. Киреева — профессор кафедры экономики Уральского социально-экономического института Академии труда и социальных отношений, член Международной Академии менеджмента, д. э. н. ;

М.В. Головин — генеральный директор ООО «Интурист»;

Е.А. Малицкая — партнер АМП «Проектный Альянс», эксперт Проектного офиса развития Арктики;

Е.В. Александрова — директор по развитию Лаборатории институционального проектного инжиниринга (ipe-lab.com);

Г.В. Волков — первый вице-президент RS GROUP;

Е.Г. Бородина — карьерный коуч, сооснователь BNC Group;

В.В. Майданникова — руководитель АНО «Здоровая Нация XXI век»;

И.А. Корягина — доцент кафедры теории менеджмента и бизнес-технологий, начальник отделения по международной деятельности, заместитель декана финансового факультета РЭУ имени Г.В. Плеханова, к. и. н. ;

Е.Б. Патов — руководитель отдела продаж компании CityLife.

На Собрании традиционно состоялись выборы действительных членов (академиков) и членов-корреспондентов Международной Академии менеджмента.

СЪЕЗД ВЭО РОССИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

2 апреля 2018 года состоялся Съезд Вольного экономического общества России.

В повестку дня вошли следующие вопросы:

I. Научная часть Съезда Вольного экономического общества России. IV Санкт-Петербургский международный экономический конгресс (СПЭК-2018) на тему: «Форсайт «Россия»: Новое индустриальное общество. Будущее».

II. Организационная часть Съезда Вольного экономического общества России.

1. Отчет о деятельности ВЭО России за период март 2016 — март 2018 гг. Отчет ревизионной комиссии о проверке финансово-хозяйственной деятельности ВЭО России за период 2016–2017 гг.

2. Утверждение бухгалтерской отчетности ВЭО России.

3. Об Уставе ВЭО России.

4. О размере и порядке уплаты членами ВЭО России членских взносов.

5. Организационно-методические вопросы.

5.1. Об избрании Президента ВЭО России.

5.2. Об избрании Правления ВЭО России.

5.3. Об избрании Ревизионной комиссии ВЭО России.

5.4. О передаче отдельных полномочий Правления Президиуму ВЭО России.

5.5. Об определении порядка приема в члены ВЭО России и исключения членов из состава членов ВЭО России и утверждении Положения о членстве в ВЭО России.

Научная часть Съезда Вольного экономического общества России

В научной части Съезда ВЭО России состоялся IV Санкт-Петербургский экономический конгресс «Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Будущее». В этом году в работе Конгресса приняли участие около 700 ведущих специалистов в области экономики из разных стран. На Конгресс приехали ученые и экономисты из Франции, Австрии, Италии, Греции, Китая, Великобритании и Эстонии. Санкт-Петербургский международ-

ный экономический конгресс проводится уже в четвертый раз и по традиции посвящен будущему российской экономики. «Мы занимаемся будущим индустриального облика России, — рассказал о целях и задачах Конгресса Сергей Бодрунов, президент Вольного экономического общества России, — изучаем, как страна будет развиваться и жить через десять, пятьдесят и сто лет».

Если еще несколько лет назад реиндустриализация, новое индустриальное общество — все это казалось утопией, то сегодня о реиндустриализации говорят все — от ученых до политиков и студентов. «Деиндустриализация — трагедия российской экономики, — не раз отмечал Президент Вольного экономического общества России Сергей Бодрунов, — стране необходима реиндустриализация промышленности на новой высокотехнологической основе и эволюция экономической базы». Чтобы оказаться в светлом индустриальном будущем, России нужна активная промышленная политика. «Это когда в экономике работают активные промышленные траволаторы, и бизнес может выбрать, на какой встать: одни будут ускорять его движение вперед, другие тормозить, — отметил профессор Сергей Бодрунов, — направление движения таких траволаторов задает государство». В рамках работы Конгресса Сергей Бодрунов представил концепцию «ноономика», которая должна составить основу общества будущего. «Растущая роль знаний — не в том, что интеллектуальное производство вытесняет материальное, — отметил Сергей Бодрунов, — само материальное производство становится значительно более знаниеемким. В результате наступает момент, когда во многих продуктах интеллектуальная часть начинает существенно превышать часть материальную».

Сергей Бодрунов подчеркнул, что человечество сейчас стоит на распутье — либо оно двигается в сторону «ноономики», либо выбирает негативный сценарий, который чреват проблемами вплоть до глобальных катастроф.

На Съезде также был торжественно открыт Мемориум Вольного экономического общества России, посвященный 200-летию Карла Маркса, в рамках которого запланировано несколько крупных международных мероприятий, которые пройдут в мае под эгидой ВЭО России.

Модератор научной части — **Александр Владимирович Бузгалин**, Руководитель Центра современных марксистских исследований МГУ имени М.В. Ломоносова, руководитель московского отделения Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, д. э. н., профессор.

В дискуссии приняли участие:

Сергей Дмитриевич Бодрунов, Директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, д-р экон. наук, профессор.

Виктор Викторович Ивантер, Действительный член Сената ВЭО России, Научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, д-р экон. наук, профессор, академик РАН.

Сергей Юрьевич Глазьев, Вице-президент ВЭО России, Советник Президента Российской Федерации, д-р экон. наук, профессор, академику РАН.

Гавриил Харитонович Попов, Председатель Сената (Совета старейшин) ВЭО России, Почетный президент ВЭО России, президент Международного Союза экономистов, д-р экон. наук, профессор, академик РАЕН.

Роберт Искандерович Нигматулин, Член Президиума РАН, научный руководитель Института океанологии РАН имени П.П. Ширшова, д-р физ.-мат. наук, профессор, академик РАН.

Олег Николаевич Смолин, Первый заместитель председателя Комитета по образованию и науке Государственной Думы Федерального Собрания РФ, д-р филос. наук, профессор, академик РАО.

Руслан Семенович Гринберг, Вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН.

Дмитрий Евгеньевич Сорокин, Вице-президент ВЭО России, научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ, д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН.

Георгий Борисович Клейнер, Член Президиума ВЭО России, заместитель научного руководителя, руководитель научного направления Центрального экономико-математического института РАН, д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН.

Яков Моисеевич Миркин, Заведующий отделом международных рынков капитала Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова, д-р экон. наук, профессор.

Организационная часть Съезда Вольного экономического общества России

- Утверждена новая редакция Устава ВЭО России.
- Сергей Бодрунов был единогласно избран Президентом ВЭО России сроком на пять лет.
- Избрано новое Правление ВЭО России в составе 128 человек сроком на пять лет.
- Избрана Ревизионная комиссия ВЭО России в составе 6 человек сроком на пять лет.

По окончании Съезда Состоялся Пленум Правления ВЭО России, на котором был избран Президиум ВЭО России в составе 53 человек: Вице-президенты и члены Президиума ВЭО России, а также утвержден состав Сената Вольного экономического общества России в составе 24 человек.

В преддверии Съезда ВЭО России и Санкт-Петербургского международного экономического конгресса состоялся «Деловой завтрак» в «Российской газете» с Сергеем Бодруновым.

Материалы по итогам опубликованы в Российской газете № 68 (7531) от 2 апреля 2018 г.

Работу Съезда Вольного экономического общества России освещали телеканалы ОТР и Россия-24.

В тот же день состоялось Ежегодное XXVII собрание членов Международного Союза экономистов. Гавриил Харитонович Попов, президент Международного Союза экономистов, предложил прекратить его полномочия как Президента МСЭ и избрать Президентом МСЭ С.Д. Бодрунова. Сергей Бодрунов единогласно избран Президентом Международного Союза экономистов сроком на 5 лет.

Подробнее — на сайте veorus.ru.